КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LI.

1895 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4

1895

Дозволено цензурою. Кіевъ, 4 Октября 1895 года.

Н. В. ЛИСЕНКО,

имѣя намѣреніе издать сборникъ обрядныхъ малорусскихъ пѣсенъ (веснянки, петривошни, купальски, зажнывни, обжыночни, весильни, колядкы, щедривкы и друг.), убѣдительнѣйше проситъ уважаемыхъ любителей и любительницъ музыкальнаго народнаго творчества, имѣющихъ уже въ своемъ распоряженіи пѣсенный матеріалъ упомянутаго рода, тексты мотивы, сообщать ему таковой по адресу: Кіевъ, Маріинско-Благовѣщенская ул., д. № 89.

Матерьялъ этотъ, драгоцѣнный по глубокой древности своей, на глазахъ нашихъ изчезаетъ изъ народнаго пѣсеннаго обихода, и на обязанности родинолюбцевъ лежитъ сохранить хотя бы остатки этого оригинальнаго матерьяла въ интересахъ всесторонняго изученія родины.

ІОАННЪ ВЫШЕНСКІЙ, ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

(Окончаніе[1]*)*.

Теперь перехожу ко 2-й части Франковскаго сочиненія: разбору произведеній Вышенскаго въ ихъ хронологическомъ порядкѣ. Эта часть—самая капитальная въ книгѣ Франка, и по содержанію, и по объему. Но я положительно не понимаю, что заставило Франка помѣстить ее раньше, а не послѣ біографіи Вышенскаго.

Вѣдь какую цѣль преслѣдовалъ Франко, работая надъ 2-й частью своей диссертаціи?—Онъ хотѣлъ установить хронологическую послѣдовательность произведеній Вышенскаго.—Хорошо. Но зачѣмъ ему это?—Затѣмъ, что, установивши хронологію произведеній Вышенскаго, мы можемъ наблюдать, какъ постепенно формируется духовный обликъ писателя,—можемъ установить „внутришню діалектику розвою".—Цѣль благая. Но какими же средствами мы опредѣлимъ дату составленія того или другого сочиненія писателя?—Посторонними свидѣтельствами да намеками, заключенными въ сочиненіяхъ самого писателя, на извѣстные историческіе факты, на какія-нибудь печатныя книги и т. п. Франко обыкновенно такимъ способомъ и опредѣляетъ хронологію сочиненій Вышенскаго; но когда постороннихъ свидѣтельствъ и т. п. осязательныхъ данныхъ у него не хватаетъ, онъ бросается въ логическій кругъ, дѣйствуя слѣдующимъ прі-

[1]) См. „Кіев. Стар". 1895 г., № 9.

емомъ: произвольно, силою собственной фантазіи, онъ начертываетъ себѣ тотъ путь или программу, по которому въ теченіе многихъ лѣтъ шли и развивались убѣжденія Вышенскаго, и вотъ затѣмъ на основаніи своего заранѣе сдѣланнаго психическаго построенія (не достовѣрнаго, а только въ лучшемъ случаѣ вѣроятнаго) онъ ужъ легко назначаетъ дату составленія для того или другого памятника;—„такое-то произведеніе", говоритъ онъ, „не соотвѣтствуетъ (придуманному мной) настроенію Вышенскаго въ такіе-то годы его жизни,—оно соотвѣтствуетъ настроенію такого-то болѣе ранняго періода". Потомъ, въ 3-й части диссертаціи, Франку приходится дать намъ біографію Вышенскаго и его характеристику (т. е. біографію его мысли): и вотъ здѣсь Франко исполняетъ предложенную задачу, опираясь на ту послѣдовательность всѣхъ произведеній Вышенскаго, какую установилъ во 2-й части. Конечно, въ результатѣ получается въ 3-й части какъ разъ тотъ обликъ Вышенскаго и какъ разъ то движеніе его идеаловъ, какое Франко придумалъ раньше, во 2-й части, но вѣдь это—опредѣленіе неизвѣстнаго посредствомъ неизвѣстнаго же: вторая часть строится на основаніи третьей, а третья на основаніи второй! Это крупная логическая ошибка со стороны Франка; изъ-за нея 3-я часть диссертаціи (біографія и характеристика Вышенскаго) лишилась надлежащей цѣнности, и потому-то я не считалъ нужнымъ держаться при разборѣ диссертаціи того порядка, котораго держится авторъ: я разобралъ сначала 3-ю часть, а ужъ потомъ перехожу ко 2-ой.

Не смотря на ея громадный объемъ (стр. 77—416), мнѣ придется о ней сказать сравнительно гораздо меньше, чѣмъ о третьей части, такъ какъ она спорныхъ и невыясненныхъ пунктовъ представляетъ гораздо меньше, а вѣдь я только ихъ и касаюсь.

Попытка разсортировать сочиненія Вышенскаго хронологически ужъ была сдѣлана и до Франка И. П. Житецкимъ (въ „Кіевск. Стар." 1890, іюнь). Франко увѣряетъ, что таблица Житецкаго „зовсимъ арбитральна" и ничѣмъ не мотивирована. Ну, на счетъ *полнѣйшаго* отсутствія мотивировки у Житецкаго говорить нельзя: у Житецкаго такъ же, какъ и у

Франка, она есть, хотя, конечно, у Франка она несравненно обстоятельнѣе и резоннѣе. Причемъ, если мы сличимъ таблицу Франка съ таблицей Житецкаго, то увидимъ, что въ сути-то онѣ обѣ очень близки между собою. Главныя произведенія Вышенскаго, дату составленія которыхъ можно опредѣлить съ несомнѣнной точностью, очевидно помѣщены обоими изслѣдователями на одинаковомъ мѣстѣ; разногласіе касается *преимущественно* тѣхъ сочиненій, дата которыхъ опредѣляется путемъ психологіи,—но извѣстно, какой это шаткій и невѣрный путь—психологія.

Всѣхъ сочиненій Вышенскаго дошло до насъ восемнадцать. Разсмотримъ ихъ въ томъ же порядкѣ, что и Франко.

№ 1. *Новина или вѣсть о обрѣтеніи тѣла Варлаама* (стр. 79). Это сочиненіе Франко помѣщаетъ между 1576—1580 гг. Оправдывается пословица, что первый блинъ комомъ. На „Новинѣ" даты никакой нѣтъ. Что это за Варлаамъ, архіепископъ Охридскій, и когда онъ жилъ, мы также ничего не знаемъ. По мнѣнію Франка, заглавіе „Новина" указываетъ на то, что сочиненіе написано вскорѣ послѣ убіенія Варлаама (такимъ образомъ, вмѣсто двухъ неизвѣстныхъ у насъ было-бы только одно). Но вѣдь „новина" можетъ означать просто „novella", т. е. повѣсть (въ другомъ мѣстѣ на стр. 230, объ этомъ говоритъ и самъ Франко), и т. о. заглавіе это не указываетъ на какую-то недавнюю новость. Упустивши изъ виду это обстоятельство, Франко ищетъ Варлаама въ спискѣ архіепископовъ Охридскихъ конца 16-го вѣка. На томъ основаніи, что объ архіепископахъ Охридскихъ, бывшихъ между 1574—1580 годамъ, мы не имѣемъ ни малѣйшихъ свѣдѣній, Франко догадывается, что въ это время былъ здѣсь владыкою Варлаамъ. А Голубинскій („Кратк. оч. исторіи правосл. церквей болг., серб. и румынской" М. 1871) предполагаетъ, что тогда архіепископъ былъ въ Охридѣ Гавріилъ! Повѣримъ однако не Голубинскому, а Франку, повѣримъ для того, чтобы прослѣдить дальнѣйшій ходъ его доказательствъ. Сперва зададимъ вопросъ: въ какой же именно изъ годовъ 1574—1580 Варлаамъ сталъ архіепископомъ въ Охридѣ? Франко избѣгаетъ дать точный отвѣтъ на

это и, вмѣсто того, предлагаетъ намъ новую гипотезу, что архіепископство Варлаамово длилось очень недолго: вскорѣ, *вѣроятно* его прогнали съ каѳедры. Хотя и на это Франко не представляетъ никакихъ доказательствъ, но я опять постараюсь повѣрить ему, чтобы опять предложить вопросъ: но *когда же именно* его прогнали? вѣдь если вдругъ окажется, что онъ былъ прогнанъ какъ разъ около 1581-го года, то Франко никакъ не распутается среди сложныхъ узловъ своихъ предположеній. Дѣло вотъ въ чемъ. По „Новинѣ", Варлаамъ изъ Охриды отправился еще въ Велесъ, и ужъ тамъ его убили; при этомъ мы не знаемъ, долго ли онъ тамъ прожилъ, вскорѣ ли его убили послѣ его прихода въ Велесъ, или спустя очень долгое время. Франко наудачу считаетъ нужнымъ предположить, что вскорѣ. Ничто намъ не ручается, что какой-нибудь новооткрытый документъ не возвѣститъ намъ о цѣлыхъ десяти-двадцати годахъ безмятежнаго пребыванія Варлаама въ Велесѣ, но повѣримъ-те опять Франку и посмотримъ, что будетъ дальше. „Новина" ясно говоритъ, что послѣ убіенія Варлаама прошелъ цѣлый еще годъ, пока тѣло его стало творить чудеса („Кіевск. Стар." 1890, іюнь, прилож. стр. 117). Если Варлаамъ ушелъ изъ Охриды въ 1581-мъ году, то чудеса могутъ относиться не ранѣе, какъ къ 1582-му году. Потомъ начались переговоры съ турецкими кадыями касательно перенесенія мощей Варлаама въ Охриду, продолжались они также нѣкое время... Нѣтъ! Франку ни за что не удастся пріурочить водвореніе мощей Варлаама въ Охридѣ къ 1578-му году, т. е. къ тому времени, когда Вышенскій, по разсчету Франка (въ 3-й части диссертаціи) поѣхалъ на Аѳонъ и проѣзжалъ черезъ Охриду. Не стоило и нагромождать кучу гипотезъ на гипотезѣ! не стоило понапрасну дискредитировать себя въ глазахъ читателя!—Вспомнить нужно, что ради той-же „Новины" Франку пришлось сдѣлать еще одну гипотезу, просто чудовищную: онъ, какъ я ужъ упоминалъ, погналъ Вышенскаго на Аѳонъ какой-то курьезной дорогой,— лишь бы привесть его въ Охриду!—Между тѣмъ оказывается, что изъ-за такого произведенія, какъ „Новина", не стоило и вовсе хлопотать да входить въ неудобныя сдѣлки съ логикой:

вѣдь „Новина“ Вышенскимъ не составлена (онъ даже не подписалъ своего имени подъ ней), а просто переписана. Кое-что о „Новинѣ“ сказано у Голубева въ „Объяснительныхъ параграфахъ по ист. зап.-русск. церкви“ (К. 1893, стр. 40). Голубевъ находитъ, что авторскія права Іоанна Вышенскаго по отношенію къ упомянутому произведенію, „*кажется*, должны быть значительно ограничены“.—„Мы думаемъ“, продожаетъ Голубевъ, что Новина есть ничто иное, какъ сдѣланное Вышенскимъ извлеченіе изъ болѣе обширнаго, въ то время ходившаго по рукамъ житія и прославленія архіепископа Варлаама. Что это произведеніе въ существенныхъ чертахъ принадлежитъ не Вышенскому,—достаточно указать на слогъ его (не исключая конечныхъ строкъ); что это именно извлеченіе изъ болѣе подробнаго житія,—достаточно привести начальную строку Новины: „По убіеніи *убо* и вверженіи въ рѣку Вардаръ блаженнаго *онаго* отца и проч.“ Не понятно, почему Голубевъ осторожно добавляетъ: „кажется“. Стоитъ бросить даже бѣглый взглядъ на „Новину“, чтобы увидѣть въ ней слогъ не Вышенскаго: здѣсь смѣсь церковно-славянщины и новоболгарщины. И Франко сознаетъ оба эти элемента, но видитъ въ нихъ только вящшее подтвержденіе для своей догадки о 1576—1580 годѣ. Коснемся сперва новоболгарскихъ элементовъ. Ихъ присутствіе Франко толкуетъ въ томъ смыслѣ, что Вышенскій написалъ свою „Новину“ по устнымъ разсказамъ Охридянъ. А по моему мнѣнію, это естественно свидѣтельствуетъ только о томъ, что „Новину“ или пространное „Житіе Варлаама“, составлялъ болгаринъ, м. б., одинъ изъ жителей Охриды. Франко, впрочемъ, не позаботился о томъ, чтобы представить читателю образцы новоболгаризмовъ, встрѣчающихся въ „Новинѣ“: всѣ приведенные имъ примѣры (кромѣ одного) вовсе не идутъ къ дѣлу. Вотъ тѣ „новоболгарскія слова и формы, которыя не употреблялись на Руси“, по словамъ Франка (стр. 82):

„*Плищъ*—perturbatio“. Возражу на это, что въ сѣверно-русскомъ прологѣ подъ 12-мъ февраля мы читаемъ. „Даде ему царь ярлыкъ свой, да свободно отъ всѣхъ плищей и попеченій клирицы и монахи живутъ“ (Лѣтоп. Русск. Литер.“ кн. 6-ая стр. 64).

На немъ же видѣ птищъ бѣлъ—тутъ есть и слово птищъ (вм. птиця) не русское и не церковно-славянское, и несклоняемый винительный, свойственный новому болгарскому языку".— Что касается такихъ формъ, какъ „птищъ", „птичищъ"[1]), „львищъ", „козлищъ" и т. п., то это вполнѣ обычная форма прежней литературной рѣчи всѣхъ православныхъ славянъ. Срв. Срезневскаго: „Свѣдѣнія и замѣтки о неизвѣстныхъ и мало извѣстныхъ памятникахъ" 1879, стр. 51. Кажется, что древне-русское „птичь", встрѣчаемое въ Словѣ о Полку Игоревѣ, должно быть отнесено сюда же (говорю: „кажется", потому-что существуетъ и иное объясненіе). А „несклоняемый винительный" („птищъ бѣлъ"), какъ его называетъ Франко, вовсе не представляетъ собой новоболгарскаго т. н. „косвенника": это обыкновенный винительный падежъ мужск. р. ероваго склоненія, который въ церковно-славянскомъ, и въ живомъ древнерусскомъ языкѣ былъ всегда сходенъ съ именительнымъ падежомъ, даже для предметовъ одушевленныхъ.

„*Въ образъ орла*—вм. въ образѣ орла".—Въ чемъ же здѣсь новоболгаризмъ? Можно здѣсь усмотрѣть латинизмъ, грецизмъ, но только не новоболгаризмъ.

„*Вноситъ въ село то тайно*—употребленъ болгарскій членъ". Единственный правильно приведенный примѣръ.

„*Сирамахъ*—слово болгарское". А малорусское „сиромаха"?!

Больше примѣровъ на новоболгаризмы у Франка нѣтъ. Обратимся теперь къ церковно-славянскимъ примѣсямъ „Новины". Ихъ присутствіе заставляетъ Франка отнесть „Новину" къ числу самыхъ первыхъ, раннихъ произведеній Вышенскаго: „это стиль и языкъ невыработанные, шаблонные, не похожіе на стиль и языкъ болѣе позднихъ произведеній нашего автора (стр. 81)". Странное представленіе о постепенной выработкѣ языка у древнихъ русскихъ литераторовъ! Неужели Вышенскій вначалѣ, только-что вышедши изъ міра, выражался съ большей примѣсью церковно-славянскихъ словъ и выраженій, чѣмъ

[1]) Въ той же „Новинѣ" есть и „птичищъ", но въ изданіи Игн. Житецкаго стоитъ „птичницъ" (стр. 11). Повидимому, это ошибка типографщика, а не издателя.

потомъ, поживши на Аѳонѣ и занявшись спеціально духовнымъ чтеніемъ? Вторая половина замѣчанія Франка („непохожіе на стиль и языкъ болѣе позднихъ произведеній“) также не правильна. Конечно, Вышенскій не научился писать настоящей церковно-славянщиной, его языкъ всегда оставался довольно живымъ, но у него есть одно произведеніе, гдѣ встрѣчается на нѣсколькихъ страницахъ такой же тяжелый стиль и языкъ, какъ и въ „Новинѣ“: я говорю о „Писаніи къ утекшимъ отъ православной вѣры епископомъ“ (Порфирій: „Востокъ Христіанскій“, прилож., стр. 1043 и сл.). Цѣлое посланіе—одно изъ наиболѣе живыхъ, но вставленный въ него разсказъ о чудѣ во времена Михаила Палеолога изложенъ старославянскимъ языкомъ. И я думаю, что это сходство съ „Новиною“—не случайное. Вышенскій тогда имѣлъ наклонность популяризовать православныя болѣе новыя чудеса (срв. дисс. Франка, стр. 229), и мнѣ представляется очень вѣроятнымъ, что переписка „Новины“ имѣла мѣсто около того же времени, когда составлено „Писаніе къ епископомъ“, т. е. приблизительно около 1598-го года. Въ собственноручномъ спискѣ своихъ произведеній Вышенскій помѣстилъ „Новину“ на послѣднемъ мѣстѣ („Кіев. Стар.“ 1889, апр., прилож., стр. 28). Напрасно Франко отказывается видѣть въ этомъ спискѣ полнѣйшее отсутствіе хронологической послѣдовательности.

№ 2. Слѣдъ къ постыженію и изученію художества, приводящаго къ вѣчной правдѣ (стр. 87—88). Что думаетъ объ этомъ произведеніи Франко, я скажу послѣ, а сперва посмотрю самъ, что такое представляетъ собою этотъ „Слѣдъ“. Первая его половина содержитъ исчисленіе шести правилъ, соблюденіе которыхъ приводитъ человѣка ко блаженству; а во второй половинѣ сказано, что всѣ иные пути къ блаженству не годны, и потому жестоко заблуждаются латынники, полагаясь на свои „внѣшнія ученія“, „философскія киченія“, „грамматичку“ и „рыторичку“. Правила, преподаваемыя Вышенскимъ (см. текстъ въ „Кіев. Стар.“ 1889, апр., прил., стр. 114—115), предназначаются не для однихъ монаховъ, но вообще для всѣхъ православныхъ христіанъ. А послѣднее изъ нихъ (шестое)—иди смѣ-

лѣе въ борьбу съ неправдою, не боясь никакихъ мученій и смерти,—касаться монаховъ даже не можетъ: они вѣдь отщетились отъ міра. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что это произведеніе составлено Вышенскимъ для православныхъ русиновъ съ тою цѣлью, чтобы поддержать ихъ мужество въ борьбѣ за вѣру и предложить имъ вмѣсто „грамматичекъ и ыторичекъ" какое-нибудь другое руководство. (Такую цѣль Вышенскій не разъ преслѣдовалъ). Когда же составленъ этотъ „Слѣдъ"? Конечно, сразу ясно, что составленъ онъ въ разгаръ борьбы съ латинствомъ. Но когда именно? Голубевъ („Объяснит. параграфы и т. д.) считаетъ „Слѣдъ" за приложеніе къ „Извѣщенію о латинскихъ прелестехъ", но доказательствъ и мотивировки не приводитъ вовсе. Положимъ, „Извѣщеніе о латинскихъ прелестехъ" писалось Вышенскимъ въ опасную для православія минуту, послѣ попытки ввести въ православную церковь латинскій календарь, такъ-что шестое правило „Слѣда" ужъ имѣло бы тогда нѣкоторый смыслъ; самое мѣсто, которое занимаетъ „Слѣдъ" въ собственномъ перечнѣ сочиненій Вышенскаго, позволяетъ думать, что „Слѣдъ" могъ быть приложеніемъ къ „Извѣщенію". Но мнѣ все таки кажется, что эпоха введенія католическаго календаря (т. е. конецъ 80-хъ годовъ XVI в.) не была еще такимъ грознымъ временемъ для православія, чтобъ рѣчь шла *даже о смерти* за вѣру [1]). Я болѣе склоненъ думать, что Вышенскій говоритъ въ „Слѣдѣ" о болѣе позднемъ времени: послѣ введенія уніи. И точнѣе могу сказать: „Слѣдъ", должно быть, написанъ въ одно время съ „Зачапкой". Въ „Зачапкѣ" восхваляется греческая вѣра, давшая Руси „слѣдъ, ведущій въ животъ" (срав. заглавіе разбираемаго произведенія); см. текстъ „Зачапки" въ изданіи Голубева, стр. 92. Далѣе въ „Зачапкѣ" говорится, что истинная церковь должна страдать, и *сейчасъ-же* затѣмъ говорится, что проклята та церковь, гдѣ вмѣсто евангелія—поганская наука („Зач.", ст. 102): тотъ же порядокъ мыслей, что и въ „Слѣдѣ"! Западная наука называется въ „За-

[1]) Въ этомъ пунктѣ я соглашаюсь съ Франкомъ, который, при разборѣ „Извѣщенія", прекрасно доказалъ, что нельзя переносить польскихъ порядковъ 17-го вѣка въ 16-й вѣкъ, до введенія уніи.

чапкѣ" надворной, т. е. внѣшней: въ „Слѣдѣ" нападки на „внѣшнія ученія". Въ „Зачапкѣ" Вышенскій возстаетъ противъ „лживое діалектики", „велерѣчивое рыторики", философіи: чуть ли не тѣ же слова, что и въ „Слѣдѣ". По моему, есть достаточно добрыхъ основаній—предположить, что „Слѣдъ" составляетъ или введеніе, или приложеніе къ „Зачапкѣ", и, значитъ, написанъ около того же 1607-го года. Не есть ли эта одна изъ трехъ „цвѣточекъ", упоминаемыхъ въ „Зачапкѣ"?[1]). Можетъ быть, это—предисловіе къ „Древу"?

Во всемъ вышесказанномъ найдется, конечно, кое-что гипотетическое, и я далекъ отъ мысли укорять Франка, что онъ не додумался до тѣхъ же гипотезъ, до какихъ я. Но Франко заслуживаетъ укора за другое: отъ его вниманія ускользнули вполнѣ реальныя, ощутительныя данныя,—и во всемъ виновата его страсть дѣлать психологическія построенія! *Показалось* ему, что „Слѣдъ" излагаетъ главные принципы жизни *монашеской*,—и вотъ сейчасъ же фантазія нарисовала ему картину: Вышенскій недавно пришелъ на Аѳонъ; онъ начинаетъ втягиваться въ мѣстную аскетическую жизнь; онъ почитываетъ различныя сочиненія святыхъ подвижниковъ и размышляетъ о сути иноческаго житія; для лучшаго запоминанія онъ составляетъ себѣ конспектъ главныхъ принциповъ аскетизма. Зачѣмъ къ этому же краткому конспекту Вышенскій присоединяетъ полемическую выходку противъ грамматики и реторики (о которыхъ, къ слову сказать, онъ въ мірѣ врядъ ли имѣлъ много свѣдѣній), Франко не объясняетъ, да этотъ вопросъ его и не интересуетъ... Я ужъ показалъ выше, что „Слѣдъ" писанъ Вышенскимъ не для себя, а для другихъ, т. е. что это не лирическое изліяніе, а поучительное посланіе. Но если бъ мы даже согласились на ми-

[1]) Отправляя „Зачапку" на Русь, Вышенскій написалъ, что одновременно онъ посылаетъ для земляковъ „три цвѣточки": 1) Древо зовомое разумное, философія не поганскаго учителя Аристотеля, але православныхъ Петра и Павла; 2) Церковцу, въ которой о учтивости оной короткимъ письмомъ изображено есть; 3) Маленькую пѣсеньку церковную, которую зразумѣвши благоразумную мысль, отъ сладости николиже пѣти не престанешъ („Зач.", изд. Голубевымъ, стр. 74). Всѣ три эти сочиненія не отысканы.

нуту съ невозможнымъ заявленіемъ Франка, что „Слѣдъ"—это конспектъ, и задались вопросомъ о времени его составленія, то все таки мы могли бы прійти къ иному выводу, чѣмъ Франко. Въ самомъ дѣлѣ: почему это монахъ, по мнѣнію Франка, можетъ писать конспектъ своихъ обязанностей только въ первое время своего поступленія въ монастырь?? Вѣдь ничто не препятствуетъ намъ нарисовать себѣ такую картину: проповѣдникъ Вышенскій оскорбленъ нападками противниковъ на его мнимую трусость и неученость (упреки въ трусости мы встрѣчаемъ около 1598-го года, и они затрагивали Вышенскаго за живое), онъ рѣшаетъ пристыдить противниковъ и посылаетъ на Русь „Слѣдъ", какъ девизъ своей готовности умереть за правду, и сюда же присоединяетъ замѣчаніе по адресу „грамматичекъ" и „рыторичекъ". Недурна также слѣдующая картина: сначала у Вышенскаго, дѣйствительно, не было гражданской доблести; ему это непріятно; чтобы возбудить себя къ мужеству, онъ составляетъ для себя конспектъ своихъ обязанностей; происходитъ это, положимъ, въ первыхъ годахъ 17-го вѣка. При извѣстной живости фантазіи не можетъ быть недостатка и за многими другими картинами, построенными на основаніи психологическихъ догадокъ; всѣ онѣ будутъ столь же основательны (или, если угодно, столь же безпочвенны), какъ и Франковская.

№ 3. Обличеніе діавола міродержца (стр. 90—99). Франко относитъ это сочиненіе къ началу 80-хъ годовъ XVI-го в., т. е. къ тому моменту, когда Іоаннъ стоялъ на рубежѣ міра и отреченія отъ міра. Основанія—опять психологическія, и на этотъ разъ они изложены до того поэтически-соблазнительно и до того увлекательно, что читателя (по крайней мѣрѣ меня) они подкупаютъ; мнѣ положительно жалко поднимать грубую, критическую руку на граціозное сооруженіе Франка. Вотъ что онъ пишетъ: „Это сочиненіе насквозь проникнуто горячимъ чувствомъ, оно—какъ бы исповѣдь самого автора, но высказанная въ поэтической, общей формѣ. Я вижу здѣсь результатъ той внутренней борьбы, какую естественно долженъ былъ испытать живой и пылкій умъ нашего автора при рѣзкомъ переходѣ отъ жизни мірской къ жизни аскетическо-монашеской. Среди тишины и уединенія Аѳона

предъ нимъ возникали искушенія и соблазны свѣтской жизни, возникали картины всего того, что онъ пережилъ и покинулъ, раздавались, б. м., голоса дорогихъ ему людей, призывая его къ общему труду, къ взаимной помощи. Но, должно быть, великую чашу разочарованій, горечи и боли вынесъ изъ жизни этотъ человѣкъ, если теперь съ глубокою ненавистью отворачивается отъ всего этого и видитъ въ этомъ дѣло діавола, сѣти, уловляющія на гибель вѣчную... Въ его душѣ еще идетъ борьба: остаться ли ему на Аѳонѣ, или возвратиться къ той жизни, гдѣ его могли прельщать если не высокія „дикгнитарства и преложенства", то по крайней мѣрѣ тихое житье въ семейномъ кругу. Но онъ освѣщаетъ всѣ эти картины бенгальскимъ огнемъ аскетическихъ доктринъ,—и участь его рѣшена безповоротно" (стр. 91).

Прочитавши эти строки, я сталъ искать, нѣтъ ли доказательствъ, подтверждающихъ мнѣніе Франка. Подыскалось только одно: въ „Терминѣ", т. е. собственноручномъ перечнѣ Вышенскаго, „Обличеніе на діавола" помѣщено на первомъ мѣстѣ, какъ бы наиболѣе раннее произведеніе. Но противъ этого выступаетъ соображеніе, что „Обличеніе" помѣщено Вышенскимъ въ началѣ сборника только какъ характерное *предисловіе* ко всему сборнику, а написано могло быть даже позже всѣхъ произведеній. Самъ же Франко приводитъ два слѣдующія доказательства: 1) „Здѣсь Вышенскій называетъ себя Голякомъ Странникомъ, какимъ онъ былъ, недавно пришедши на Аѳонъ" (стр. 93). Но вѣдь и „голякъ" (суф. „факиръ"), и „странникъ" (суф. „сâликъ" ξένος)—это мистическіе термины. Терминъ „странникъ" указываетъ, что аскетъ неуклонно стремится впередъ по пути къ полному отреченію отъ своей личности, но еще не успѣлъ въ этомъ окончательно; дѣло понятное—„странникомъ" мистикъ можетъ оставаться долгіе годы, даже до самой смерти. Въ „Посланіи къ старицѣ Домникіи", писанномъ уже въ 1606-мъ году, Вышенскій опять называетъ себя „странникомъ". Почему же Франко не захотѣлъ „Обличенія" отнести къ тому же 1606-му году, или „Посланія"—къ 1580-му?! 2) Второе соображеніе Франка: Что „Обличеніе" составлено рано, видно изъ того, что

вся концепція этого произведенія—насквозь лирическая, безъ всякаго поученія для другихъ, безъ всякихъ выводовъ для общества. Автора интересуетъ только психологическій процессъ внутри его самого, и онъ изливаетъ его на бумагѣ. Это—не посланіе и не поученіе для другихъ,—онъ самъ еще проходитъ тяжелую внутреннюю школу (стр. 93—94)". Дальше мы увидимъ, что и это не вѣрно: „Обличеніе"—посланіе къ другимъ.

По моему мнѣнію, „Обличеніе" составлено не ранѣе 1596-го года. Конечно, Франко возмутится и потребуетъ, чтобы я попытался *психологически* объяснить, почему это Іоаннъ такъ лирически обличалъ діавола не въ началѣ монашеской жизни, а гораздо позже, когда вопросъ о его судьбѣ былъ окончательно рѣшенъ. Признаюсь, что я затрудненій не испытаю: маленькая живость фантазіи—и, повторяю, за психологическими построеніями дѣло не станетъ.—„Какъ пылкая, нервная натура", скажу я (понимая „Обличеніе" въ томъ смыслѣ, какъ Франко), „Вышенскій сперва горячо и ревностно, ни о чемъ не задумываясь и не сомнѣваясь, предался аскетическимъ подвигамъ и самоизнуренію. Но проходили годы. Стала въ немъ сказываться реакція: стали его мучить тѣ демоны-искусители, на которыхъ онъ жаловался въ „Посланіи къ Іову Княгиницкому", т. е. даже въ концѣ первыхъ годовъ XVII вѣка; вѣдь нѣчто подобное было и съ старымъ аббатомъ, героемъ романа „Notre Dame de Paris" В. Гюго! И вотъ, для своего успокоенія, Вышенскому пришлось подъ старость составлять „Обличеніе на діавола"... Но я могъ бы и не напрягать своей фантазіи для подобныхъ возраженій Франку: дату „Обличенія" намъ скорѣе, чѣмъ всякая психологія, уяснитъ разборъ этого произведенія, который мы сейчасъ произведемъ вновь. Я до сихъ поръ молчалъ, но вѣдь „Обличеніе" вовсе *не лирическое* изліяніе Вышенскаго предъ самимъ собою! Въ противность утвержденію Франка, оно—полемическое сочиненіе, направленное противъ уніи и предназначенное для постороннихъ читателей! Унія—это и есть „соблазнъ діаволь". Въ самомъ дѣлѣ: разсмотримъ діавольскія искушенія поближе. Кто изъ духовныхъ поклонится діаволу (т. е. приметъ унію или котолицизмъ), тому діаволъ обѣщаетъ высшія духов-

выя должности *католическаго* костела: бискупство, арцыбискупство, кардинальство, папство (см. текстъ „Кіевск. Стар.“ 1889, апрѣль, прилож., стр. 33). Кто изъ знатныхъ мірянъ поклонится діаволу (т. е. приметъ унію, или католицизмъ), тому онъ открываетъ доступъ къ высшимъ должностямъ *польскаго* государства: войскаго, подкоморія, судьи, каштеляна, старосты, гетмана, канцлера короля („Если хочеш королем быти, обѣщайся мнѣ на офѣру в геенну вѣчную, я тебѣ и королевство дам“. „Кіев. Стар.“, loc. laud.). Третій соблазнъ діавола касается болѣе простыхъ людей, мѣщанъ и крестьянъ: если они поклонятся ему, то будутъ пользоваться безмятежнымъ житьемъ (котораго лишены православные жители Польши). Сознавая все это, Вышенскій совѣтуетъ православнымъ землякамъ (а вовсе не себѣ) презрѣть всѣ (уніатскія) искушенія и вооружиться для мужественной борьбы аскетизмомъ (Вышенскій не разъ рекомендовалъ мірянамъ аскетизмъ, и самъ же Франко въ другомъ мѣстѣ, на стр. 463-й, отмѣчаетъ, что этотъ совѣтъ былъ даже причиной его неладовъ съ Ставропигійскимъ братствомъ). Какимъ образомъ отъ Франка ускользнули всѣ эти ясныя данныя, прямо свидѣтельствующія о томъ, что „Обличеніе“ написано ужъ послѣ введенія уніи,—я почти не понимаю: обыкновенно Франко отличается проницательностью въ изслѣдованіяхъ, но на этотъ разъ его ослѣпила предвзятая психологія и поэтическая жилка. И притомъ, на стр. 95-й, самъ же Франко отмѣчаетъ, что блага, обѣщаемыя діаволомъ, все котолическаго свойства. Но, сдѣлавши эту отмѣтку, Франко отсюда ни о чемъ не догадывается, а только находитъ, что это—„интересно“. Да, интересно!

Унія введена въ 1596-мъ году,—значитъ, „Обличеніе“ написано не позже того. Но нѣтъ ли способа опредѣлить дату „Обличенія“ поточнѣе? Кажется, есть. На стр. 96—97 диссертаціи Франка указано, что тема сочиненія—разговоръ діавола съ человѣкомъ—не изобрѣтена самимъ Вишенскимъ: она часто разрабатывалась отъ первыхъ временъ христіанства, она часто разрабатывалась и въ вѣкъ Вышенскаго, на многіе лады; тутъ Франко приводитъ и массу тщательно собранныхъ библіографическихъ данныхъ. И что же обнаруживается (но чего самъ

Франко не замѣчаетъ)! вѣдь изданіе-то такихъ книгъ начинается въ польской литературѣ только съ 1598-го года и констатируется въ такомъ порядкѣ: 1598 (двѣ книги), 1600, 1603 и т. д. По моему отсюда можно заключить, что Вышенскій написалъ свое „Обличеніе“ не раньше 1598-го года: можетъ быть, въ томъ же 1598-мъ году, или въ 1599-мъ. Но нельзя ли пойти дальше? Предложимъ вопросъ: гдѣ же Вышенскій познакомился съ польскими „Розмовами“? на православномъ ли Аѳонѣ? Конечно, и это не было бы чѣмъ-то невозможнымъ: изъ сочиненій Вышенскаго мы знаемъ, что на православный Аѳонъ привозились польскія книги вродѣ произведеній Скарги и 'Αντίῤῥησις'а, да и полякъ Игн. Петрашевскій свидѣтельствуетъ въ своей книгѣ: „Dziesięcioletnia podróż po Wschodzie (стр. 75—76), что въ аѳонской библіотекѣ есть коллекція польскихъ книгъ, пѣсенъ церковныхъ и бумагъ отъ XVI вѣка. Однако, быть можетъ, гораздо естественнѣе будетъ предположить, что всѣ упомянутыя польскія „Rozmowy“ стали знакомы Вышенскому ужъ во время его путешествія на родину и что онъ, воспользовавшись формой католическихъ сочиненій, составилъ „Обличеніе“православное,—стало быть, не раньше 1605—1606 года. По своей тенденціи (идеализація аскетизма) „Обличеніе“ какъ разъ подходитъ къ „Посланію старицѣ Домникіи“ и къ „Зачапкѣ“,—произведеніямъ, писанымъ во время путешествія на Русь и вскорѣ послѣ ухода оттуда. „Зачапка“ также выставляетъ на видъ матеріальное счастье уніатовъ и совѣтуетъ православнымъ, противъ этого, стать аскетами. Есть у меня еще одно соображеніе, но такъ какъ оно основано на психологіи, то я не придаю ему особеннаго значенія. Пребываніе Вышенскаго на родинѣ показало ему воочію, что безъ науки православіе должно падать, и внушило ему сознаніе недостаточности собственнаго образованія. И ревнуя о чистотѣ православія, и одновременно чувствуя неизбѣжность уніатской науки, Вышенскій могъ сваливать свои ощущенія на то же діавольское искушеніе, которое заставляло многихъ другихъ православныхъ переходить въ унію; быть можетъ, это была также одна изъ причинъ, заставившихъ его написать „Обличеніе“; въ результатѣ такого предположенія опять таки

появляется дата для „Обличенія" приблизительно 1606-й годъ. Впрочемъ, все это только *„можетъ быть"*: будемъ довольствоваться констатированіемъ и того одного несомнѣннаго факта что „Обличеніе" написано *не раньше* 1596-го года. Это terminus a quo. Если намъ удастся узнать, когда именно Вышенскій послалъ на Русь свою „Термину", въ которой упоминается и „Обличеніе на діавола", то будемъ имѣть также terminus ad quem.

№ 4. Извѣщеніе краткое о латинскихъ прелестехъ. Разъ мы отвергаемъ раннее составленіе трехъ предыдущихъ №№-овъ, то „Извѣщеніе" должно считаться не четвертымъ, а первымъ, самымъ раннимъ произведеніемъ Вышенскаго, съ которымъ онъ, довольно робко, впервые выступаетъ передъ малорусской публикой; подпись—только „Іоаннъ мнихъ", безъ прибавленія: „зъ Вышней"; объ уніи здѣсь еще нѣтъ рѣчи, споръ пока касается только календаря, и за одно—затрагивается вопросъ о лживости католичества. Франко вполнѣ убѣдительно показываетъ (только ужъ не на основаніи психологіи!), что составлено „Извѣщеніе" въ 1589-мъ или въ 1590-мъ году. Разбору этого сочиненія Франко посвящаетъ страницы 100—148. Разборъ этотъ—прекрасный, основательный, обстоятельный, ученый, онъ мѣтко подчеркиваетъ убѣжденія и литературные пріемы Вышенскаго, мѣтко подчеркиваетъ значеніе сочиненій Вышенскаго, какъ матеріала для характеристики современной эпохи, касается даже критики текста и выясненія позднѣйшихъ интерполяцій, и можно пожалѣть только объ одномъ: почему Франко не имѣетъ при этомъ ни малѣйшаго дара (или желанія) *колоритно* пересказывать чужія произведенія? Съ успѣхомъ читать Франка можно только въ томъ случаѣ, если одновременно имѣется передъ глазами текстъ сочиненій Вышенскаго. Главное наблюденіе, сдѣланное Франкомъ здѣсь о нашемъ авторѣ, слѣдующее: Вышенскій не столько ученый-философъ, не столько богословъ-догматикъ, не столько діалектикъ, сколько этическій проповѣдникъ,—онъ обращается не къ уму читателя, а къ его душѣ, къ чувству, къ совѣсти, и вѣра безъ дѣлъ у него мертва (стр. 113). Конечно, Франко не ограничивается въ своемъ разборѣ только Вышенскимъ: онъ по дорогѣ затрагиваетъ много другихъ вопросовъ,

имѣющихъ хотя бы косвенное отношеніе къ Вышенскому и его эпохѣ. Для образчика привожу (въ русскомъ переводѣ) остроумную характеристику клирика Василія Суражскаго: „Суражскій—писатель добросовѣстный, трудолюбивый, можетъ быть, по своему и ученый, но очень тяжелый на подъемъ мысли и почти совсѣмъ лишенный литературнаго таланта. Не знаю, есть ли въ нашей полемической литературѣ того времени сочиненіе, чтеніе котораго такъ бы утомляло и мучило, какъ чтеніе его „Книжки о вѣрѣ". И вина не въ сухомъ стилѣ, не въ какой-нибудь особенной темнотѣ и глубинѣ. Онъ имѣетъ спеціальную привычку: каждый малѣйшій шагъ въ своей аргументаціи поддерживать цитатами и даже цѣлою кучею цитатъ изъ священнаго писанія ветхаго и новаго завѣта, изъ отцовъ церкви, изъ историковъ и т. п. Къ несчастію, всѣ эти цитаты въ большинствѣ случаевъ такъ приходятся кстати, какъ тѣ пословицы, которыми на каждомъ шагу щедро сыплетъ Санчо Панса въ знаменитомъ романѣ Сервантеса (стр. 119)". Возраженія, которыя я могу сдѣлать Франку въ этой главѣ, относятся къ мелочамъ, къ деталямъ. Такъ, напр., говоря о непосредственной генетической связи платонизма, неоплатонизма и богословской философіи христіанской (стр. 106), Франко ссылается на G. Roskoff. „Geschichte des Teufels",—гораздо умѣстнѣе было бы ссылаться на сочиненія, болѣе спеціальныя, чѣмъ на такія, въ которыхъ данный вопросъ задѣтъ мимоходомъ и случайно. Франко, впрочемъ, вообще не стѣсняется цитировать всякія книги безъ разбора, что ужъ дышетъ чѣмъ-то гимназическимъ, а не профессорскимъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего изслѣдованія (напр., на стр. 393-й) онъ позволяетъ себѣ, для оцѣнки аскетизма, приводить „трохы гуморыстычно пидсолени" отрывки изъ современныхъ легкихъ беллетристовъ, изъ смѣшного романчика! Вторая непохвальная мелочь въ этой главѣ у Франка—уподобиться можетъ ложкѣ дегтю, вметаемой въ бочку меду. На стр. 123-й мы читаемъ:... „изъ сочиненій аѳонскаго монаха Максима Грека, который впослѣдствіи былъ *архіепископомъ* московскимъ". Какое грубое непониманіе роли Максима Грека въ Москвѣ и вообще непониманіе россійской церковной исторіи, притомъ въ одинъ изъ

интереснѣйшихъ и важныхъ моментовъ! Любопытно было бы также знать, что понималъ Франко подъ саномъ „московскаго архіепископа“, должно быть, санъ митрополита. Курьезно, что львовскій журналъ „Бесѣда“, издаваемый т. н. „москвофилами“ и обязанный, значитъ, знать общерусскую исторію par excellence, вовсе не нашелъ ничего страннаго въ архіепископствѣ несчастнаго Максима Грека. Впрочемъ удивительнаго въ этомъ нѣтъ ничего, потому что между всѣми галичанами лучшій знатокъ русской исторіи и литературы Франко, и если *онъ* могъ ошибиться, то что ужъ говорить о „Бесѣдѣ“?!—Отъ неполнаго знакомства съ великорусскими трудами по церковной исторіи Руси проистекаетъ у Франка неправильное сужденіе о книжкѣ Степана Зизанія: „Слово св. Кирилла Іерусалимскаго объ антихристѣ“. Франко называетъ „Слово“ апокрифомъ (стр. 131), а оно настоящее.—Не мѣшаетъ также поставить знакъ вопроса надъ утвержденіемъ Франка, будто Вышенскій былъ *первымъ* изъ южно-русскихъ писателей, который воспользовался протестантской идеей—поставить папу въ связь съ антихристомъ (стр. 131). Не могу сейчасъ вспомнить, гдѣ именно, но знаю навѣрное, что встрѣчалъ это сближеніе въ южно-русской литературѣ и раньше Вышенскаго [1]).

№ 5. О (прочихъ) *еретикохъ* (стр. 149—150)—простая добавка къ „Извѣщенію о латинскихъ прелестехъ“, что и показано Франкомъ. Голубевъ („Объясн. пар.“, стр. 37) держится того же мнѣнія. — „Извѣщеніе“ составлено подъ вліяніемъ „Книжицы“ В. Суражскаго; разъ статейка „О еретикохъ“—добавленіе къ „Извѣщенію“, то, мнѣ кажется, можно и эту статейку объяснять вліяніемъ той же „Книжицы“: какъ разъ въ „Книжицѣ“ (Острогъ 1588) есть одна глава, посвященная защитѣ иконопочитанія и направленная противъ еретиковъ-реформатовъ.

№ 6. Загадка философомъ латинскимъ (стр. 151—154). Съ литературно-фольклористической стороны разобрана она Франкомъ прекрасно, но отнесена къ тому же 1590-му году безъ

---

[1]) См. добавленіе къ моей работе (о рецензіи Студинскаго).

малѣйшаго намека на мотивировку. Я впрочемъ не стану спорить съ Франкомъ на счетъ даты, потому-что въ „Терминѣ“ Вышенскаго „Загадка“ помѣщена тотчасъ вслѣдъ за статейкой“ О еретикохъ“ (см. „Кіевск. Стар.“, 1889, апр., прил., ст. 29). Мы видѣли, что хронологическій порядокъ Франка идетъ въ разрѣзъ съ указаніями „Термины; поэтому и въ отношеніи къ „Загадкѣ“ онъ предпочелъ быть совсѣмъ голословнымъ, предпочелъ держаться султански-деспотическаго „сюда же отношу“, чѣмъ сослаться на авторитетъ неудобной для него „Термины“. Вольному воля!

№ 7. Писаніе до всѣхъ обще въ лядской земли живящихъ—разобрано Франкомъ на стр. 155—186. Сопоставляя „Писаніе до всѣхъ“ съ жалобой Львовскаго Ставропигійскаго братства на безпутную жизнь львовскаго епископа Гедеона Балабана, Франко показываетъ, что оно написано около 1593-го года. Это—первое произведеніе Вышенскаго, подъ которымъ есть ужъ его обычная подпись „Іоанъ *изъ Вышнѣ*“, а не одно „Іоанъ“, и вмѣстѣ съ тѣмъ она первое произведеніе Вышенскаго, имѣющее форму эпистолярную. Это обстоятельство даетъ поводъ Франку задуматься вообще надъ фактомъ внезапнаго распространенія особой литературной формы: „письмо“, подмѣчаемымъ у разныхъ народовъ въ важные моменты ихъ исторической жизни. Франко вообще имѣетъ привычку пересыпать свою диссертацію подобными экскурсами общаго характера, отчего, конечно, она только выигрываетъ. Разборъ „Писанія до всѣхъ“—одинъ изъ болѣе удачныхъ и обстоятельныхъ у Франка—прекрасно иллюстрируетъ его критико-литературные пріемы: онъ аккуратно слѣдуетъ за каждой мыслью сочиненія Вышенскаго, останавливается на ней, и тутъ или извлекаетъ изъ нея матеріалъ для характеристики автора, или подвергаетъ исторической критикѣ достовѣрность какого-либо факта, утверждаемаго Вышенскимъ, или снабжаетъ этотъ фактъ историческимъ комментаріемъ, или пускается по поводу сообщеннаго факта или высказаннаго мнѣнія въ разсужденія общеисторическаго свойства. Больше всего Франко въ разборѣ „Писанія до всѣхъ“ показываетъ себя историкомъ (не словесникомъ), и его критическій разборъ имѣетъ то значеніе,

что открываетъ теперь возможность историкамъ южной Руси и Польши съ успѣхомъ пользоваться сочиненіями Вышенскаго; а до сихъ поръ историки забывали, что in crudo произведеніями Вышенскаго пользоваться не слѣдуетъ. Но, преслѣдуя цѣли историческія, Франко сильно упустилъ изъ виду литературныя. Насчетъ Вышенскаго онъ говоритъ вотъ что: „Онъ убѣждаетъ не отвлечено-богословскими аргументами, а нравственнымъ и психологическимъ вліяніемъ личности на личность, живымъ словомъ, тономъ, колоритомъ рѣчи... Онъ, въ силу своего поэтическаго характера, часто жертвуетъ тонкостью и полнотою аргументаціи ради живости тона и колорита рѣчи, ради пластическаго представленія немногихъ болѣе важныхъ пунктовъ (стр. 157)". Всѣ эти замѣчанія (безусловно истинныя) не иллюстрированы у Франка ничѣмъ. Онъ нѣсколько разъ принимается увѣрять читателя, что въ „Писаніи до всѣхъ" есть мѣста „съ силой выраженія", „съ величіемъ помысловъ", мѣста „могучія" и т. д., но читатель принужденъ ему вѣрить почти на слово. И нельзя сказать, чтобы блѣдность изложенія происходила у Франка отъ желанія выгадать что-либо въ мѣстѣ. Напротивъ, его пересказъ всегда *очень* подробенъ, но совершенно не колоритенъ. Видя, какъ усердно Франко обезцвѣчиваетъ Вышенскаго, я нѣсколько разъ вспоминалъ одинъ школьный случай, бывшій много лѣтъ тому назадъ, и произнесенныя при этомъ слова дорогого моего учителя Павла Игнатьевича Житецкаго. Какъ-то, отвѣчая урокъ, мнѣ пришлось ему пересказывать первую пѣсню Иліады, причемъ знаменитый стихъ

„Смѣхъ несказанный воздвигли небесные боги,
Видя, какъ съ кубкомъ Гефестъ по чертогамъ вокругъ суетится —

я счелъ нужнымъ передать попроще: „Боги сильно расхохотались, увидѣвши, что Гефестъ бѣгаетъ съ кубкомъ по дворцу"...— „Ахъ вы, варваръ!" крикнулъ на меня Павелъ Игнатьевичъ съ неподдѣльнымъ негодованіемъ. Теперь, почитывая Вышенскаго въ изготовкѣ Франка, я самъ многажды восклицалъ: „Ой, тай варваръ же зъ васъ, мій любый друже! варваръ!" Комизмъ положенія Франка усиливается тѣмъ обстоятельствомъ, что цѣлыя цитаты *другаго* сорта онъ приводитъ изъ Вышенскаго въ изо-

биліи. Именно: желая опровергнуть тѣхъ критиковъ, которые любимаго Франкомъ Вышенскаго дѣлаютъ чуть ли не круглымъ невѣждой, Франко вездѣ съ большимъ удовольствіемъ выписываетъ тѣ мѣста изъ разбираемаго автора, которыя могутъ свидѣтельствовать объ извѣстной его богословской учености; въ этомъ желаніи Франко и самъ признается (стр. 280). Но, поступая такимъ образомъ, онъ достигаетъ совершенно неожиданнаго и нежелательнаго результата: у читателя невольно слагается представленіе, что Вышенскій—это какой-то сухой догматикъ, т. е. слагается такое представленіе, которое менѣе всего правильно. Я уже и раньше имѣлъ случай подчеркнуть этотъ промахъ Франка (неколоритность въ изложеніи), теперь подчеркиваю вновь и ужъ больше возвращаться къ этому пункту не стану. Добавлю, что указаннымъ недостаткомъ страдаетъ *каждая* глава диссертаціи и, пожалуй, даже въ большей степени, чѣмъ (настоящая) глава о „Писаніи до всѣхъ". При разборѣ „Зачапки" не приведено знаменитое мѣсто о „кровоѣдахъ, мясоѣдахъ,волоѣдахъ, скотоѣдахъ, звѣроѣдахъ, свиноѣдахъ, куроѣдахъ, гускоѣдахъ, птахоѣдахъ, сытоѣдахъ, сластноѣдахъ, маслоѣдахъ, пирогоѣдахъ, периноспалахъ, мягкоспалахъ, подушкоспалахъ, перцолюбцахъ, шафранолюбцахъ, имберолюбцахъ, и гвоздиколюбцахъ" и т. д. Особенно страдаетъ у Франка разборъ „Посланія ко кн. Василію Острожскому", гдѣ Вышенскій драматически причитаетъ надъ воображаемымъ трупомъ Скарги: это причитаніе является, по словамъ Франка же (стр. 183), „истиннымъ перломъ между произведеніями Вышенскаго", и оно изложено суше, чѣмъ что-либо! Въ этомъ отношеніи Франко представляетъ разительный контрастъ съ Сумцовымъ.

Итакъ, Франковскіе этюды о каждомъ произведеніи Вышенскаго заключаютъ въ себѣ громадныя достоинства историческія, но съ художественно-литературной точки зрѣнія не стоятъ ничего. Игнорированіе Франкомъ законовъ художественности я позволю себѣ объяснить тѣмъ, что на нынѣшнюю книжку онъ смотритъ не болѣе, какъ на матеріалы для будущей, ожидаемой книги. Можно здѣсь кстати отмѣтить, что преобладаніе историко-критической наклонности надъ всѣмъ другимъ предохранило

Франка отъ излишняго увлеченія своимъ симпатичнымъ писателемъ: онъ вовсе не влюбленъ въ Вышенскаго, какъ это часто бываетъ у біографовъ, онъ вовсе не склоненъ надѣлять его всѣми чертами идеальнаго человѣческаго совершенства, и разбираемую теперь мною 7-ю главу онъ заканчиваетъ слѣдующимъ строгимъ заключеніемъ: „Ни талантъ Вышенскаго, ни его политическое образованіе не были достаточны для того, чтобы изъ Ставропигійской „цедулы“ сдѣлать публицистическій трудъ; вышло только эффектное по формѣ, но слабое по содержанію подражаніе ветхозавѣтному пророку (стр. 174)“. Если мы вспомнимъ, что писателя нужно судить, переносясь въ его времена, то найдемъ этотъ безжалостный судъ даже слишкомъ строгимъ.

Изъ мелкихъ возраженій Франку я сдѣлаю толко одно. Вышенскій совѣтуетъ мірянамъ „пустынное воспитаніе“, а Франко съ удивленіемъ спрашиваетъ, неужели проповѣдникъ серіозно совѣтывалъ всѣмъ людямъ покинуть свѣтъ и уйти въ пустыню да и дѣтей воспитывать въ пустынѣ. Слишкомъ узко понимаетъ Франко терминъ: „пустынный“. „Пустынный“—„аскетическій“; можно быть пустынникомъ, не уходя изъ міра и его обстановки; срв. въ „Голистанѣ“ слова Саадія, одного изъ популярныхъ проповѣдниковъ житейскаго аскетизма (мой переводъ въ „Житти и Слови“ 1894, № 4, стр. 27). Совѣтуя мірянамъ „пустынное“, т. е. аскетическое воспитаніе, Вышенскій является выразителемъ тѣхъ идей, которыми былъ проникнуть въ его время весь востокъ: мусульманскій и христіанскій (срв. мой „Очеркъ развитія суфизма“ М. 1895, послѣдн. гл., „о причинахъ распространенія суфизма“).

№ 8. Посланіе ко кн. Василію (т. е. Константину) *Острожскому* (стр. 175—186)—составлено Вышенскимъ въ 1598-мъ году и содержитъ въ себѣ вдохновенное изліяніе чувствъ автора послѣ прочтенія „Апокрисиса“ Бронскаго. Какъ извѣсто, Вышенскій воображаетъ здѣсь Скаргу въ видѣ побѣжденнаго, „нагле здохлого“ трупа и причитаетъ надъ нимъ (насколько Франко обезцвѣтилъ въ своемъ изложеніи это причитаніе, я ужъ подчеркивалъ выше и обѣщалъ не входить болѣе въ обсужденіе подобныхъ пунктовъ). Франко думаетъ, что Вышенскій, соби-

раясь причитать надъ покойникомъ и разбирать его жизнь „яко въ дѣяхъ нѣкихъ“, желаетъ подражать народному обычаю. Для доказательства, что этотъ обычай—народный, Франко ссылается на беллетристическій разсказикъ Михалины Рошкевичъ. Лучше было бы упомянуть о статьѣ X. Ящуржинскаго: „Малорусскія причитанія надъ умершими“, въ „Кіевск. Стар.“ 1888, № 1; не мѣшало бы также познакомиться съ русскимъ капитальнымъ трудомъ Барсова: „Причитанія Сѣвернаго края“ (М. 1872) и статьей Веселовскаго: „Die Russischen Todtenklagen“ въ „Russische Revue“ 1873, XII. Кажется однако, что Франко невѣрно понялъ выраженіе: „яко въ дѣяхъ нѣкихъ“ (онъ, конечно, сопоставлялъ его съ ново-малорусскимъ: „дія“, т. е. „драматическое дѣйствіе“). Это выраженіе нельзя переводить: „согласно драматическому обычаю на простонародныхъ похоронахъ“, а нужно здѣсь видѣть „дѣи“—„исторія“ (dzieje), каковой смыслъ это слово имѣетъ у Вышенскаго всегда; по всему вѣроятію, Вышенскій своимъ заявленіемъ намекалъ на ветхозавѣтныхъ (и даже классическихъ) плакальщицъ.—Повторяя мнѣніе Кулиша („Ист. возсоед.“ I, 296—297), будто въ цѣломъ „Писаніи до кн. Острожского“ нѣтъ ни одного слова, которое можно было бы прямо отнесть къ этому князю, и ни одного слова признательности за могущественную поддержку православію (стр. 177), Франко допускаетъ, кажется, преувеличеніе. Конечно, Вышенскій нигдѣ кромѣ адреса не называетъ Острожскаго прямо по имени, но многія похвалы за усердіе въ вѣрѣ и за ревнованіе о православіи, произносимыя Вышенскимъ съ обращеніемъ „Вы“, „Вашъ“, можно отнесть не ко всѣмъ православнымъ христіанамъ, а именно къ самому князю.—На стр. 179-й и 180-й Франко смѣшиваетъ польское (Виленское) и русское (Острожское) изданіе „Апокрисиса“ Филалета Бронскаго, считаетъ ихъ одновременными (русское изданіе вышло годомъ позже польскаго) и, повидимому, думаетъ, что въ Острогѣ явилось изданіе польское. Слѣдовало бы Франку познакомиться съ „Изслѣдованіемъ объ Апокрисисѣ Филалета“ М. Скабалановича, которое напечатано въ Петербургѣ въ 1773 г.—На стр. 181-й Франко вдается въ филологическій экскурсъ насчетъ смысла библейскаго имени „Рапсакъ“ и, на

основаніи Рейса (La Bible) заявляетъ, что это имя не собственное, а нарицательное. Ужъ если слѣдовало вдаваться въ семитическую филологію, то не мѣшало бы замѣтить, что это слово произносится „рабшакъ", а не „рапсакъ".

№ 9. Писаніе къ утекшимъ отъ православное вѣры епископомъ—чуть ли не самое громадное изъ всѣхъ произведеній Вышенскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ самое цѣнное, не только потому, что оно содержитъ массу указаній на важные историческіе факты, но еще больше потому, что въ немъ ярко освѣщена бытовая сторона конца 16-го вѣка; оно же имѣетъ первостепенное значеніе для опредѣленія біографіи автора и лучше другихъ произведеній характеризуетъ его благородный образъ мыслей. Такъ какъ Франко снабдилъ „Писаніе къ утекшимъ епископомъ" чрезвычайно подробными, интересными и систематическими комментаріями (стр. 187—240), то эти страницы получили характеръ связной культурно-исторической картины изъ первыхъ временъ уніи въ ю. Руси. Говоря о знаменитой, громовой тирадѣ Вышенскаго противъ „хлопання, кожумяканя, сидѣльныкання" и т. д. (стр. 215), Франко даетъ намъ пересказъ, безупречный даже въ художественномъ отношеніи и усиливающій полноту впечатлѣнія отъ мастерскаго разбора. Можно сожалѣть, что Франку не былъ доступенъ текстъ, вновь рецензированный профессоромъ Сырку и напечатанный въ „Исторіи Аѳона (т. III, Оправданія, стр. 1014 и слѣд."). Любопытенъ вопросъ о точномъ опредѣленіи времени, когда Вышенскій составилъ „Писаніе къ епископомъ". Во-первыхъ, можно утверждать, что оно написано не позже 1599-го года, потому-что митрополитъ Михаилъ Рагоза упоминается въ немъ еще какъ живой; съ другой стороны рядъ намековъ Вышенскаго на извѣстные историческіе факты показываетъ, что „Писаніе" не могло быть составлено раньше 1598-го года. Но большое затрудненіе, и не столько для хронологіи, сколько для изслѣдованія сочиненія, возникаетъ здѣсь въ виду яснаго заявленія Вышенскаго, что онъ писалъ это посланіе къ уніатскимъ владыкамъ подъ *самымъ свѣжимъ* впечатлѣніемъ *ихъ* книги „зовемой:" „Оборона згоды ѕъ латинскимъ костеломъ и вѣрою Рыму служачею" (пр. Порфирій Успенскій: „Ист. Аѳ."

т. III, прил., стр. 1014). Книги съ *точно* такимъ заглавіемъ и притомъ вышедшей въ свѣтъ около 1598-го года—мы совсѣмъ не знаемъ. Франко думаетъ, что Вышенскій нарочно, съ ироніей, исказилъ заглавіе, и предполагаетъ, что онъ имѣлъ въ виду книгу: „Унія альбо выкладъ преднейшихъ артыкуловъ ку зъедноченью Грековъ съ костеломъ Рымскимъ належащихъ" (стр. 192—193). Но, во-первыхъ, „Унія" вовсе не имѣетъ характера соборнаго,—она составлена однимъ только Ипатіемъ Поцѣемъ; во-вторыхъ, она напечатана еще въ 1595-мъ году: нельзя же предположить, чтобы при тѣхъ живыхъ сношеніяхъ южной Руси съ Аѳономъ, какія были въ тотъ моментъ, книга Поцѣя попала на Аѳонъ только въ 1598-мъ или 1599-мъ году, черезъ три-четыре года послѣ выхода въ свѣтъ; и въ-третьихъ, „Унія" еще не говоритъ о „подвига дѣлѣ" (какъ выражается Вышенскій), т. е. совершившемся фактѣ, а просто предлагаетъ только проэктъ. Вѣрнѣе всего, что Вышенскій говоритъ о книгѣ: „Оборона (NB!). Берестейского русского собора", напечатанной въ Вильнѣ въ 1597-мъ году. (У Ундольскаго стоитъ годъ 1595-й, но что это ошибка, см. Бантышъ-Каменскаго, Сахарова, Вишневскаго: „Hist. liter. polsk." (Крак. 1840—1857, т. VIII, стр. 293), Головацкаго: „Дополн. къ оч. слав.-р. библ. В. М. Ундольскаго", стр. 8). Самое названіе „Оборона" совпадаетъ съ тѣмъ титуломъ искомой книги, который мы встрѣчаемъ въ посланіи Вышенскаго.

Сдѣлаю нѣкоторыя замѣчанія по поводу отдѣльныхъ мѣстъ Франковскаго этюда. На стр. 219-й читаемъ: „Посланіе, должно быть, до глубины души потрясло тогдашнихъ читателей, *а особенно* самихъ адресатовъ, если дошло до ихъ рукъ. Въ особенности близкимъ является допущеніе, что митрополитъ Рагоза, наиболѣе шаткій и мягкій, но и наиболѣе религіозный изъ всѣхъ иниціаторовъ уніи, именно этимъ посланіемъ былъ такъ сильно потрясенъ, что заболѣлъ и умеръ отъ тоски, раскаиваясь въ уніи и требуя православнаго попа (Копыстенскій: Палинодія,—Русск. Ист. Библ., IV, 1045)". Насчетъ М. Рагозы Франко, *быть можетъ*, еще правъ (жаль только, что на стр. 240-й онъ ужъ поспѣшилъ безусловно увѣровать въ свое предположеніе и развиваетъ его далѣе), но откуда онъ взялъ, что напоминанія Вы-

шенскаго о страшномъ судѣ могли бы тронуть другихъ иниціаторовъ уніи, напр. Кирилла Терлецкаго? Не самъ ли Франко въ другомъ мѣстѣ (стр. 201 и др.) приводитъ рядъ преинтереснѣйшихъ свидѣтельствъ о нравственномъ обликѣ уніатскихъ владыкъ [1]) и напоминаетъ, что О. Левицкій (А. Ю.-З. Р., ч. I, т. VI) собралъ цѣлую кучу актовъ объ обдирательствахъ, насиліяхъ, наѣздахъ и убійствахъ Кирилла Терлецкаго? Да и Вышенскій не особенно вѣрилъ въ силу своихъ угрозъ: „Я толко съ повинности своей и любви христіанской, што знаю, то вамъ открываю. Вамъ же послухати и сотворити волно: якъ хощете, тако творѣте,—волю и самовластіе имате“. („Ист. Аѳ.“, т. III, оправданія, стр. 1023).

Разбирая „Исторію“ (она, собственно, называется: „Повѣсть“, см. текстъ Сырку, „Ист. Аѳ.“, loc. laud., стр. 1043) о Божіей помощи Аѳонскому монастырю при нападеніи латынниковъ въ царствованіе Михаила Палеолога, Франко говоритъ (стр. 224): „Михаилъ Палеологъ царствовалъ въ Византіи въ 1071-1078 г.“; то же онъ повторяетъ на стр. 225-й. Это не вѣрно. Развѣ династія Палеологовъ воцарилась въ XI вѣкѣ?! Михаилъ Палеологъ, родоначальникъ династіи, старавшійся ввести въ Византіи унію послѣ Ліонскаго собора 1274-го года, царствовалъ въ XIII вѣкѣ, можно считать—съ 1258-го года, а умеръ въ 1282-мъ году.— Франко думаетъ, что „Исторія“—просто легенда монастырская съ небольшимъ, *пожалуй*, ядромъ историческимъ. Наоборотъ! въ „Исторіи“ (или „Повѣсти“,—будемъ ее такъ называть) подлинныхъ историческихъ фактовъ очень и очень много. Такъ, въ ней упоминается сперва упорная борьба грековъ съ латинами (или „фругами“, т. е. „франками“) и изгнаніе „фруговъ“ изъ Византіи: очевидно, имѣется въ виду возвращеніе Константинополя отъ латинянъ въ 1261-мъ году. Далѣе, по „Повѣсти“, Матеологъ

---

[1]) Почему, говоря о Поцѣѣ, Франко не упоминаетъ ни слова о рядѣ такихъ характерныхъ документовъ, какіе печатались въ „Вѣстникѣ Ю. З. и З. Россіи“? Интересна, напр., жалоба Загоровскихъ на Поцѣя о нападеніи на православную Владимірскую церковь, о причиненіи самымъ Поцѣемъ побоевъ священнику этой церкви („у губу далъ и роскрывавилъ“), о наругательствахъ надъ этимъ священникомъ, и т. д. См. „Вѣстникъ“ 1863, мартъ, документъ № 27, стр. 37.

(иронич. прозвище Михаила Палеолога) вступаетъ въ союзъ съ латинянами: конечно, имѣется въ виду Ліонскій соборъ 1274-го г. о заключеніи уніи съ Римомъ. Латиняне приходятъ къ Аѳону,—ну, это было въ 1280-мъ году. Избіеніе Михаиломъ многихъ тысячъ православныхъ, противившихся латинству, напрасно кажется Франку невѣроятною вещью и признакомъ легендарности. Стоитъ прочитать нѣсколько страницъ изъ историка-современника—Георгія Пахимера (его сочиненіе есть и въ русскомъ переводѣ), чтобы убѣдиться, до какихъ чудовищныхъ, ужасныхъ звѣрствъ доходилъ Михаилъ при водвореніи уніи; Пахимеръ прибавляетъ, что эти колоссальныя звѣрства слѣдуетъ описывать слезами, а не чернилами. Длинное обличеніе латинской ереси, которое Вышенскій (вѣрнѣе—„Сборникъ Аѳонской горы") влагаетъ въ уста одному православному монаху (см. текстъ Сырку, стр. 1046-1047), не мѣшало бы сличить, во-первыхъ, съ однимъ греческимъ документомъ (обличеніемъ аѳонскихъ монаховъ Михаилу Палеологу), напечатаннымъ по-гречески и по-русски въ „Исторіи Аѳона" преосв. Порфирія Успенскаго, а во-вторыхъ—съ извѣстной сатирой на Михаила, восходящей въ славянскомъ переводѣ къ 14-му вѣку („Прѣніе Панагиота Костаньтина сь Гардинари о азимѣ").—И такъ оказывается, что въ „Повѣсти" есть очень много историческаго, побольше, чѣмъ одно ядро. Добавлю кстати, что греческій ея оригиналъ (или правильнѣе—источникъ) изданъ преосв. Порфиріемъ Успенскимъ въ „Исторіи Аѳона", т. III б.; а въ томѣ III. а. того же сочиненія изложена Порфиріемъ вся исторія введенія Ліонской уніи и отношенія къ ней аѳонитовъ. Если у Франка не было подъ руками труда Порфирія, то онъ могъ бы исторію уніи, 1274-го года просмотрѣть въ имѣющейся у него книгѣ А. Попова: „Обзоръ древнерусскихъ полемическихъ сочиненій противъ латинянъ". М. 1875, стр. 240—245.

На стр. 229—232-й Франко отмѣчаетъ въ развитіи Вышенскаго около 1599-го года одну черту: стремленіе распространить въ малорусской публикѣ сочиненія о православныхъ чудесахъ, въ pendant къ западнымъ „новелламъ", и тутъ же говоритъ: „Называя разсказъ объ обрѣтеніи мощей Варлаама „Но-

виною", Вышенскій повидимому выражалъ этимъ желаніе, чтобы подобныя благочестивыя повѣсти вытѣснили изъ рукъ малорусскихъ читателей „новины" западно-европейскія." Казалось бы, отсюда у Франка непремѣнно явится убѣжденіе, что „Новину о обрѣтеніи тѣла Варлаама" Вышенскій написалъ тогда же,— около 1600-го года; но мы ужъ раньше видѣли, до чего его ослѣпила злосчастная гипотеза путешествія на Аѳонъ черезъ Охриду.—На стр. 233—237 идутъ обширныя разсужденія объ истинномъ смыслѣ мѣста, которое въ „Актахъ Южной и Западной Россіи" (1865, СПБ., т. II, стр. 252) читается такъ: „А о себѣ наскаковати безстуднѣ, песски, якоже вы, на поповство безъ волѣ Божей не хощу", причемъ Франко предлагаетъ нѣсколько варіантовъ чтенія и толкованія. Если бы онъ могъ видѣть текстъ, изданный Сырку (стр. 1054), то нашелъ бы, что запятая стоитъ не послѣ „вы", а послѣ „поповство". Тутъ же Франко нападаетъ на Игн. Житецкаго, осмѣлившагося сказать, что тогда, около 1600-го г., Вышенскій не пришелъ на родину изъ страха: „Воля Божія—говоритъ И. Житецкій—въ этомъ случаѣ не пришла на помощь осторожному страннику." Франко увѣряетъ, что у Вышенскаго не могло даже возникнуть чувство страха, что даже смѣшно говорить о преслѣдованіяхъ въ тогдашней Польшѣ и что при ея свободномъ строѣ никто не посмѣлъ бы причинить Вышенскому малѣйшій вредъ (стр. 236). Соглашаясь съ тѣмъ, что Польша 17-го вѣка и Польша 16-го в.—не одно и то же, я въ тоже время думаю, что годъ введенія уніи уже стоитъ на рубежѣ обоихъ періодовъ. И Вышенскій (тексъ Сырку, стр. 1504) не даромъ же говоритъ: „Будетъ зась и тая похвалка у противныхъ: волно ти, мовячи, тамъ заочне и въ далекомъ кутѣ такъ безпечно ширмовати; але коли бы еси тутъ былъ, и тобѣ бы есмо тотъ языкъ, яко и Никифору, затворили и прописнути не дали"... (стр. 1055): „Хвалитеся (т. е. „грозите") затворами темничными, битіемъ и убитіемъ"... (стр. 1056): „Вы православныхъ мучити, катовати... (и т. д.)...—силу, власть и начальство имате". Какъ видимъ, Вышенскій самъ находилъ опаснымъ ѣхать тогда на Русь. Правда, въ 1605-мъ году онъ таки поѣхалъ, и Франко подчеркиваетъ этотъ фактъ, какъ доказательство неприкосновен-

ности личности въ тогдашней Польшѣ, но, во 1-хъ, тогда значительная часть оскорбленныхъ Вышенскаго враговъ ужъ умерла, во-2-хъ, другая часть успѣла за шесть лѣтъ позабыть первую горечь обличеній, и въ 3-хъ—кажется, что Вышенскій разсчитывалъ на покровительство и защиту кн. Острожскаго, на имя котораго онъ, по моей догадкѣ, могъ послать „Термину" своихъ сочиненій какъ разъ передъ путешествіемъ домой (см. ниже).

Разставаясь съ этой длинной девятой главой, привожу изъ нея прекрасную заключительную страницу, не для критики, но для образца Франковскаго горячаго отношенія къ своей научной задачѣ: „Таковъ конецъ этого громоваго, сильнаго посланія, этого могучаго манифеста талантливой, независимой личности, гордой своею правотой и своимъ сознаніемъ душевной общности съ массами роднаго народа. Никогда еще до того времени сильные міра сего, свѣтскіе ли, духовные ли, не слышали отъ простаго южноруса такихъ гордыхъ, рѣшительныхъ и потрясающе-сильныхъ словъ. Отъ нихъ вѣетъ, хотя еще безсознательно для самого автора, тѣмъ свѣжимъ, новымъ духомъ освобожденія человѣка изъ оковъ всемогущей традиціи, который сто лѣтъ тому назадъ впервые прогремѣлъ въ Германіи въ боевомъ призывѣ Гуттена: „Ich hab's gewagt!" И здѣсь нужна была значительная нравственная отвага, чтобы бросить могущественнымъ іерархамъ и всей господствующей системѣ польской прямо въ лице такимъ огненнымъ посланіемъ. Пусть себѣ по отношенію къ богословской аргументаціи оно не представляетъ ничего новаго, пусть себѣ по отношенію къ практической политикѣ оно кое-гдѣ прямо наивно,—не въ томъ его сила, не въ томъ его прочное литературное и историческое значеніе, а въ томъ высокомъ подъемѣ нравственной силы, которою дрожитъ каждое слово, въ той горячей, сердечной крови автора и всего южно-русскаго народа, которою прокипѣла каждая строчка этого произведенія (стр. 239)"...

Такъ-какъ слѣдующими стоятъ на очереди псевдонимныя сочиненія Вышенскаго, то Франко посвящаетъ сперва цѣлую главу (X-ю) вопросу, зачѣмъ Вышенскій писалъ и подъ псевдонимами. Мотивъ самосохраненія (Житецкій) Франко рѣшительно отвергаетъ. Я думаю, что мнѣніе Житецкаго въ извѣстной

степени таки принять можно; вѣдь, составляя „Краткословный отвѣтъ“ Скаргѣ и подписываясь „Θеодулъ“, Вышенскій ужъ готовился идти на родину. Сумцовъ предлагаетъ и другое разъясненіе: „Псевдонимъ „Θеодулъ“ могъ возникнуть... изъ желанія автора выразить одним словомъ свою близость къ источнику всякой истины и правды—Христу („Кіевск. Стар.“, 1885, апр., 652)“. За такую догадку Франко упрекаетъ его и говоритъ: „Выражать свою близость къ Христу—это для смиреннаго аскета было бы признакомъ такой гордости и заносчивости, которая граничитъ почти съ богохульствомъ (стр. 240)“. Ну, вотъ! Не трудно изъ общаго тона рѣчи замѣтить, что подъ словомъ „близость“ проф. Сумцовъ понималъ здѣсь „*стремленіе* къ близости“, а не богохульное сознаніе близости ко Христу; такое стремленіе къ близости, или „хожденіе предъ Богомъ“, прямо предписывается Церковью.

№ 10. Краткословный отвѣтъ Θеодула—на книгу Скарги: „O rządzie i jedności kościoła Bożego“—составленъ около 1601-го г.; изслѣдованіе занимаетъ у Франка стр. 265—300. Здѣсь затронуто очень много интересныхъ вопросовъ. Напр., Франко съ успѣхомъ касается стараго вопроса о томъ, кто собственно сдѣлалъ изъ Польши терпимой Польшу нетерпимую, фанатическую. Отвѣтъ, конечно, извѣстенъ,—тотъ же, который далъ и Шевченко: „А хто вcase виненъ? Ксьондзы, йезуиты“. Такъ-какъ Вышенскій въ предисловіи къ „Отвѣту“ обнаруживаетъ поворотъ отъ проповѣди голыхъ, чисто-аскетическихъ („пустынныхъ“) идеаловъ къ совѣтамъ болѣе практическимъ и предлагаетъ православнымъ для борьбы съ католицизмомъ учиться, писать, печатать книги, основывать школы, организовать братства, то Франко даетъ очень обстоятельныя свѣдѣнія о значеніи и осуществленіи всѣхъ этихъ пунктовъ въ жизни южной Руси [1]). Разбирая постъ-скриптумъ къ отвѣту Θеодула: „О чинѣ прочитанія сего писанія“, Франко начертываетъ живыя картины изъ внутренней жизни южно-русскихъ братствъ. И вотъ, усладивши

---

[1]) На стр. 291—292, обращаясь какъ будто къ Руси XVII столѣтія, Франко мечетъ громы, конечно, противъ современныхъ львовскихъ „рутенцевъ“.

(говорю безъ ироніи)—усладивши читателя всей своей статьей, Франко подъ конецъ преподноситъ ему такую горькую чашу, отъ которой иному русскому филологу и любителю стариннѣйшей русской литературы (особенно у кого комплексія понѣжнѣе) грозитъ даже обморокъ. Именно: Франко сообщаетъ, что онъ нашелъ одну старую рукопись XVI вѣка, гдѣ помѣщена слѣдующая интересная статейка о пользѣ чтенія книжнаго: „Добро есть печатати кніги паче всякому крестянину, блаженіи бо, рече, испытающе свѣденіа его, всѣм сердцем взыщут его, что бо рече испытающій свѣденіа его, явѣ рече. Егда чтеши кніги, не цнися (очевидно Франко невѣрно прочелъ: вм. „тщися“) борзо ищисти до другіа главизны“ и т. д. и т. д. (стр. 299—300). Кажется, даже не спеціалистъ можетъ замѣтить, что упомянутая „интересная статейка, подробно описываемая и излагаемая Франкомъ, есть ни что иное, какъ предисловіе къ знаменитому Изборнику Святослава 1076-го года. Полностью этотъ сборникъ изданъ, конечно недавно (Шимановскій: „Къ исторіи древне-русскихъ говоровъ“. Варш. 1887), но предисловіе его („О почитаніи кънижнѣемь“) всегда помѣщалось во всѣхъ историческихъ хрестоматіяхъ русскаго языка; въ Австріи оно перепечатывалось Миклошичемъ, Головацкимъ и, кажется, Огоновскимъ (въ его „Хрестоматіи старо-руской“). Въ ту рукопись 16-го в., о которой говоритъ Франко, статья о „почитаніи книжьнѣ“ попала, вѣроятно, не изъ самаго „Изборника 1076-го года“, а изъ какого-нибудь „Измарагда“: „Изборникъ“ далъ матеріалъ для многихъ „Измарагдовъ“.

№ 11. Посланіе къ старицѣ Домникіи—стр. 301—321. Франко, пространно пополемизировши съ Игн. Житецкимъ, устанавливаетъ какъ непоколебимый фактъ, что оно писано въ Цвѣтную недѣлю 1606-го года. Дѣйствительно, нужно изумляться, какъ могъ Житецкій въ виду множества ясныхъ фактическихъ данныхъ считать „Посланіе къ Домникіи“ самымъ раннимъ произведеніемъ нашего автора.—Не мѣшаетъ для нашихъ историковъ литературы обратить вниманіе на подчеркнутое Франкомъ (стр. 313) мѣсто изъ „Посланія къ Домникіи“: „А латинскихъ басней ученици, зовомые казнодѣи, трудитися

въ церкви не хочютъ, *только комедіи строютъ и играютъ* (Арх. ю.-з. Р., I. VII, 29)". Послѣдняя фраза указываетъ, что драматическое искусство (мистеріи) въ тогдашнихъ *православныхъ* (!) школахъ пользовались уже любовью и широкимъ распространеніемъ (кажется, это—самое раннее свидѣтельство).— Подписался Вышенскій подъ письмомъ: „странникъ реченный Вышенскій": Франко (стр. 321) по-прежнему переводитъ „странникъ" черезъ „подорожній" хотя оно значитъ просто „монахъ" и недоумѣваетъ, какъ понимать выраженіе „реченный". „Реченный" въ древне-русской рѣчи значитъ „прозваный" и „такъ называемый" (ὁ καλούμενος), и это служитъ явнымъ доказательствомъ, что „Вышенскій" есть только временное прозвище автора, а не родовая фамилія.

Побывши на родинѣ, Вышенскій особенно ясно увидѣлъ всю важность учености для борьбы съ католичествомъ, но не менѣе ясно созналъ свою собственную слабость въ этомъ отношеніи. „Какъ пособить этому раздвоенію, Вышенскій не знаетъ", говоритъ Франко свойственнымъ ему живымъ, образнымъ языкомъ (стр. 315): „передъ черною глубиною, которая тутъ предстала его очамъ, духъ его остановился въ ужасѣ. Можетъ быть, это и была одна изъ причинъ его возвращенія на Аѳонъ. Во всякомъ случаѣ на Аѳонѣ въ его умѣ быстро наступила реакція. Въ монашеской и пустынной жизни онъ опять видитъ высочайшій идеалъ жизни, и послѣднія его произведенія посвящены преимущественно защитѣ монашества: „Объ исправленіи церкви", „Позорище мысленное". Я бы лучше умолчалъ о „Исправленіи церкви", а упомянулъ „Зачапку".

№ 12. Зачапка мудраго латынника съ глупымъ русиномъ на дистанцію, а по просту глаголющи въ гаданіе или бесѣду Христофора инока Русина—стр. 322—348. Христофоръ—псевдонимъ Вышенскаго. Составлена „Зачапка" около 1607-го года. Проф. Сумцову она очень нравилась по своей силѣ,—Франко отрицаетъ эту силу и считаетъ „Зачапку" однимъ изъ слабѣйшихъ произведеній Вышенскаго. Конечно, и Сумцовъ, и Франко основываютъ свое сужденіе на чисто субъективныхъ впечатлѣніяхъ, и потому трудно опредѣлить, кто изъ нихъ правъ; я

впрочемъ, принимая въ соображеніе много неподражаемаго юмора въ „Зачапкѣ“ (напр., въ комическомъ изображеніи заносчиваго латынники), охотно склонялось на сторону Сумцова.— Къ обширному обсужденію Франкомъ „Зачапки“ я могу прибавить развѣ вопросъ: не составлена ли „Зачапка“ въ параллель къ какимъ-то „Вопросамъ русина съ ляхомъ“, которые „пописалъ“ Потѣй? см. Акты, относящ. къ исторіи Зап. Россіи“, т. IV, стр, 201. Кромѣ того, мнѣ кажется довольно вѣроятнымъ, что Вышенскій былъ знакомъ съ „Преніемъ Панагіота съ Асимитомъ“ и что „Зачапка“ составлена не безъ вліянія „Пренія“.

№ 13. Порада о очищенію церкви, заедно жъ о поруганію иноческаго чина отъ свѣтскихъ и мирскаго житія человѣкъ, и что есть таинство иноческаго образа—стр. 349—388. Во всѣхъ трехъ извѣстныхъ намъ рукописяхъ эта статья помѣщается непосредственно за „Посланіемъ ко кн. Василію Острожскому“, причемъ въ двухъ рукописяхъ прямо слита съ „Посланіемъ“ въ одно цѣлое. По моему, въ этомъ есть и хронологическое основаніе: „Порада“ могла быть *окончательно обработана* тогда же, когда написано „Посланіе ко кн. В. Острожскому“, т. е. приблизительно въ 1598-мъ году (хотя первоначально она могла быть составлена и раньше того). Франко же, напротивъ, думаетъ, что „Порада“ относится къ 1608-му году. Для доказательства самостоятельности „Порады“, какъ отдѣльнаго трактата, независимаго отъ „Посланія“, онъ ссылается на то, что въ подгорецкой рукописи первыя слова „Порады“ писаны киноварью. Да! но начинаются они: „Буди *же*“... Для объясненія безсвязности и обрывочности начала „Порады“, Франко предлагаетъ гипотезу, что сперва „Порада“ имѣла свое особое предисловіе (стало быть союзъ „же“ указывалъ на выводъ изъ этого предисловія), но потомъ оно было потеряно. Невѣроятна эта гипотеза, потому-что ни на чемъ не основана. Внѣшнее доказательство отдѣльнаго болѣе поздняго составленія „Порады“ Франко видитъ въ томъ, что въ ней упоминается князь Острожскій, какъ мертвый, а онъ умеръ въ 1608-мъ году. Да! но и дѣти его упоминаются въ „Порадѣ“, какъ мертвые, а они-то въ 1608-мъ году были

живехоньки. Кулишъ вполнѣ основательно подозрѣваетъ, что въ упоминаніи о семьѣ Острожскихъ мы имѣемъ дѣло съ интерполяціей позднѣйшаго переписчика. Потомъ Франко приводитъ (стр. 353) замѣчаніе Вышенскаго объ отступничествѣ православныхъ: „Тые на погибель отпадаютъ; што и вы въ своей земли недавно пострадали", и прибавляетъ: „слова эти очевидно писались *послѣ* 1596-го года". Ну, да конечно послѣ 1596-го, но дѣло въ томъ, что слова „недавно" Вышенскій не произнесъ бы въ 1608-мъ году, черезъ *двѣнадцать* лѣтъ послѣ введенія уніи! такъ онъ могъ бы выразиться въ томъ же 1598-мъ году, когда писалъ и „Посланіе ко кн. Острожскому". Далѣе Франко указываетъ въ „Порадѣ" мѣсто, гласящее о православномъ безпоповьи, и видитъ въ этомъ доказательство для даты 1608-го года: „Слова Вышенскаго (говоритъ Франко, на стр. 353) ясно намекаютъ на то время, когда во всѣхъ епархіяхъ малорусскихъ, кромѣ Перемышльской и Львовской, не было православныхъ епископовъ, такъ что православные должны были тайкомъ выписывать епископовъ изъ Молдавіи, а много приходовъ было безъ поповъ, потому-что уніаты прогоняли православныхъ поповъ, сажали въ тюрьму и даже убивали. И такое состояніе продолжалось отъ 1596-го до 1623-го года". Признавая крайнимъ пунктомъ 1596-й годъ, Франко ничуть не опровергаетъ моего предположенія о датѣ 1598-го г., а опровергаетъ самого себя. Еще одно доказательство Франка: „Вышенскій пишетъ, что „нынѣ межи ляхи князи рускіе *вси* поеретичѣли и христіанства, истинныя вѣры отступили"; такъ могъ писать нашъ авторъ только по смерти Острожскаго (т. е. послѣ 13 февр. 1608-го года. А. К.), по совершеніи того массоваго отступничества малорусскаго дворянства отъ православія къ уніи, какое мы видимъ изъ Θриноса М. Смотрицкаго 1610-го года (стр. 354)". Нѣтъ, такое сожалѣніе о *всѣхъ* князьяхъ—вполнѣ понятная гипербола. Лучшее опроверженіе Франку—упомянутый имъ Θρῆνος М. Смотрицкаго: онъ впервые изданъ не въ 1610-мъ году, какъ думаетъ Франко, а еще при жизни кн. Константина Острожскаго, въ 1596-мъ году (См. М. Вишневскаго: „Historya literatury polskiej" Krakowie 1840—1857, t. VIII, pag. 139; Я. Головацкій:

„Дополненіе къ Очерку славяно-русской библіографіи В. М. Ундольскаго“ СПБ. 1874, стр. 9, изъ XI тома „Сб. отд. русск. яз. и слов. Импер. Акад. Н.). Франко и дальше аргументируетъ въ пользу 1608-го года: „Мы видимъ, что нѣкоторые изъ владыкъ, принявшихъ унію, уже умерли во время составленія Вышенскимъ „Порады“, потому-что онъ пишетъ: „Тые сами, изъ вѣры выбѣгши, въ яму безвѣрія впали и отъ себе собѣ смерть зъеднали“. Это намекъ (говоритъ Франко) на смерть Михаила Рагозы (стр. 354). Слова Вышенскаго значатъ только, что отступники погубили свои души и пойдутъ въ адъ, и всякое другое толкованіе не мыслимо. Притомъ, при Франковскомъ пониманіи термина „смерть“ пришлось бы видѣть въ выраженіи: „отъ себѣ собѣ смерть зъеднали“ намекъ на самоубійство; а развѣ Рагоза самоубійствомъ покончилъ жизнь свою?! Слѣдующее (по счету восьмое) доказательство Франка: „Въ Порадѣ“ мы видимъ упоминаніе о языческихъ обычаяхъ въ Жидичинѣ, въ горахъ св. Спаса, въ Острогѣ, на Волыни и Подоліи,—невольно возникаетъ предположеніе, что авторъ наблюдалъ ихъ во время своего недавняго, путешествія на Русь въ 1605—1606 г. (стр. 356)“. А у меня возникаетъ предположеніе, что Вышенскій наблюдалъ эти языческіе обычаи въ дѣтствѣ, въ отрочествѣ, въ юности и вплоть до послѣдней минуты перваго отправленія на Аѳонъ! На Аѳонѣ же ему могла попасться книжечка, изданная въ 1591-мъ г. львовской Ставропигіей и содержащая постановленіе православнаго собора 1590-го года противъ языческихъ суевѣрій (см. Акты, относ. къ истр. Зап. Россіи, т. IV, стр. 30, и въ дисс. Франка стр. 375), попалась также жалоба Ставропигіи 1592-го года на еп. Гедеона Балабана, пренебрегавшаго этимъ постановленіемъ,—словомъ, еще до путешествія на родину Вышенскій имѣлъ случаи вспоминать о языческихъ суевѣріяхъ. Девятое доказательство Франка: „Немаловажнымъ свидѣтельствомъ представляется мнѣ также и то, что авторъ въ „Порадѣ“ развиваетъ такой же ретроградный планъ просвѣщенія, какъ и въ „Зачапкѣ“ (стр. 356). Ничего отсюда не слѣдуетъ, потому-что до 1601-го года Вышенскій держался такихъ же ретроградныхъ плановъ просвѣщенія, какіе у него воскресли послѣ 1606-го года.—

Итакъ, всѣ девять доказательствъ Франка не выдерживаютъ самой слабой критики и даже девять разъ прямо говорятъ противъ него самого. Для круглаго счета прибавлю и десятое опроверженіе. Восхваляя славянскій языкъ, Вышенскій говоритъ, что ему учатся безъ грамматикъ („Акты, относ. къ ист. Южн. и Зап. Россіи“ т. II, стр. 210). Если бы онъ писалъ „Пораду“ въ 1608-мъ году, то ни за что не могъ бы написать такихъ словъ, потому что во время путешествія на родину 1605—1606 года онъ несомнѣнно познакомился съ грамматикой львовскихъ спудеевъ (1591) и Зизанія (1596); а на Аѳонѣ эти книги могли оставаться ему нѣсколько лѣтъ неизвѣстными. (Была еще и болѣе ранняя грамматика, 1586-го года, изданная въ Вильнѣ при типографіи Мамоничей, но эта коротенькая книжечка не имѣла большого распространенія и, вѣроятно, осталась Вышенскому неизвѣстной навсегда. См. П. И. Житецкаго: „Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII—XVIII вв.“, Кіевъ 1889, стр. 16).

Разбираемый трактатъ состоитъ по крайней мѣрѣ изъ двухъ частей: апологіи монашества (въ видѣ разговора съ дворяниномъ-латынникомъ) и собственно „Порады“ объ очищеніи церкви: кусочекъ „Порады“ стоитъ раньше „Апологіи“, а кусочекъ позже, такъ что „Апологія“ какъ бы вставлена въ рамку. Въ одно ли время написаны обѣ части, и когда именно? Франко совершенно резонно догадывается, что одна часть (Апологія иноческаго чина) сначала была составлена отдѣльно отъ другой части (собственно Порады) и притомъ раньше ея, но не думаетъ, чтобы *гораздо* раньше. Противъ послѣдняго замѣчанія я пока что не буду спорить и займусь опредѣленіемъ даты первой части. Франко говоритъ (стр. 360): „Такъ и кажется, что защита монашества составлена была подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ разговоровъ съ какимъ-то „дворяниномъ“, т. е. шляхтичемъ-католикомъ, на Руси во время пребыванія тамъ нашего автора“. А не такой ли самый діалогъ видѣли мы и *до* путешествія Вышенскаго на Русь, въ „Извѣщеніи о латинскихъ прелестехъ“, т. е. около 1590-го года? (см. Акты Южн. и Зап. Р., т. II, стр. 257 и др.). Какъ въ „Апологіи иноческаго чина“, такъ и въ „Извѣщеніи“—

мы имѣемъ передъ собою одну и ту же спорящую пару, съ одними и тѣми же нравственными и даже внѣшними чертами, съ одними и тѣми же пріемами доказательствъ и возраженій, и только содержаніе ихъ спора не вполнѣ одно и то же: „Апологія монашества" *дополняетъ* собою споръ съ латынникомъ въ „Извѣщеніи о латинскихъ прелестяхъ". Такимъ образомъ есть основаніе думать, что Апологія, т. е. одна половина разбираемаго трактата, написана въ связи съ „Извѣщеніемъ" и немного времени спустя послѣ него. Но когда же? Можетъ быть въ 1591-мъ году.

Обратимся теперь къ другой части трактата. Разберемъ сперва то начальное мѣсто „Порады" [1]), гдѣ Вышенскій переходитъ отъ „Посланія ко кн. Василію" (содержащаго выходки противъ Скарги) къ совѣтамъ объ очищеніи церкви отъ „прелестей еретическихъ". Это выраженіе „прелести", сопровождаемое притомъ короткой экскурсіей противъ „смрада латинскихъ пѣсней", навело меня на подозрѣніе, не имѣетъ ли и „Порада", подобно „Апологіи иноческаго житія", какой-нибудь связи съ тѣмъ же „Извѣщеніемъ о латинскихъ прелестяхъ". Но, какъ видимъ изъ дальнѣйшаго чтенія „Порады", не о латинствѣ намѣренъ толковать здѣсь Вышенскій: онъ имѣетъ въ виду преслѣдовать здѣсь всякія *другія* ереси, которыя вторгнулись въ православную церковь и отъ которыхъ нужно ее очистить; эти ереси—„квасъ поганскій" и иконоборство (см. Акты, Южн. и Зап. Р., т. II, стр. 209). Самое выраженіе „ереси" очень интересно: мнѣ невольно вспомнился небольшой (уже разобранный) трактатъ „Еретики" [2]), т. е. „*Другіе* еретики (сверхъ латынниковъ)", составленный около 1590—1591 года въ видѣ дополненія и приложенія къ „Извѣщенію о латинскихъ прелестяхъ". Мнѣ сразу

[1]) Впредь подъ названіемъ „Порада" мы будемъ понимать не весь трактатъ, носящій у Вышенскаго такое названіе, а только ту часть, какая получается послѣ исключенія „Апологіи" и содержитъ въ себѣ собственно совѣтъ о реформѣ церкви.

[2]) Онъ собственно носитъ заглавіе: „О еретикохъ", но я слегка видоизмѣнилъ это заглавіе, потому-что форма именит. падежа удобнѣе для меня въ стилистическомъ отношеніи: при склоненіи не приходится всякій разъ добавлять слово: „трактатъ".

бросилась въ глаза аналогія между „Порадой объ очищеніи церкви“ и упомянутыми „Еретиками“, и я задался вопросомъ: А какихъ собственно *другихъ* еретиковъ имѣлъ въ виду Вышенскій въ трактатѣ „Еретики“? Когда Франко въ своемъ мѣстѣ (стр. 149—150) разбиралъ „Еретиковъ“, онъ тамъ высказалъ замѣчаніе, что образъ этихъ еретиковъ у Вышенскаго—какой-то странный, общій и не подходитъ, напр., къ протестантамъ, бывшимъ тогда въ южной Руси. Въ такомъ случаѣ почему же Франко не спросилъ себя, не о язычествѣ ли говоритъ тамъ Вышенскій? Вѣдь вотъ какъ опредѣляетъ онъ ересь: „Ересь есть нечестіемъ развращенный умъ, прелесть мнѣнія, изнеможеніе помысла, сомнѣніе о истинѣ, двоедушіе (двоевѣріе?), слѣпота мыслъная, конечное же невѣріе“ (см. текстъ „Еретиковъ“, изд. Игн. Житецкимъ. „Кіев. Стар.“ 1890, іюнь, прилож., стр. 112). Такое опредѣленіе ереси чрезвычайно подходитъ къ языческимъ, двоевѣрнымъ суевѣріямъ и обрядамъ, противъ которыхъ духовенство малорусское конца 16-го вѣка подняло борьбу. Обличая эту „ересь“, Вышенскій дѣлаетъ ссылки въ „Еретикахъ“ только на самыхъ первыхъ учителей христіанства, на апостоловъ языковъ: Іоанна Богослова, Петра, Іуду, Павла („Кіевск. Ст., стр. 112). Такимъ образомъ уясняется тѣсная связь „Еретиковъ“ и „Порады о очищенію церкви“, причемъ первый трактатъ содержитъ общія основанія, а второй разрабатываетъ реальныя частности.

Кромѣ нападокъ на язычество, „Еретики“ содержатъ (во второй половинѣ) нападки и на протестанство. Я ужъ упомянулъ, что Франко съ этимъ не согласенъ; но по моему, это такъ. Слова Вышенскаго: „Сіи аще бы не образъ Божій тріипостасный обносили, отъ свиній безсловесныхъ ничимъ же разнствуютъ. Где бо въ ныхъ вѣра? где церковъ? где священство? где правило? где постъ?“ и т. д.—слова эти относятся, конечно, къ протестантамъ (см. текстъ И. Житецкаго, стр. 113). „Порада“ (стр. 209) также содержитъ нападки на протестантизмъ, особенно на иконоборство. Пунктомъ объ иконоборствѣ „Порада“ прямо указываетъ на общій источникъ ея и „Еретиковъ“: этотъ источникъ—„Книжица“ Василія Суражскаго (1588). Какъ мы

знаемъ изъ заявленія самого Вышенскаго, „Книжица“ дала начало „Извѣщенію о латинскихъ прелестехъ“; вполнѣ естественно думать, что она же дала начало и продолженію „Извѣщенія“—„Еретикамъ“; (см. выше, разборъ этихъ произведеній); одна глава въ этой „Книжицѣ“ посвящена вопросу объ иконоборствѣ и защитѣ иконопочитанія, т. е. направлена противъ „другихъ“ еретиковъ (сверхъ латынниковъ),—она-то и могла породить у Вышенскаго какъ часть „Еретиковъ“, такъ и извѣстную антииконоборческую часть „Порады“.—Эти соображенія, соединенныя съ предыдущими (о язычествѣ), заставляли бы насъ назначить датою для „Порады“ приблизительно 1591-й годъ.

Но „Пораду“ можно сопоставить еще съ однимъ сочиненіемъ Вышенскаго, написаннымъ уже въ 1593-мъ году: „Писаніе до всѣхъ обще въ лядской земли живящихъ“. Оно возникло подъ вліяніемъ жалобы, которую въ февралѣ 1592-го года послало Ставропигійское Львовское братство константинопольскому патріарху Іереміи на львовскаго епископа Гедеона Балабана, разрѣшившаго нѣкоторые языческіе обычаи. Не стоятъ ли во взаимной связи проповѣдь противъ языческихъ обычаевъ въ „Порадѣ“ и такая же проповѣдь въ „Писаніи до всѣхъ“? Франко мимоходомъ (стр. 377) усматриваетъ зависимость „Порады“ отъ жалобы львовскихъ братчиковъ на Балабана, но выводовъ отсюда никакихъ не дѣлаетъ. А у насъ выводъ будетъ тотъ, что „Порада“ съ одной стороны примыкаетъ къ „Еретикамъ“ (1591 [1]), а съ другой стороны примыкаетъ къ „Писанію до всѣхъ обще (1593)“. Всѣ эти три произведенія относятся, очевидно, къ одному періоду, всѣ три имѣютъ въ себѣ много взаимныхъ пунктовъ, всѣ три идеями своими дополняютъ одно другое, во всѣхъ трехъ полемическія нападки еще не сосредоточены *исключительно* на латынствѣ, а большей частью направлены вообще на „прелести еретическія“.

Дальнѣйшая литературная исторія разбираемаго нами мозаическаго трактата представляется мнѣ слѣдующимъ образомъ. Написанные въ 1591—1593 гг., „Апологія иноческаго чина“ и

---

[1]) И даже къ „Извѣщенію о латинскихъ прелестехъ“.

„Порада о очищенію церкви“ лежали нѣсколько лѣтъ у Вышенскаго, пока онъ не задумалъ сдѣлать изъ нихъ дополненіе и postscriptum къ „Посланію до кн. Острожскаго“ (1599). При этомъ онъ далъ имъ окончательную редакцію, добавилъ, конечно, нѣкоторыя связующія фразы и, кромѣ того, приписалъ одну или нѣсколько страницъ, гдѣ говорится о православномъ безпоповьи и о достоинствахъ славянскаго языка. Безпоповье, какъ мы ужъ упоминали, началось въ южной Руси послѣ 1596-го года; Вышенскій въ „Порадѣ“ говоритъ о немъ, какъ о событіи недавнемъ, свѣжемъ. Пріемы защиты и восхваленія славянскаго языка и славянской „глупости“ въ сравненіи съ латинскимъ языкомъ и латинской мудростью („Порада“, стр. 210) позволяютъ думать, что здѣсь Вышенскій желалъ дать отповѣдь на насмѣшки Скарги, издѣвавшагося надъ славянскимъ языкомъ и православной „глупостью“ въ своей книгѣ: „ O rządzie i jedności kosciołа Bożego“. Эту книгу Вышенскій впервые узналъ не изъ перваго ея изданія 1577-го года и не изъ втораго—1590-го года, а только изъ „Апокрисиса“ Филалета, т. е. ужъ въ 1597-мъ году. Плодомъ чтенія „Апокрисиса“ было, мы уже знаемъ, „Посланіе ко кн. В. Острожскому“; плодомъ чтенія „Апокрисиса“ были, очевидно, и вышеуказанныя добавленія къ „Порадѣ“, послѣ чего „Посланіе“ и „Порада“ были слиты Вышенскимъ въ одно цѣлое, съ сохраненіемъ однако особыхъ заглавій (какъ это было въ обычаѣ у Вышенскаго). Въ такомъ видѣ, т. е. какъ одно цѣлое, мы находимъ „Посланіе“ и „Пораду“ во всѣхъ рукописяхъ; и въ собственноручномъ перечнѣ сочиненій Вышенскаго „Порада“ помѣщена непосредственно послѣ „Посланія ко кн. Острожскому“. Интересно, что поминовеніе Скарги въ „Посланіи ко кн. Острожскому“ „яко въ дѣяхъ нѣкихъ“ и выходки противъ латынника въ „Порадѣ“ (стр. 210) чрезвычайно напоминаютъ другъ друга и тономъ, и даже одинаковыми выраженіями.— Если мы предположимъ, что „Порада“ была окончательно редактирована Вышенскимъ не въ томъ же 1598-мъ году, когда было составлено „Посланіе ко кн. Острожскому“, а немного позже, напр., въ началѣ 1599-го года, или если допустимъ, что и „Посланіе“ составлено въ 1599-мъ году, то найдемъ еще одинъ

литературный источникъ ея: письмо покровителя Вышенскаго патріарха Мелетія Пига, противъ иконоборства, изданное въ Острогѣ въ 1598-мъ году. Не оно ли заставило Вышенскаго вспомнить о давно хранившемся у него антииконокластическомъ отрывкѣ „Порады" и взяться вновь за ея обработку?

Комментаріевъ и разъясненій Франка къ „Порадѣ" я, по обычаю, не излагаю, а упоминаю здѣсь о ихъ существованіи только потому, что хочу сдѣлать два возраженія. На стр. 378-й читаемъ: „Интересно у Вышенскаго упоминаніе про „волочѣльне по Воскресеніи", которое, по его словамъ, соединено было „со смѣхомъ и руганіемъ діавольскимъ", т. е. съ какими-то забавами и танцами. Теперь въ Малороссіи нѣтъ волочильнаго, только у бѣлоруссовъ есть „волочобныя пѣсни" и „волочебники", да и то не на Пасху, а на Рождество,—то, что наши колядки и колядники". Почему это Франко подъ „руганіемъ діавольскимъ" понимаетъ танцы, остается для читателя неизвѣстнымъ. Но не въ томъ главная его вина, а въ томъ, что напрасно онъ поспѣшилъ изгнать изъ Малороссіи „волочилне". Въ Малороссіи до настоящаго времени Свѣтлый понедѣльникъ называется „волочинныкомъ". Въ этотъ день крестьяне ходятъ другъ къ другу, христосуются, мѣняются писанками. Ходятъ съ поздравленіями (преимущественно дѣти) къ роднымъ, повивальнымъ бабкамъ, знакомымъ, къ священнику и помѣщику своего села, принося въ даръ „волочилнее", состоящее обыкновенно изъ пшеничнаго калача и нѣскольких крашанокъ; обычай хожденія называется „волочиннямъ". Въ этотъ же день парубки, при встрѣчѣ съ дѣвушками, обливаютъ ихъ водою (вотъ онъ—„смѣхъ и руганіе діавольское"!), а то дарятъ ихъ крашанками. См. объ этомъ у Чубинскаго („Труды этн.-стат. эксп. въ зап.-р. край", т. III, стр. 24) и у Ив. Левицкаго-Нечуя („Свитоглядъ украиньского народу". Правда, 1876, 19; отдѣльнаго изданія этой книги у меня нѣтъ). Любопытно мнѣ было бы знать, откуда взялъ Франко свѣдѣніе, что въ Бѣлоруссіи „волоченіе" совершается не на Пасху, а на Рождество.—Другое мое замѣчаніе, или возраженіе, касается стр. 387—388, гдѣ Франко говоритъ, что южно-русскія братства сложились въ генетической зависимости отъ религіозныхъ Мо-

равскихъ братствъ XV—XVI вѣка. Франко забываетъ, что церковный характеръ малорусскихъ братствъ—черта ужъ позднѣйшая, и что прежде всего это были братства ремесленно-цеховыя. Слѣдовало бы Франку познакомиться, по этому предмету, не только съ трудами Костомарова, но и съ трудами Ефименко и Флерова.

№ 14. Термина о лжи, т. е. собраніе прежнихъ сочиненій Вышенскаго, счетомъ десяти, сдѣланное самимъ авторомъ и снабженное предисловіемъ. Франко затрудняется на счетъ смысла слова: „Термина", но мнѣ кажется, что смыслъ ясенъ: „термина о лжи"—„опредѣленіе относительно лжи"—„обличеніе ересей". Впослѣдствіи Вышенскій составилъ еще другую „Термину" и отправилъ ее на имя князя Михаила Вышневецкаго около 1615-го года, но та до насъ не дошла. На чье имя и когда онъ отправилъ первую „Термину", рѣшить не такъ легко. Франко хочетъ отнесть ее къ 1608-му году, но его доказательства очень слабы. Точное заглавіе „Термины" такое: „Книжка Іоана мниха вишенскаго от святыя аѳонскія горы в напоминаніе всѣхъ православныхъ христіанъ. Братствам и всѣм благочестивым в Малой Россіи, в Коронѣ Полской жительствующим иноческаго чина общежителем, архимандритом и священноиноком и честным монахом и інокиням, всѣм сестрам нашим, и прочіим тщателем церковным, благодать Господа нашего Ісуса Христа и любы Бога Отца и причастіе святого Духа буди со всѣми вами. Аминь" („Кіев. Стар." 1886, апрѣль, прилож., стр. 27). Франку (стр. 390) кажется, что упоминаніе про монахинь *прямо* намекаетъ на старицу Домникію, откуда слѣдуетъ, что „Термина" послана была Вышенскимъ послѣ его путешествія на родину, т. е. послѣ 1606-го года. Откуда Франко знаетъ, что Вышенскій не былъ знакомъ съ Домникіей раньше путешествія на Русь въ 1606-мъ году?! И гдѣ это онъ увидѣлъ въ заглавіи „Термины" *прямое* указаніе на Домникію?! Выраженіе: „инокинямъ"—простая, обычная формула. Въ каждомъ молитвенникѣ существуетъ „Помянникъ", который слѣдуетъ присоединять къ повседневнымъ молитвамъ утреннимъ и вечернимъ: приведенное обращеніе Вышенскаго ко всему православному міру и къ инокинямъ въ томъ числѣ—есть

ничто иное, какъ конспектъ нѣсколькихъ прошеній подобнаго помянника, или ектеніи. Второе основаніе датировать „Термину“ 1608-мъ годомъ Франко видитъ въ томъ фактѣ, что въ ней помѣщена „Порада о очищенію церкви“. И это основаніе приходится отбросить, потому-что „Порада“ составлена гораздо раньше. Третье основаніе у Франка (стр. 391)—слова Вышенскаго въ предисловіи: „За невѣріе и бесплодіе наше попущени есмо в запустѣніе з нашею православною вѣрою“. Франко видитъ здѣсь намекъ на смерть кн. Острожскаго, послѣдовавшую въ 1608-мъ году. Но текстъ не даетъ права на такое толкованіе: фактъ введенія уніи въ 1596-мъ году—вотъ на какое „запустѣніе“ могъ намекать Вышенскій. Всѣ Франковскія соображенія можно будетъ пріурочить къ 1608-му году только въ томъ случаѣ, если найдется *помимо нихъ* какое-нибудь несомнѣнное указаніе, что именно тогда Вышенскій послалъ на Русь свою „Термину“.

Не менѣе запутанъ вопросъ о порядкѣ въ перечнѣ сочиненій Вышенскаго, помѣщенномъ въ предисловіи къ „Терминѣ“. Франко находитъ, что перечень этотъ—совершенно произвольный, случайный, отнюдь не хронологическій. По моему, это не совсѣмъ такъ. Судя по порядку статей, можно думать, что Вышенскій послалъ „Термину“ на имя князя К. Острожскаго (какъ впослѣдствіи вторую Термину на имя князя М. Вишневецкаго) и систематизировалъ ее примѣнительно къ князю Острожскому. „Обличеніе на діавола“, написанное, конечно, попозже другихъ произведеній, Вышенскій помѣстилъ въ самомъ началѣ сборника въ видѣ предисловія (это соображеніе выставляетъ и Франко). Послѣ этого предисловія слѣдуетъ на первомъ мѣстѣ „Посланіе ко кн. В. Острожскому“, какъ къ адресату всего сборника. Слѣдующее затѣмъ произведеніе: „Порада“—приложеніе къ „Посланію ко кн. Острожскому“. Далѣе, до конца, мы усмотрѣли бы во всемъ перечнѣ правильную послѣдовательность хронологическую, если бы „Извѣщеніе о латинскихъ прелестехъ“ съ его постъ-скриптами стояло на надлежащемъ мѣстѣ. Быть можетъ, Вышенскій поставилъ его на шестомъ мѣстѣ, а не на четвертомъ (какъ слѣдовало бы), по той причинѣ, что посланія №№ 4—5 были, по его мнѣнію, важнѣе содержаніемъ, чѣмъ „Извѣ-

щеніе о латинскихъ прелестехъ", а „Извѣщеніе", по его мнѣнію, было удобнымъ догматическимъ дополненіемъ къ нимъ. Во всякомъ случаѣ я не скрываю отъ себя, что и мое объясненіе порядка сочиненій „Термины" имѣетъ характеръ вѣроятности, а не достовѣрности.

Въ какомъ же году, однако, была отправлена „Термина" на Русь? Разбирая „Новину", „Слѣдъ" и „Обличеніе", я показалъ, что они могли быть написаны или около 1598-го года, или около 1607-го года. Если вѣрна первая половина дилеммы, то есть основаніе предположить, что Вышенскій послалъ „Термину" на родину между 1601—1605-мъ годами: ничего новаго въ этотъ промежутокъ онъ не составлялъ, откуда и возникаетъ подозрѣніе, что въ это время онъ былъ занятъ редактированіемъ и перепиской прежнихъ своихъ сочиненій; переписавши все, Вышенскій, по моей догадкѣ, послалъ „Термину" на руки князя Острожскаго, который могъ бы дать ему защиту противъ людей, грозившихъ проповѣднику смертью въ случаѣ его прихода на Русь. Если же вѣрна вторая половина дилеммы (касательно 1607-го года), то переписку приходится предположить между 1606-мъ годомъ и февралемъ 1608-го (*до* смерти кн. Острожскаго).

№ 15. Посланіе Іову Княгиницкому (стр. 398—403)—составлено Вышенскимъ послѣ 1607-го года и отнесено Франкомъ къ 1610-му г. По моему, дату можно подвинуть впередъ даже подальше. Вышенскій пишетъ, что онъ ужъ собрался было идти на Русь опять, какъ вдругъ его остановили нѣкоторыя непредвидѣнныя обстоятельства;—не вѣрится, чтобы въ трудное и далекое путешествіе онъ могъ собираться *вскорѣ* послѣ возващенія изъ перваго. Но, конечно, точныхъ доказательствъ для этой догадки найти пока что нельзя. Что же касается того соображенія, которое приводитъ Франко, то оно мнѣ представляется слабымъ, не доказаннымъ, хотя съ тенденціею его я вполнѣ согласенъ. Въ письмѣ Вышенскаго къ Іову (Арх. Ю.-З. Р., 1, VII, 36) встрѣчается такая фраза: „Отънелиже пріидохъ, не точію на келии, но и на пещеры двѣ погловъщизны дукатов влѣзлѣ, такожде и на святую гору, отъ ней же бѣ товар одинъ прежде соборнаго гарачу, нынѣ же и до четырехъ влѣзло". По мнѣнію

Франка (стр. 399), такое значительное увеличеніе подати врядъ ли возможно было въ одинъ годъ и безъ длинныхъ и упрямыхъ переговоровъ. Съ чего это предположилъ Франко такую деликатность у турокъ, которая мѣшала бы имъ возвысить подать сразу и заставляла бы предварительно вести тонкую, церемонную дипломатію съ подчиненными гяурами?! А если Франко такъ вѣритъ въ турецкую дипломатію, „якъ турчынъ у мисяць", то что мѣшаетъ ему предположить, что переговоры начались за десять-пятнадцать лѣтъ до путешествія Іоанна на родину?!—Имя Іова Франко передѣлываетъ въ странную форму: „Йовъ" (односложную). И великороссы, и малоруссы произносятъ „І" въ этомъ имени за отдѣльный слогъ, не обращая его въ йоту, да и по еврейски это слово — двусложное. Такая форма, въ какой является это имя у Франка, годится развѣ для наименованія главнаго латинскаго бога (Juppiter, Jovis).

Противъ главы 17-й и 18-й (стр. 404—416), гдѣ Франко разбираетъ „Посланіе до братства Ставропигійскаго", „Позорище мысленное" и „Письмо къ кн. М. Вишневецкому", ничего не могу возразить. Равнымъ образомъ ничего, кромѣ похвалъ, не могу сказать объ „Указателѣ собственныхъ именъ личныхъ, названій мѣстностей и заглавій книгъ", упоминаемыхъ въ диссертаціи (стр. 499—534), и потому считаю свой разборъ 2-й части и вмѣстѣ съ тѣмъ всей книги—оконченнымъ.

Я ужъ упомянулъ, что при своемъ разборѣ „Ивана Вышенського" Франка я поставилъ себѣ спеціальной цѣлью—аттаковать слабые пункты диссертаціи. Не удивительно поэтому, что мой разборъ превратился не во всестороннюю оцѣнку (которая, конечно, была бы чрезвычайно благопріятна для Франка), а въ одностороннее обвиненіе. Однако, и при такой постановкѣ дѣла читатель, надѣюсь, увидѣлъ, что Франку нельзя отказать ни въ блестящемъ талантѣ, ни въ эрудиціи. Бѣда только, что талантъ его не вполнѣ уберегся отъ вліянія „галицкаго" на-

строенія науки, которое требуетъ гипотезъ пограндіознѣе, поневѣроятнѣе (яркій образецъ такого отважнаго настроенія—Омельянъ Партыцкій). Что же касается эрудиціи Франка, то ея недостатокъ въ томъ, что она больше польско-нѣмецкая, чѣмъ русская. Историкъ южно-русской литературы долженъ, подобно нашимъ малороссамъ, чувствовать себя въ общерусской наукѣ вполнѣ дома, и тогда будутъ немыслимы такіе промахи, какъ возведеніе Максима Грека въ санъ московскаго архіепископа и открытіе въ 1895-мъ году „Изборника Святослава", который извѣстенъ намъ чуть ли не сто лѣтъ. Будемъ разсчитывать, что при второмъ изданіи диссертаціи, которое авторъ обѣщаетъ, подобныхъ промаховъ не будетъ, и что мы будемъ имѣть о Вышенскомъ такую прекрасную монографію, какой еще не удостоился ни одинъ изъ старинныхъ южно-русскихъ литераторовъ. Такія надежды возлагать на Франка мы вправѣ. Если справедливо извѣстіе, сообщенное газетами, что Франко назначенъ профессоромъ львовскаго университета на мѣсто покойнаго Огоновскаго, то историкамъ южно-русской литератуты остается только порадоваться.

Остается сказать о внѣшней сторонѣ труда: языкѣ.

Въ послѣднихъ годахъ предыдущаго десятилѣтія малорусскій языкъ у Франка былъ гораздо лучше, чѣмъ теперь. Порча языка сказывается, пожалуй, не въ области лексики; правда, встрѣчаются слова вродѣ „намьетности (стр. 486)", „восклыкъ (стр. 473)", но ихъ и немного, и они составляютъ полбѣды. Гораздо хуже то, что *синтаксисъ* у Франка совсѣмъ не малороссійскій, а искусственный, и притомъ приближается не столько къ литературному русскому (тоже искусственному, но все таки наиболѣе близкому къ народному малорусскому синтаксису), сколько къ польскому и нѣмецкому (которые совершенно не годятся для малорусскаго языка). Если Достоевскій и гр. Толстой жалуется на искусственность литературнаго (прекрасно обработаннаго!)

русскаго языка и требутъ водворенія народнаго синтаксиса, то во сколько же разъ обязательнѣе то же требованіе для писателя малорусскаго, который не обязанъ держаться старинныхъ историческихъ традицій и смѣетъ прямо черпать изъ сокровищницы народной!... Изъ отдѣльныхъ случаевъ неправильной фразеологіи у Франка я отмѣчу только одно выраженіе, доходящее до курьеза: „Идучы *въ задъ* видъ сеи даты" (стр. 427).

Когда моя статья была ужъ написана, я получилъ изъ Львова обрывки какой-то книжки,—судя по всему, это кусокъ изъ послѣдняго тома „Запысокъ наукового товарыства имены Шевченка". Обрывки эти содержатъ конецъ рецензіи Верхратскаго на Словарь Срезневскаго и начало рецензіи на диссертацію Франка (стр. 29—40). Конца рецензіи нѣтъ, а потому нѣтъ и подписи, но изъ контекста ясно, что ее писалъ др. Кирило Студинскій. На стр. 35-й, при рецензированіи „Извѣщенія о латинскихъ прелестехъ", Студинскій такъ же, какъ и я, возражаетъ Франку, что папу антихристомъ называли и до Вышенскаго. То, чего я не могъ вспомнить, вспоминаетъ именно этотъ Студинскій: еще Мотовило, въ своемъ отвѣтѣ на „Jedność" Скарги, честилъ папу титуломъ антихриста (П. Устряловъ: „Сказанія князя Курбскаго", 1868, стр. 249).

Мнѣ прислано 12 страницъ рецензіи Студинскаго, а всего она занимаетъ, быть можетъ, страницъ двадцать: по этому вполнѣ правильно оцѣнить ее нельзя. Общее впечатлѣніе однако говоритъ скорѣе противъ нея, чѣмъ за нее. Нельзя, конечно, не признать за г. Студинскимъ извѣстной начитанности по южно-русской литературѣ; тѣ нѣсколько примѣчаній, которыя онъ сдѣлалъ къ нѣкоторымъ главамъ Франковской диссертаціи (обыкновенно онъ ограничивается простымъ пересказомъ ея) имѣетъ свою цѣну; но въ своихъ похвалахъ г. Студинскій несносенъ. Что и говорить! диссертація Франка заслуживаетъ похвалъ и очень большихъ: но Студинскій очень не критиченъ, очень легковѣренъ и хвалитъ какъ разъ тѣ мѣста диссертаціи, которыя слабѣе прочихъ. Выскажетъ Франко какую-нибудь невѣроят-

нѣйшую гипотезу, а Студинскій заявляетъ: „та гадка здаеся мени дуже удачною". Гипотезу путешествія Вышенскаго на Аѳонъ черезъ Венгрію и Охриду Студинскій называетъ „дуже быстроумною". И тутъ сказалось то „галицкое" настроеніе научной мысли, какимъ ознаменовалъ себя проф. Партицкій!

А. Крымскій.

ИВАНЪ РОМАНОВИЧЪ МАРТОСЪ.

(р. ок. 1760 † 1831).

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Мартосы происходятъ отъ лубенскаго полкового судьи Мартына Мартоса, который, повидимому, не нажилъ никакого состоянія, почему потомство его очень скоро и измельчало. Сынъ судьи—Михайло еще былъ бунчуковымъ товарищемъ, но внукъ Федоръ былъ уже только войсковымъ товарищемъ, правнукъ Романъ—только значковымъ товарищемъ, т. е. тѣмъ-же рядовымъ козакомъ, но только грамотнымъ и, кромѣ того, залучившимъ къ себѣ двѣ-три семьи подсосѣдковъ. Вотъ у этого-то Романа Мартоса было два сына,—Иванъ и Федоръ, которые для того, чтобы выбиться въ люди, стали учиться. Старшій, Иванъ, (родился въ Глуховѣ) довелъ ученіе свое до кіевской академіи, „послѣ которой поступилъ, въ 1778 г., въ военную службу и опредѣленъ былъ въ гвардію нижнимъ чиномъ, но не будучи склоненъ въ военной службѣ, а, напротивъ, имѣя природный даръ къ юридической словесности, опредѣлился въ штатъ гетмана Кирилла Григорьевича Разумовскаго, при которомъ и служилъ, по смерть гетмана, въ званіи кабинетнаго секретаря“. Свѣдѣнія эти записалъ ближайшій другъ И. Р. М—са, В. Я. Ломиковскій, на рукахъ котораго М. и умеръ. Нѣтъ сомнѣнія, что запись сдѣлана со словъ М—са, такъ какъ никакихъ бумагъ о своей молодости послѣдній не оставилъ. Далѣе Ломиковскій продолжаетъ: „гетманъ Разумовскій, увидѣвъ, что М.—

имѣетъ необыкновенный даръ ума, великую способность къ административнымъ дѣламъ, неустанную дѣятельность, точность по дѣламъ службы, а при томъ безкорыстность, доброту сердца и благородство души, имѣлъ къ нему полное довѣріе. Гетманъ въ кругу приближенныхъ не однажды говорилъ: М. одинъ, другого нѣтъ![1]) Чрезъ эти то христіанскія добродѣтели Мартосъ во всю жизнь свою встрѣчалъ крайне чувствительныя горести. По смерти гетмана Разумовскаго, наслѣдники (послѣдняго) много огорчили М-са, и онъ, можно сказать, оставшись въ нищетѣ, пошелъ въ гражданскую службу въ гродненскую губ. При восшествіи на престолъ Павла I, въ 1796 г., М. сопровождалъ въ Спб. бывшаго послѣдняго польскаго короля Станислава Понятовскаго. Тогда М. опредѣлился въ службу въ правит. сенатъ и продолжалъ оную въ разныхъ присутственныхъ мѣстахъ, въ особенности въ удѣльномъ д—тѣ, въ которомъ, находясь въ званіи камерира и столоначальника, съ 1797 г. по 1802, составилъ общее наставленіе для управленія всѣхъ удѣльнаго вѣдомства сельскихъ приказовъ. Затѣмъ, служилъ въ прав. сенатѣ секретаремъ и оберъ секретаремъ по 1809 г.“ Далѣе изъ бумагъ Мартоса видно, что въ 1809 г. онъ перешелъ на службу въ министерство юстиціи, экспедиторомъ департамента, а когда директоръ д—та гр. Салтыковъ назначенъ былъ, въ 1813 году, оберъ-прокуроромъ, то М—су поручено было исправленіе должности директора. Вслѣдъ за назначеніемъ Трощинскаго министромъ юстиціи, М. съ 1-го января 1815 г. былъ назначенъ директоромъ департамента. Но въ слѣдующемъ году М. вышелъ въ отставку, по болѣзни, съ пенсіей въ три тысячи рублей.

---

[1]) Въ обширной своей перепискѣ Мартосъ только разъ вспомнилъ Разумовскаго: въ письмѣ къ Трощинскому 1824 г., говоря о лѣкарствахъ отъ старческихъ немощей, М—съ пишетъ: „на сей разъ небезполезно вспомнить послѣдняго нашего малороссійскаго гетмана графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, вѣроятно вамъ болѣе знакомаго, нежели мнѣ, который всякій годъ обновлялъ себя чрезъ употребленіе майскихъ соковъ, кои употребляемы были пользовавшимъ его докторомъ. Тѣмъ самымъ отставной гетманъ ублажалъ свою старость и достигалъ, какъ извѣстно, до самихъ позднихъ лѣтъ, а средствомъ къ сему служили самыя простыя растенія, извѣстныя медикамъ“.

Вотъ краткій послужной списокъ М—са, изъ котораго впрочемъ нельзя видѣть того значенія, которымъ пользовался Мартосъ среди петербургскихъ чиновниковъ, благодаря его „практическимъ познаніямъ юриспруденціи и особеннымъ успѣхамъ въ словесности сего рода“, какъ писалъ Трощинскій въ своемъ представленіи объ утвержденіи М—са директоромъ департамента. Изъ сохранившейся частной переписки Мартоса, за время его службы въ м—вѣ юстиціи, видно, что онъ пользовался репутаціей вліятельнаго дѣльца, къ помощи котораго обращались и такъ называемые высокопоставленные люди. Изъ этихъ писемъ видно, напр., что грузинскій царевичъ Давидъ просилъ (1815 г.) Мартоса ходатайства передъ министромъ по какому-то дѣлу; „государственный докладчикъ“ [1]) Марченко увѣдомляетъ М—са, что онъ „по его порученію объяснялся съ графомъ Алексѣемъ Андреевичемъ (Аракчеевымъ); гр. Безбородко (И. А.) проситъ М—са „удѣлить ему часъ времени и назначить сей часъ“, чтобы поговорить объ одномъ дѣлѣ и т. д.—Будучи дѣловымъ чиновникомъ, М. въ тоже время былъ хорошо образованнымъ человѣкомъ, при чемъ образованіе это выражалось въ полномъ знакомствѣ съ классической литературою, а отчасти и съ французскою, съ которою М. знакомился, вѣроятно, уже послѣ академіи. Но русскій образованный человѣкъ нач. XIX вѣка вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ быть, почти необходимо, и масономъ. Былъ масономъ и М. Когда по закрытіи въ 1822 г. масонскихъ ложъ, отъ бывшихъ ихъ членовъ отбирались свѣдѣнія о началѣ ихъ масонства, то М. отвѣчалъ: „прежде, съ 1810 г. или 1812, чего навѣрное не припомню, хотя принадлежалъ я нѣсколько времени, два или три года или болѣе, также не помню вѣрно, къ тайному обществу, которое существовало въ С.-Петербургѣ—ложи Елисаветы добродѣтели, однако посѣщенія мои были не весьма долговременны и постоянны, съ начала по причинѣ моихъ недосуговъ по службѣ, а потомъ и по чрезвычайнымъ недугамъ, побудившимъ меня оставить и службу, и столицу, въ 1816 г.“ При этомъ, отвѣчая на вопросъ о цѣли масонства, М—съ, между

[1]) Такъ назывался тогда, повидимому, управляющій дѣлами комитета министровъ.

прочимъ, писалъ: „цѣль общества заключается въ познаніи себя и познаніи рукъ Божіихъ или природы, равно дѣйствительнаго выполненія, а не на словахъ только, любви къ ближнему и прочихъ добродѣтелей, находящихся въ совершенномъ согласіи со всѣми христіанскими добродѣтелями, въ которыхъ назидаетъ насъ православная восточная или греко-россійская церковь, такъ какъ источникъ истиннаго просвѣщенія блюдется не столько въ книжкахъ, сколько въ сердцахъ".

М. оставилъ службу по болѣзни, выразившейся въ нервномъ разстройствѣ; быть можетъ, эта болѣзнь вмѣстѣ съ масонствомъ и развили въ М—сѣ тотъ мистицизмъ, который составляетъ сущность его интимной переписки за время жизни въ отставкѣ. Можно сказать, что мистицизмъ въ это время настолько поглотилъ М—са, что почти затемнилъ въ немъ живого человѣка. А между тѣмъ это былъ человѣкъ, хорошо подготовленный къ научнымъ занятіямъ русской исторіей, какъ это видно изъ единственной напечатанной М—сомъ книжки,—*Изслѣдованіе баннаго строенія, о которомъ повѣствуетъ лѣтописецъ Несторъ.* (Спб. 1809. 8 д., 35 стр. Безъ имени автора). Въ этой книжкѣ М. пытается объяснить то мѣсто изъ первоначальной русской лѣтописи, гдѣ говорится, какъ епископъ Ефремъ въ Переяславѣ „воздвигъ городъ каменъ и строеніе банное каменно". Какъ извѣстно, русскіе историки к. XVIII в. въ „банномъ строеніи" видѣли народныя бани. Такое объясненіе „банному строенію" давали Татищевъ, Щербатовъ и Стриттеръ; такое-же объясненіе „банному строенію" давалъ и митрополитъ Платонъ въ его церковной исторіи. Одинъ только Болтинъ не принималъ такого объясненія, думая въ „банномъ строеніи" видѣть крестильную купель. Не видѣлъ въ „банномъ строеніи" „парильныхъ" бань и М.— „Всякъ можетъ согласится, что къ полному разумѣнію Несторовыхъ повѣствованій, необходимо нужно знать, въ какой онъ былъ странѣ Россіи? Не видишь-ли у себя множество примѣровъ, сколь часто нарѣчія одного округа бываютъ невразумительны въ другомъ? Сколько разъ сіе было причиною, что важнѣйшая историческая истина принята въ иномъ видѣ и совершенно противно толкована къ затемнѣнію подлинныхъ и

достопамятныхъ происшествій древности?“ Исходя изъ того, что „отецъ россійской исторіи“ Несторъ жилъ и писалъ свою лѣтопись въ Кіевѣ, М. полагаетъ, что „неестественно, чтобы онъ, Несторъ, не употреблялъ такихъ словъ, кои тогда были свойственны тамошнему округу, кои вѣроятно и нынѣ частію употребительны, только немногимъ извѣстны, слѣдовательно мѣстное изысканіе можетъ намъ подать важное пособіе... Вскорѣ надобность указала мнѣ ѣхать въ Кіевъ... При выѣздѣ моемъ изъ дому получилъ я разныя препорученія: кому для счастія нужны были колечки великомученицы Варвары, кому для здоровья кипарисные крестики и образки, кому для спасенія души—карманные молитвенники, а кому для лакомства—сахарныя кіевскія варенья. Находясь въ Кіевѣ, поѣхалъ я между дѣломъ на Подолъ, къ той знаменитой кіевлянкѣ, которая прославилась лучшимъ приготовленіемъ своихъ вареньевъ... Она во время прибытія моего находилась посредѣ своихъ работницъ, коихъ было до 30-ти, занимаясь распоряженіемъ своихъ дѣлъ... Не прошло болѣе двухъ четвертей часа нашего пребыванія въ горницѣ, какъ внезапно поднялась престрашная буря, застучали ставни и окошки... Распространилась ужасная туча и все вокругъ покрыла мракомъ... полился сильный дождь... Еще продолжался на дворѣ ослабѣвшій и тихій дождь, какъ прибѣжала въ горницу дѣвочка вся мокрая и сказала сіи слова: господыня! насъ дождь засталъ на мостовой и весь розовый цвѣтъ въ корзинкахъ перемочило, а у Притиска Николая сломило на банѣ крестъ.—Иной могъ бы сіи послѣднія слова такъ понять, что какой-нибудь Николай Притискъ, Притисковъ, Притисченко или Притисковскій имѣлъ у себя домашнюю баню и на ней, по какому нибудь старому завѣту, поставилъ крестъ, который бурею сбило. Я спросилъ хозяйку—не въ домѣ ли ея сродника или пріятеля послѣдовалъ объявленный случай?—Нѣтъ, не у пріятеля и не у сродника, отвѣчала она, это случилось въ домѣ чудотворца Николая, и подумайте, какая была буря, даже крестъ на церквѣ сломила: слава Богу! что сія сила миновала мой домъ. Получивъ такой отвѣтъ на мой вопросъ и вздумавъ для препровожденія времени болѣе распространить сей разговоръ, продолжалъ—я васъ не понимаю, ма-

тушка, вамъ дѣвочка сказала о крестѣ и банѣ какого то Николая Притиска, а вы мнѣ говорите о крестѣ и церквѣ Николая Чудотворца, но между банею и церковью и между Притискомъ и Чудотворцемъ большая разница, прошу васъ разсказать мнѣ о томъ яснѣе.—Я вамъ уже сказывала и еще повторяю, что, по словамъ дѣвочки, на нашей церкви, изъ давна прозванной по нѣкоему въ сей церквѣ чуду—Притискомъ, буря сломила крестъ. На семъ я не упустилъ остановить свою кіевлянку, говоря ей: вамъ дѣвочка при мнѣ объявила о банѣ, въ чемъ вы меня переувѣрить не можете, ибо я самъ ея слова слышалъ, однакожъ вы мнѣ говорите о церквѣ, то изъ насъ кто нибудь неправъ, или я васъ не понимаю, или дѣвочка промолвилась, или—вы хотите на мой щетъ позабавиться.—Вотъ какую вы штуку выдумали, продолжала старуха; но пожалуйте скажите мнѣ, на чемъ у васъ наружный церковный крестъ утверждается?—Если вы меня спрашиваете о томъ крестѣ, который бываетъ на самомъ верху церкви, то онъ у насъ утверждается на куполѣ—отвѣчалъ я.—Сей самый вашъ куполъ у насъ въ просторѣчіи называется баня.—При сихъ словахъ застучала на дворѣ коляска и хозяйка молвила: да вотъ отецъ протопопъ къ намъ пріѣхалъ, онъ вамъ лучше моего разсказать можетъ, что значитъ церковная баня. Оставаясь въ ожиданіи пріѣзжаго, подумалъ я про себя—какой странной случай способствуетъ мнѣ теперь открыть предметъ, столь долгое время скрывавшійся въ древнихъ выраженіяхъ Нестора, подлинно человѣку наблюдательному надобно со вниманіемъ выслушивать и неопытныхъ дѣвочекъ, нетолько искусившихся женщинъ, а протопоповъ и того болѣе. Кіевлянка моя, послѣ краткихъ учтивостей, объявила новому гостю нашъ разговоръ. Я въ своемъ тонѣ подтверждалъ ея слова и спросилъ отца протопопа разрѣшить мое недоумѣніе!—Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что высокой сводъ надъ церковнымъ зданіемъ у насъ въ просторѣчіи называется *баня*. Вѣроятно, дано ему сіе наименованіе по наружному его сходству съ круглымъ сосудомъ, который собственно у насъ называется *банка*, *баночка*, по той же причинѣ, какъ и водяные пузыри, каковые видите на этихъ дождевыхъ лужахъ, называются уменьшительно *банька*, а вмѣсто увеличи-

тельнаго слова банчище, поелику таковаго окончанія слова употребляются только тогда, когда говоримъ о чемъ-нибудь съ презрѣніемъ, кажется надлежитъ сказать баня, оттуда происходитъ *банный*, *банная*, *банное* строеніе. Сіе зданіе появилось у насъ послѣ введенія христіанства; вещь была новая, собственнаго имени на русскомъ языкѣ не имѣла; какъ скоро дали ей названіе *баня*, такъ оное показалось приличнымъ и принято. Я не защищаю изящества наименованія, промолвилъ отецъ протопопъ, но употребленіе сего слова въ нашей сторонѣ въ смыслѣ церковной главы или купола, понынѣ продолжающееся, должно рѣшить всякое недоумѣніе".

„Благодарилъ я своему новому знакомцу за таковое онаго слова объясненіе, а притомъ объявилъ ему и прямую свою въ томъ надобность. Мы съ нимъ согласнаго были мнѣнія, что всѣ наши почтенные писатели банное строеніе принимали не въ томъ смыслѣ, въ какомъ написалъ преподобный Несторъ"...

Заинтересовавшись услышаннымъ объясненіемъ слова *баня*, М. написалъ свои догадки къ объясненію словъ—*строеніе банное каменно*, составившія брошюру — „*Изслѣдованіе баннаго строенія*", изъ которой мы и взяли приведенный отрывокъ [1]).— Догадки М—са вызвали возраженія Каченовскаго (Вѣстн. Евр. 1810 г.), на которыя М. отвѣчалъ пространною статьею—„*Изложеніе споровъ о банномъ строеніи, о которомъ повѣствуетъ лѣтописецъ Несторъ* [2])". Изъ статьи этой видно обстоятельное знакомство М—са съ литературою русской исторіи. Ему извѣстны были не только русскія сочиненія, но онъ хорошо былъ знакомъ, напр., съ извѣстною книгою Чацкаго—*О литовскихъ и польскихъ правахъ*; хорошо знакома была М—су и *Литовская метрика*, „недавно передъ тѣмъ перевезенная въ С.-Петербургъ изъ Варшавы". Отвергая возраженія Каченовскаго рядомъ соображеній, основанныхъ на томъ или другомъ сопоставленіи фактовъ, М. говоритъ: „очевидное сомнѣніе, останавливая на каждомъ шагу любителя древности относительно баннаго строенія, принуждаетъ искать разрѣшенія

---

[1]) Мы не имѣли подъ руками печатной брошюры М—са, а пользовались рукописнымъ ея экземпляромъ съ собственноручными поправками автора.

[2]) Вѣстн. Евр. 1811 г., № 22, стр. 116—139 и 1812 г., № 1, стр. 25—52.

не въ буквальномъ смыслѣ словъ, но въ пространнѣйшемъ соображеніи обстоятельствъ, наипаче въ такомъ случаѣ, когда всѣ писатели (русскіе историки) соглашаются, что Ефремъ произвелъ въ Переяславлѣ нѣчто новое и никогда небывалое въ Россіи.— Санъ епископа Ефрема возлагалъ приличную на него обязанность пещись о благосостояніи монастыря и благолѣпіи церквей. Его житіе насъ увѣряетъ, сколько онъ имѣлъ къ тому любви и привязанности, что вмѣняя сіе за честнѣйшее себѣ и любезнѣйшее дѣло, мнилъ умножить онымъ и самую хвалу пресвятому имени Божію; слѣдственно воздвигнутое имъ *банное строеніе* должно составлять плодъ его любви къ церковному великолѣпію. Какой же видъ имѣло сіе банное строеніе, которое по свидѣтельству *современнаго* лѣтописца было новое въ Россіи и дивное?—Критика (Каченовскаго) наводитъ свое любимое сомнѣніе, стараясь обратить предметъ изслѣдованія въ прежній мракъ; но въ настоящемъ случаѣ не должно ли намъ по руководству разсудка предпочесть вѣрныхъ источниковъ, изъ которыхъ можетъ почерпать касательно сего ясное разумѣніе?—Прославленная житіемъ епископа Ефрема любовь его къ церковному великолѣпію, преимущество лѣтописца Нестора предъ прочими нашими древними писателями, ощутительное сходство нарѣчія ей съ нарѣчіемъ кіевскаго края, наконецъ, явственное стеченіе согласующихся обстоятельствъ, нарочитымъ образомъ удостовѣряютъ въ истинѣ обнаруженной изслѣдованіемъ и въ существенномъ качествѣ строенія, открывая въономъ куполы, столь много соотвѣтствующіе намѣренію благочестиваго строителя, ибо дѣйствительно придаютъ видъ церквамъ великолѣпнѣйшій".

„Итакъ, приведенныя въ изложеніи семъ доказательства могутъ совершенно приготовить любопытные умы къ рѣшенію возникшаго спора въ пользу исторической истины, ибо есть степени вѣроятія, на которыхъ позволительно сомнѣваться, но есть и другія степени вѣроятія, на которыхъ сомнѣніе бываетъ предосудительно".

И брошюра *О банномъ строеніи* и отвѣтъ Каченовскому показываютъ въ М—сѣ ученаго, обстоятельно знакомаго, какъ съ литературою вопроса, такъ и съ критикою текста письменныхъ

памятниковъ, причемъ нельзя еще не замѣтить въ изложеніи М-са и той логической послѣдовательности, съ которой онъ излагаетъ свои выводы. Къ сожалѣнію ученость свою М. примѣнилъ къ одному только этому вопросу—о „банномъ строеніи".

Оставивъ службу, М. рѣшилъ уѣхать изъ Петербурга на югъ Россіи, для поправленія своего здоровья. Сначала онъ направился въ Глуховъ, чтобы, тамъ осмотрѣвшись, выбрать себѣ гдѣ нибудь въ Малороссіи пріютъ, такъ какъ никакой земельной собственности тутъ (да и нигдѣ) у него не было. За то у М—са были друзья. Такими друзьями были у него и братья Гамалѣи, Гаврило и Иванъ Михайловичи, изъ которыхъ первый жилъ въ конотопскомъ своемъ селѣ Семяновкѣ, а другой въ путивльскомъ своемъ же селѣ Клепалахъ. Гамалѣи вели въ это время большой земельный процессъ съ путивльскимъ своимъ сосѣдомъ Череповымъ, причемъ главнымъ ихъ совѣтчикомъ былъ М.—Жившій ради этого процесса въ Петербургѣ болѣе десяти лѣтъ, Иванъ Гамалѣя писалъ оттуда къ М—су, въ Глуховъ, 27 октября 1816 г.—„знавши чрезъ письмо моего брата, что вы уже находитесь въ Глуховѣ, честь имѣю васъ, м. г., поздравить прибытіемъ въ отечество! Какъ мнѣ жаль, что я теперь не въ Клепалахъ, чтобъ показать вамъ, сколько я васъ почитаю и люблю; но если сему по Черепова казнямъ такъ быть уже должно, по крайней мѣрѣ пріймите, м. г., мою усерднѣйшую просьбу о томъ, чтобы требовать и получить изъ Клепалъ все безъ исключенія, что вамъ только потребнымъ быть можетъ для продовольствія; а есть ли бы для васъ не скучно только показалось и жить въ Клепалахъ, то и о семъ усерднѣйше просилъ бы васъ"... Приглашеніе поселиться въ Клепалахъ М—сомъ было принято, и онъ въ нач. ноября писалъ Гамалѣѣ: „пользуясь дружескимъ расположеніемъ вашимъ, я имѣлъ удовольствіе не только посѣтить вашъ родительскій домъ, окруженный прекраснѣйшими видами живописныхъ окрестностей, но и разсмотрѣть вашу деревенскую библіотеку, въ которой нашлось весьма изобильное число знакомыхъ и незнакомыхъ мнѣ книгъ, а наконецъ и такихъ, кои для меня были весьма любопытны. Въ числѣ послѣднихъ оказалась рукописная книжица подъ заглавіемъ—*Зерцало богословія*

іеромонаха Кирилла Транквиліона, печатанное въ 1692 г... По ближайшемъ обозрѣніи моемъ сего любопытнаго отрывка древности, я нашелъ, что онъ не всуе носить на себѣ именованіе *Зерцало богословія*... и взялъ на себя трудъ, изъ уваженія къ священному предмету и къ прежней нашей словесности, перевести или, лучше сказать, передѣлать сію рукопись съ русскаго стариннаго и почти забвеннаго уже нарѣчія, на употребительное, собственно для себя и для друзей сердца моего, въ числѣ коихъ вы занимаете высокое мѣсто совокупно съ вашими ближними"... На это письмо Гамалѣя отвѣчалъ (20 ноября 1816 г.)— „Письмо ваше я имѣлъ радость получить 13 ноября, въ день моихъ имянинъ, въ четыре часа пополудни, когда гости мои садились за обѣдъ... и—доставить неложное удовольствіе всему моему обществу безъ исключенія, что вы, благодаря Бога, въ отечественномъ климатѣ наслаждаетесь добрымъ здоровьемъ. На другой день, потомъ, я слышалъ отъ одного изъ дежурныхъ, что самъ министръ (Трощинскій) былъ очень обрадованъ вашимъ къ нему письмомъ и пересказывалъ за обѣдомъ о необыкновенномъ въ наше время философѣ города Глухова, который отъ 1000 рублей всего капитала, изъ процентовъ, нанимаетъ квартиру съ садомъ, одѣвается, обувается и ѣстъ, и не принимаетъ ни отъ кого никакой услуги... Любо мнѣ было читать хвалу вашу клепальскому мѣстоположенію... Если бы такую я имѣлъ отраду, когда бы Клепалы вамъ понравились столько, чтобы вы согласились имѣть въ нихъ ваше непремѣнное пребываніе, покуда находиться будете въ тамошнихъ мѣстахъ"... Не смотря на такое дружеское приглашеніе, въ Клепалахъ М. не остался и въ январѣ 1817 г. уѣхалъ оттуда въ Прилуку, къ какому-то Трояновскому, чтобы оттуда весной ѣхать лѣчиться на кавказскія воды.—Переѣзжая съ мѣста на мѣсто, М. не прерывалъ переписки съ друзьями, какъ это видно напр. изъ письма, писаннаго къ нему 28 января 1817 г., изъ Минска, тамошнимъ архіепископомъ Анатоліемъ, которому М. писалъ о своемъ намѣреніи ѣхать на Кавказъ. Преосв. Анатолій (Максимовичъ, родомъ изъ Лубенъ) былъ близкимъ товарищемъ М—са по кіевской академіи, судя по его письму, въ которомъ пишетъ: „Вы поѣхали не въ ту сторону:

иностранныя воды лучше, а минскій воздухъ цѣлебнѣе всѣхъ минераловъ, и Минска миновать бы было не можно, по крайней мѣрѣ не слѣдовало бы. Безъ шутки скажу, что мѣсто здѣсь преузорочное и воздухъ очень здоровый; увѣряютъ, что положеніе Минска выше морской воды на 450 фут.—Малороссія и мнѣ показалась не лучшею; это не отъ того, что мы жили въ столицѣ, нѣтъ, она дѣйствительно упадаетъ. И въ языкѣ, и въ обычаяхъ весьма много осталось признаковъ, что она единоплеменна здѣшнему краю, но состояніе ихъ весьма различно. Много бы мы побесѣдовали съ вами о сей матеріи. Надобно вамъ возвращаться поскорѣе къ Дмитрію Прокофьевичу (Трощинскому), чтобы поддержать несчастное и при всемъ томъ любезное отечество наше (?). Не нужно вамъ доказывать, что на сей случай кавказскимъ водамъ я желаю особливой силы и дѣйствія противу всѣхъ недуговъ и молю Бога да обновитъ и укрѣпитъ васъ, да возвратитъ вамъ здравіе и благодушіе тѣхъ счастливыхъ лѣтъ, какія вы почитаете найлучшими въ жизни своей... „Подписываясь подъ этимъ письмомъ, преосв. Анатолій называетъ себя „*стараго друга* богомольцомъ“.

Поѣхавъ на Кавказъ, М. пробылъ тамъ до осени 1817 г. и хвалился оттуда друзьямъ, что воды ему помогли. Съ Кавказа М. проѣхалъ въ Таганрогъ, гдѣ младшій его братъ Федоръ служилъ предсѣдателемъ коммерческаго суда. Въ Таганрогѣ М. прожилъ зиму 1817—1818 г. и отправился въ Полтаву, гдѣ продолжалъ свое лѣченіе до осени 1818 г., когда переѣхалъ въ миргородское село Кибинцы—погостить у бывшаго своего министра Трощинскаго. Живя здѣсь, М. не зналъ еще, повидимому, гдѣ ему пріютиться на постоянное жилье. Капнистъ (В. В., поэтъ) писалъ М—су въ Кибинцы (1 окт., 1818 г., изъ своей Обуховки): „Андрей Андреевичъ (Трощинскій, племянникъ министра) извѣщаетъ меня, что вы располагаете ѣхать къ какому-то пріятелю вашему, а я прошу васъ для проведенія осени, по крайней мѣрѣ, дать мнѣ предпочтеніе. Повѣрьте мнѣ, что обуховское поправившееся вамъ мѣстоположеніе и лѣчебная... (*неразобрано слово*) вода были бы весьма полезны для вашего здоровья; сверхъ же того вы бы сдѣлали посѣщеніемъ вашимъ чувствительнѣйшее

одолженіе. Не откажите онаго"... Но М. собирался переѣхать въ Пирятинъ къ какому-то пріятелю. Приглашали М—са также и въ кіевскую лавру, гдѣ въ это время былъ намѣстникомъ арх. Антоній Смирницкій, родомъ изъ с. Рудки, лубенскаго уѣзда; это былъ тоже товарищъ М—са по кіевской академіи и тоже пріятель. Вѣроятно, при посредствѣ этого намѣстника, М. тогда помогъ лаврѣ въ большомъ процессѣ ея за какія то рыбныя озера. Процессъ лавра выиграла и намѣстникъ писалъ М—су: „указъ, въ копіи приложенный вами, поспѣлъ въ то самое время, когда намъ должно было приступить къ пріему рыбныхъ ловель. Попеченіе ваше о мельницахъ и копію посланнаго вами въ Петербургъ письма, св. лавра дорого цѣнитъ. Понтифексъ (митрополитъ) и всѣ соборные старцы читали сію (?) многократно съ великимъ удовольствіемъ и благодарностью. Смѣю сказать, что любовь ваша къ св. обители сей вожделѣнна и самому великому нашему отцу архимандриту, иже надъ вратами. По вдохновенію его, вы писали, куда слѣдуетъ, въ пользу лавры... Долго ли вы пробудете въ Полтавѣ и куда оттоль отправитесь? Аще живы будемъ и Господь восхощетъ, не угодно ли будетъ вамъ поспѣшить въ св. четыредесятницѣ въ любимый вами спокойный уголокъ. Теперь открываются и другія келіи, въ которыхъ бы далѣе и далѣе пожить можно". (11 авг., 1818 г.). Черезъ десять дней послѣ этого арх. Антоній снова писалъ къ М—су: „Я съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего пріятнѣйшаго увѣдомленія, скоро ли вы въ любимый свой уголокъ возвратитеся? Я не думаю, чтобы нынѣшняя ваша разсѣянность разсѣяла или повредила благія мысли ваши, во благомъ сердцѣ вашемъ глубоко вкоренившіяся. О памяти вашей о почтеннѣйшемъ старцѣ нашемъ о. Вассіанѣ и о вашемъ къ нему благоговѣніи я ему докладывалъ. Отецъ Вассіанъ... благословлялъ имя ваше и вмѣстѣ со мною единодушно желаетъ вашего неукоснительнаго въ лавру прибытія"... [1]) Изъ этихъ писемъ видно, что М. хорошо былъ

---

[1]) Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ М—су, И. М. Гамалѣя говоритъ объ этомъ старцѣ, котораго онъ видѣлъ, будучи въ лаврѣ: „я также видѣлъ тамъ и слѣпого, благообразнаго іеромонаха, едвали ли именемъ не Вассіана, обращенія про-

знакомъ и съ лаврой и съ ея братіей, и что въ лаврѣ какъ будто и ждали его. М. дѣйствительно рѣшилъ поселиться въ лаврѣ. „Мнѣ сдѣлалось весьма тягостно скитаться по такъ называемымъ пріятельскимъ домамъ, гдѣ я всегда долженъ былъ держать себя въ принужденномъ состояніи". Такъ писалъ М. къ „великому магистру ложъ" Левенгагену, въ 1820 г., объясняя свое рѣшеніе поселиться въ лаврѣ.—Въ февралѣ 1819 г. М. представилъ лаврскому собору 1150 р. асс. съ просьбою отвести ему келію для постояннаго жительства, „обязываясь уплачивать кромѣ того, ежегодно по 300 р. за монашескую порцію и за зимнюю отопку его келіи". Тогдашній митрополитъ Серапіонъ удовлетворилъ просьбу М—са и кромѣ того рекомендовалъ—„стараться братіи сего вкладчика всякое спокойствіе соблюсти". Сообщая эти свѣдѣнія, близкій пріятель М—са В. Я. Ломиковскій добавляетъ: „митрополитъ Серапіонъ обращался съ М—сомъ съ уваженіемъ и любовью; онъ ежегодно посѣщалъ келію М—са и бесѣдовалъ съ нимъ въ сладость; тогда М—су никакъ и на мысль не приходило оставить ту святую обитель, которой богоуслуженіемъ онъ несказанно восхищался".—Поселившись въ лаврѣ, М. не прерывалъ сношеній съ своимъ пріятелями и довольно часто съ ними переписывался. Однимъ изъ такихъ пріятелей М—са былъ и сенаторъ Ег. Андр. Кушелевъ, бывшій „великій гроссмейстеръ всѣхъ ложъ россійскихъ". Узнавъ, что Кушелевъ путемъ настойчиваго предстательства помогъ какой-то бѣдной вдовѣ выиграть въ сенатѣ ея давній процессъ, М. написалъ ему письмо (въ нач. 1822 г.), въ которомъ, восхваливъ Кушелева за полученный вдовою правый судъ, въ тоже время даетъ ему совѣтъ (по личному опыту бывшаго оберъ секретаря)—какъ слѣдуетъ сенатору вести себя по отношенію къ об.-прокурорамъ и об.-секретарямъ, чтобы не попадаться въ ихъ ловушки при рѣшеніи дѣлъ. Кушелевъ отвѣчалъ *восторженною* благодарностью („въ радостномъ восторгѣ, купно съ супругой моею, какъ за оное письмо, такъ и за сохраненіе меня въ памяти и въ непремѣняе-

---

стого, но любезнаго: все сердце его, мнѣ казалось, изливалось въ его рѣчахъ и физіогноміи. Онъ сказалъ мнѣ, что родился въ нашей Семьяновкѣ (конотопскаго у.), происхожденія козачьего".

момъ благорасположеніи вашемъ ко мнѣ, благословили духомъ нашимъ непостижимую благость промысла и вмѣсто васъ, почтеннаго моего друга, облобызалъ я дружескія строки ваши")... и затѣмъ писалъ: „мнѣ извѣстно, что мѣстопребываніе ваше въ Кіево-печерской лаврѣ и что вы довольны были благорасположеніемъ къ вамъ тамошняго митрополита Серапіона; но какъ онъ, по желанію его, увольненъ, а на мѣсто его опредѣленъ архіеп. псковскій Евгеній... то я по прыбытіи его въ Петрополь, при первомъ моемъ свиданіи, не оставилъ дать знать о васъ и просить, какъ о моемъ другѣ. Его пр—во съ особеннымъ удовольствіемъ отозвался, что онъ почитаетъ для себя находкою пользоваться духовною бесѣдою съ вами... Не лишнимъ почитаю доставить вамъ предварительное свѣдѣніе о отличномъ качествѣ и достоинствѣ преосвященнаго: при природномъ дарованіи и добромъ сердцѣ, ученъ много съ успѣхомъ, по разнымъ предметамъ познанія имѣетъ обширныя, литераторъ, великій историкъ, географъ, біографъ, даже дипломатикъ и артиллеристъ, большой хозяинъ, въ жизни опытенъ и въ бесѣдахъ простъ, обходителенъ, искрененъ и любезенъ, словомъ въ высокомъ санѣ ихъ почитается единственнымъ..." Кушелевъ, какъ видно, очень любилъ М—са и, пользуясь случаемъ, просилъ и Евгенія—быть милостивымъ къ лаврскому отшельнику. Но М—су трудно было сойтись съ м. Евгеніемъ, который на мистицизмъ смотрѣлъ, какъ на болѣзнь... О неудачномъ знакомствѣ своемъ съ новымъ митрополитомъ М. вотъ что̀ писалъ Кушелеву... „ежели справедливо, что Платонъ, афинскій мудрецъ, говаривалъ: безъ сильной рекомендаціи и честной семейственной человѣкъ влачитъ нерѣдко самую бѣдственную жизнь, то ваша рекомендація обо мнѣ есть превыше всякой цѣны. Преосв. принялъ меня въ первый разъ такъ хорошо, какъ своего знакомаго, какъ я желаю, чтобы онъ и въ послѣдній разъ не лучше меня принялъ..." Но вслѣдъ за симъ М. продолжаетъ: „можетъ быть я при вашемъ снисхожденіи дѣлаюсь и дерзкимъ человѣкомъ, *какъ откроется въ приложеніи*, но по крайней мѣрѣ нѣтъ сему никакой другой причины, кромѣ моего къ вамъ усердія, преданности и благодарности... Если я не способенъ быть шпіономъ или доносителемъ, то не способенъ также быть и болтуномъ,

ибо для меня скромность и прочія сопряженныя съ нею въ одинъ вѣнецъ добродѣтели, всего вожделѣннѣе. Пусть я буду несчастенъ — въ томъ есть воля божія, противъ которой мнѣ трудно прать, но только я не хочу быть подлымъ—въ чемъ уже моя воля заключается. Посадите голубя передъ самимъ лучшимъ жаркимъ, онъ околѣетъ съ голоду. Многіе думаютъ, что когда я сижу здѣсь и когда пишу письма, то вѣрно вдаюсь въ какую-нибудь ябеду или клевету, не зная того, какъ мнѣ все сіе до смерти наскучило по службѣ въ чужихъ производствахъ..." Приложеніе, о которомъ говоритъ М., не сохранилось, но другъ М—са Ломиковскій по поводу этого письма сдѣлалъ слѣдующую замѣтку на самомъ письмѣ: „хвалимый м. Евгеній съ перваго знакомства съ М—сомъ предложилъ ему посѣщать его, м—та, покрайней мѣрѣ, два раза въ недѣлю и шпіонить на монаховъ обо всемъ, что увидитъ и что услышитъ. Столь низкое предложеніе до крайности оскорбило М—са"... Замѣтка эта сдѣлана ближайшимъ другомъ М—са В. Я. Ломиковскимъ, благодаря которому сохранена вся переписка М—са за время послѣ его отставки. Ломиковскій былъ миргородскій помѣщикъ и ближайшій сосѣдъ Трощинскаго. Здѣсь, у Трощинскаго, М. и познакомился съ нимъ въ 1818 г. Знакомство очень скоро перешло въ болѣе тѣсное дружество; Ломиковскій привлекъ М—са къ себѣ своею склонностью къ мистицизму, проповѣдникомъ котораго М. давно уже готовъ былъ сдѣлаться. Мѣсяца черезъ два послѣ знакомства съ Ломиковскимъ, М., живя еще у Трощинскаго, въ его Кибинцахъ, уже просилъ Ломиковскаго „о продолженіи дружественныхъ отношеній, основанныхъ на любви Христа", продолжая затѣмъ: „въ разсужденіи чего я не желаю ничего болѣе, какъ только того, чтобы онъ, ниспосылая на насъ свой святый свѣтъ, вразумилъ бы насъ говорить и мыслить одними устами, единымъ сердцемъ всѣ тѣ божественныя истины, кои содѣлались обоимъ намъ извѣстными посредствомъ избранныхъ своихъ и дышущихъ духомъ просвѣщенныхъ свыше..." Ломиковскій, какъ видно, знакомъ былъ съ мистическою литературою и самъ упражнялся въ послѣдней. Получивъ какую то рукопись отъ Ломиковскаго, М. проситъ его „начатаго не оставлять безъ окончанія", добавляя: „сущій и

святый раскроитъ въ васъ идеи сіи въ яснѣйшемъ свѣтѣ, дабы сообщать лучи и въ окружающую меня тѣнь. Я столько чувствую къ вамъ умственной привязанности, что желалъ бы возстановить между собою любовную переписку во вкусѣ обитателей новаго Іерусалима, хотя я и не имѣю права на тамошнее гражданство..." Переѣзжая въ Кіевъ для жительства въ лаврѣ, М. писалъ Ломиковскому съ дороги (дек. 1818 г.): „судя по внѣшнимъ видамъ, я конечно могу быть признанъ виновнымъ предъ вами: для чего по сіе время не писалъ къ вамъ и не прислалъ Эккартсгаузена и Штиллинга? но судя по внутреннимъ отношеніемъ, я ласкаюсь быть оправданъ предъ вами въ обоихъ сказанныхъ случаяхъ. Коль скоро беру въ объятія свои рукописи ваши, содержащія сочиненія Сведенберга, въ ту минуту и соединяюсь съ вами. Сколь скоро же начинаю читать оную, тотчасъ представляю себѣ, что начертаніемъ буквъ сами вы, а я чрезъ чтеніе оныхъ—сливаемся въ одномъ средоточіи..."" Ломиковскій отвѣчалъ въ томъ же тонѣ, и между новыми друзьями завязалась оживленная переписка, вся наполненная сообщеніемъ впечатлѣній послѣ чтенія тѣхъ или другихъ сочиненій объ „ученіи новаго Іерусалима" [1]). Впрочемъ, Ломиковскій въ письмахъ своихъ говоритъ о своихъ житейскихъ заботахъ; неудачахъ, свиданіяхъ съ сосѣдями и проч., но письма М—са почти исключительно наполнены разсказами о его мистическихъ писаніяхъ и размышленіяхъ по поводу ихъ... Все эта переписка сохранилась [2]) и по отношенію къ М—су наглядно показываетъ, какъ „мистика" губила людей; несомнѣнно, что писанія Сведенборга, Штиллинга, Эккартсгаузена—сгубили въ М—сѣ живого человѣка и сдѣлали изъ него мистика, которому стали недоступны интересы общечеловѣческіе. Поэтому трудно было М—су сходиться съ живыми людьми, къ числу которыхъ принадлежалъ и м. Евгеній. Мы уже видѣли, что первое знакомство М—са съ новымъ митрополитомъ было неудачно, вслѣдствіе

---

[1]) Въ одномъ письмѣ Ломиковскій спрашиваетъ М—са: „довольно ли такихъ людей въ св. градѣ Кіевѣ, коихъ сердце пріемлетъ *ученіе нов. Іерусалима*, и есть ли охотники къ нему въ обителяхъ черноризцевъ".

[2]) Переписка эта недавно пріобрѣтена нами вмѣстѣ съ бумагами В. Я. Ломиковскаго.

того оскорбительнаго предложенія, которое сдѣлалъ м. Евгеній М—су (если только послѣдній, какъ-нибудь, самъ не извратилъ его сущности). Но года черезъ два, черезъ три послѣ этого, у М—са съ Евгеніемъ возникаютъ отношенія какъ будто близкія, что̀ видно изъ сохранившихся писемъ митрополита, которыя онъ писалъ М—су изъ Петербурга. Въ первомъ письмѣ м. Евгенія читаемъ: „Продолжающіяся у васъ въ лаврѣ и въ отсутствіе мое починки и постройки утѣшаютъ и здѣсь меня. У васъ въ толпѣ братіи есть люди благомысленные, которымъ нужно дать только направленіе, а неблагомысленные пусть ворчатъ про себя. Ворчаніе ихъ безсильно остановить или затруднить ходъ добрыхъ распоряженій"... (Май 1825 г.). Письмо это, между прочимъ, указываетъ, что М. какъ будто сообщалъ главѣ лавры о томъ, что въ „толпѣ братіи" есть и „благомысленные", но есть и „ворчащіе" противъ распоряженій митрополита... Въ другомъ письмѣ м. Евгеній пишетъ: „благодарю васъ и за благопріятнѣйшій отзывъ о моихъ распоряженіяхъ по лаврѣ. Немного въ свѣтѣ людей, умѣющихъ въ добрую сторону толковать начальническія распоряженія, а въ лаврѣ это еще рѣже по старинному предразсудку—*такъ не бывало*. Сей предразсудокъ нельзя иначе побѣдить, какъ твердостію и невниманіемъ толковъ самоправныхъ. Вамъ и самимъ извѣстно, что на всѣхъ и Богъ не угодитъ, когда отстроитъ по своему, а не по людскому". (Январь 1826 г.) Въ отвѣтъ на письмо М—са, въ которомъ послѣдній пишетъ, что Евгеній сдѣлалъ два чуда: первое,—назначеніе лаврскаго намѣстника Антонія—епископомъ, а второе, что съ перемѣщеніемъ намѣстника, въ лаврѣ „не примѣчается по наружному церковному благочинію ни малѣйшей разницы", митрополитъ отвѣчалъ: „гораздо большее чудо, что въ лаврѣ, всегда своевольной, порядокъ не измѣняется; можетъ быть сами признали, что полезны для нихъ инструкціи, безъ которыхъ они и при начальникахъ спутывались въ должностяхъ"... (Май 1826 г. [1]). Отношенія

[1]) „Спутываніе въ должностяхъ" лаврской братіи въ это время было явленіемъ застарѣлымъ, какъ это видно изъ любопытнаго письма, написаннаго въ окт. 1827 г. м. Евгеніемъ къ своему намѣстнику Авксентію, гдѣ митрополитъ говоритъ

между М—сомъ и м. Евгеніемъ настолько стали пріязненны, что первый изъ нихъ даже рѣшился показать второму одно изъ мистическихъ своихъ писаній, озаглавленное „Церковь". Евгеній не замедлилъ высказать М—су свое мнѣніе объ этой его работѣ, а М., съ своей стороны, передалъ это мнѣніе Ломиковскому, сообщая ему отрывки изъ „Церкви" съ своими „примѣчаніями" по поводу отзыва м. Евгенія. Въ одномъ изъ этихъ „примѣчаній" М. пишетъ: „Фаетонъ [1]) объявилъ себя непримиримымъ врагомъ мистики. При всемъ ужасномъ удивленіи моемъ на сіе, я защищалъ уваженіе свое относительно сей науки тѣмъ только, что она со временъ глубокой древности существуетъ и всѣми отцами пріемлется. Онъ однакожъ раздѣляетъ отцовъ на двѣ степени, на принимавшихъ и не принимавшихъ мистику, причисляя себя къ послѣднимъ и говоря, что буквальный смыслъ есть смыслъ самый величайшій. Когда жъ я припомнилъ ему, что и по церковной исторіи, писанной Иннокентіемъ, въ продолженіе начатой Филаретомъ, поставляется на видъ семь смысловъ, то онъ возразилъ на сіе: „ну, что Иннокентій..." Другое примѣчаніе: „Фаэтонъ повидимому не получилъ убѣжденія въ сихъ изъясненіяхъ (въ сочиненіи о „Церкви"). Если такъ, то я не знаю, какую онъ исповѣдуетъ вѣру.—Помните, баснословный Фаэтонъ, схвативши возжи солнцевой колесницы, въ буйномъ стремленіи и самъ погибъ, и подвергъ погибели всю вселенную; не близко ли будетъ сіе приложеніе къ тому, кого я называю Фаэтономъ? быть органомъ вѣры и не вѣрить и другихъ еще съ пути сбивать — это ужасно:.." Работу М—са о „Церкви" м. Евгеній назвалъ результатомъ „ипохондріи" ея автора, почему М. и замѣчаетъ: „Впрочемъ, гдѣ надобно и ненадобно, Фаетонъ *употребляетъ ипохондрію весьма усердно*, даже разставаясь со мною, говорилъ, что, когда я начну страдать ипохондріей, которою онъ также нѣкогда страдалъ, то приходилъ бы къ нему. Я однако не былъ и не буду у него

что „еще бывшій кіевскій губернаторъ Бухаринъ, со вступленія моего въ начальство лавры, предостерегалъ меня и обращалъ мое вниманіе на развраты въ лаврѣ". См. Древн. и Нов. Рос., 1877 г., № 1.

[1]) Такъ М. называетъ м. Евгенія въ письмахъ къ Ломиковскому, видимо— разумѣя Фаэтона мифологическаго...

прежде, какъ на праздникъ пасхи. *Такихъ друзей можно оставить въ покоѣ.* Наконецъ, Фаетонъ обѣщалъ, написавши свою критику на сіе сочиненіе, отдать для храненія въ лаврскую библіотеку. Одинъ разъ когда приближенная къ Фаетону комета совѣтовала мнѣ бывать у него, то я сказалъ на сіе: „да онъ меня считаетъ сумасшедшимъ: на что мнѣ его безпокоить...“

Такимъ образомъ начавшееся было сближеніе у М—са съ м. Евгеніемъ, скоро разстроилось, и они, повидимому, совсѣмъ разошлись. Разстройство отношеній съ главою лавры должно было разстроить отношенія М—са и къ лаврскому обществу. Отсюда явилось одиночество. Не смотря на ипохондрію, М—су однакожъ тяжело было остаться совсѣмъ безъ людей, и вотъ результатомъ такого его положенія явилось письмо къ Ломиковскому, написанное М—сомъ въ пол. декабря 1829 г.—„Обращаясь отъ вашихъ ощущеній къ моимъ собственнымъ, я считаю приличнымъ привести въ началѣ слова́ изъ 247-го правила Пифагора, который говоритъ: „пригласи съ собою жить твоего друга, утѣшительно состарѣться двоимъ подъ одною кровлею“. А какъ взаимная между нами довѣренность утвердила сѣдалище свое на взаимной же любви нашей къ духовнымъ и купно священнымъ истинамъ, то я не смѣю прилагать и съ своей стороны показаннаго правила ни къ кому болѣе, какъ только къ вамъ, прошу васъ не лишить меня послѣдней отрады, помочь—кончить жизнь мою покойно, хотя бы то было въ крестьянской избѣ, хотя бы то было въ самомъ послѣднѣйшемъ зданіи, лишь бы оно не тиранило меня вседневными неудовольствіями со стороны такъ называемой услуги, вотъ я и доволенъ! Ибо я вижу, что въ наше время бываетъ услуга, не услуга, но совершенное буйство, котораго ничѣмъ укротить нельзя, наипаче человѣку, находящемуся въ моемъ неключимомъ положеніи. При всемъ томъ вы можете быть весьма покойны со стороны моихъ прихотей. Не менѣе того я не думаю ничѣмъ обременять васъ тщетно, но желаю вносить въ ваше казначейство такую сумму, которая могла бы соотвѣтствовать выгодамъ, отъ васъ мною получаемымъ: за квартиру, за провизію и за услугу, для которой просилъ бы я назначить добросовѣстнаго старика со старухою. Все сіе должно быть соотвѣтственно моей

уединенной жизни, противъ которой прошу не вооружаться никакими развлеченіями любопытныхъ или посѣтителей, для коихъ я желаю быть совершеннымъ уже мертвецомъ... Я также думаю перевезти къ вамъ и свою библіотеку, съ тѣмъ, чтобъ обратить ее въ свое время въ уѣздное училище, гдѣ она по крайней мѣрѣ не сгніетъ безъ употребленія... Прося милосердаго Бога помиловать меня, а васъ прошу быть моимъ опекуномъ, сжалившись надо мною, но безъ огласки! Вы сами видите и знаете, что мнѣ болѣе не нужно, какъ одинъ покойный кровъ, въ которомъ бы не было течи и земляного полу. Желательно при семъ отдать вамъ отчетъ и въ употребленіи моего времени. Мучась разстройствомъ и безсоницею, ничего лучшаго не могъ я сдѣлать, какъ только заглядывать въ Четіи-Минеи и дѣлать замѣчанія на счетъ воспитанниковъ... [1]) На это письмо Ломиковскій отвѣчалъ „великою и превеликою благодарностью, за особливое довѣріе и преимущественное предпочтеніе прожить до послѣдней крайности подъ одною кровлею....“

Получивъ согласіе Ломиковскаго, М. нашелъ нужнымъ оговорить, по возможности, всѣ подробности своего жительства въ Трудолюбѣ, чтобы „ничего не оставить въ неизвѣстности и *вновь не подвергать перепутанныхъ уже чувствъ случайному повороту вещей*“. Поэтому М. писалъ еще разъ Ломиковскому: „Благоразумное желаніе ваше поселить желающаго въ своемъ Паркѣ мимо лордовыхъ чертоговъ (здѣсь М. разумѣетъ домъ А. А. Трощинскаго) церемоній, столовъ и всего прочаго, но въ совершенномъ отдѣленіи, ручается въ томъ усердномъ расположеніи, которое чрезвычайно вожделѣнно. Въ семъ случаѣ, дабы ничего не оставить въ неизвѣстности и вновь не подвергать перепутанныхъ уже чувствъ случайному повороту вещей, прошу, покорнѣйше прошу—изчислить пропорцію провизіи всякаго рода, которую нужно будетъ отпускать на мѣсяцъ для одного со старикомъ и старухою или съ мужемъ и женою и съ мальчикомъ, отъ васъ же испрашиваемыхъ, включая муку и крупу разныхъ

---

[1]) Воспитанниками М. называетъ свои мистическія рукописныя сочиненія, можетъ быть потому, что одно изъ нихъ носило заглавіе „Питомецъ“.

родовъ, огородину, вариво, молочное, топливо, услугу, обитель, хотя примѣрно на одинъ мѣсяцъ, также примѣрно же и годовая пропорція откроется; да и тутъ за лишнею сотнею для васъ не постоятъ, лишь бы ничего не подвергать неизвѣстности и не играть въ жмурки. Се способъ сохранить взаимное дружелюбіе на долгое время! Гораздо лучше знать оное, нежели быть въ невѣдѣніи. Здѣсь дѣло идетъ не о щедрости или милости, кто кого въ томъ перещеголяетъ, но о совершенномъ безстрастіи. Когда шведскій король отдаетъ въ наймы, по надлежащей цѣнѣ, погреба, подъ жилымъ его домомъ находящіеся, то вы также подражательно имѣете право назначить всему цѣну справедливую, какъ честный человѣкъ, а желающій подражательно же долженъ удовлетворить оную съ благодарностію, какъ человѣкъ признательный; но безъ этого нельзя быть ему ни подсосѣдкомъ, ни посполитымъ Трудолюбиваго парка. Дружба тамъ всегда терпитъ и теряется, гдѣ интересъ находится въ запутанномъ состояніи. Сынове же сего свѣта во всякомъ случаѣ должны предпочитать истинный свѣтъ тьмѣ". (4 марта, 1830 г.). Ломиковскій отвѣчалъ: „Письмо ваше отъ 4 марта я поцѣловалъ и нахожу въ ономъ условіе совершенно сходное съ моею мыслію, и оное взято вами изъ глубокой опытности; оно будетъ свято исполнено, ибо Боже сохрани, чтобы съ моей стороны могло что либо послѣдовать такое, что бы нарушало что либо покой въ священныхъ занятіяхъ вашихъ"... Но М., все еще опасаясь за полную свою свободу у новаго амфитріона, продолжалъ ему объ этомъ напоминать.— „Когда прошу въ Паркѣ вашемъ независимаго пріюта, значитъ, что я расположенъ къ вамъ чистосердечно, безъ всякихъ околичностей, т. е. безъ намѣренія быть вамъ въ тягость и безъ желанія стѣснять себя невольническою зависимостью. Кромѣ книгъ и вещей, со мною неразлучныхъ, я ничего съ собою не возьму... Здѣсь я оставляю не только всю мебель, но и всю фаянсовую и стеклянную посуду. Рѣшаюсь лучше нужное купить на мѣстѣ, нежели возиться съ этимъ хрупкимъ громоздомъ. А до того пріятно мнѣ будетъ ѣсть и пить изъ деревяной мисы, и деревяною ложкою, и изъ деревянаго кухлика, подаваемыми приставленною вами ко мнѣ старушенціею, которая будетъ убла-

жать всячески, чтобъ я съѣлъ цѣлаго быка, но я съѣмъ только барана. При томъ же думаю спать и на соломѣ, и на сѣнѣ, хочу бродить между посѣвами и сѣнокосами и зарослями, собираюсь валяться въ клунѣ, и на гумнѣ, и на току, замышляю въ лѣтнія жаркія ночи спать въ одномъ хлѣву съ маленькими телятами; словомъ, отлагая всѣ предразсудки въ сторону, желаю дѣтскимъ образомъ и глубоко повергнуться въ лоно природы подъ благодѣтельнымъ кровомъ провидѣнія, не получу ли сколько нибудь спасенія въ болѣзненномъ состояніи моемъ послѣ многихъ отвратительныхъ латинскихъ соусовъ, изготовляемыхъ эскулапами нашими, большею частью въ печкѣ несытаго корыстолюбія, нежели состраданія къ страждущему человѣчеству... А мнѣ въ Лубнахъ не завернуть ли къ лѣкарю, то къ которому"?—[1]).

М. пріѣхалъ въ Трудолюбъ въ концѣ мая 1830 г. и въ половинѣ іюня писалъ къ своему дядѣ И. П. Мартосу (скульптору): „Я странствую въ обширныхъ поляхъ, зеленѣющихъ разными хлѣбными посѣвами, кои ростутъ и цвѣтутъ и колосятся, представляя свободное игралище вѣтрамъ и мнѣ пріятное зрѣлище, послѣ долговременнаго лишенія таковыхъ явленій природы. Не безъ основанія говорили древніе, что первые земледѣльцы были и

---

[1]) На послѣдній вопросъ М—са Лониковскій даетъ слѣдующій интересный для исторіи тогдашней провинціальной медицины отвѣтъ.—„Касательно лѣкаря доложу вамъ, что въ Лубнахъ находится одинъ преученый нѣмецъ, вольнопрактикующій, бывшій въ путешествіи вокругъ свѣта по избранію академіи, но яко впадшій въ меланхолію, прибылъ въ Малороссію для климата. Не одинъ человѣкъ хвалится его искусствомъ, но многіе отзываются о его странностяхъ и циркулярныхъ возваніяхъ къ дворянству съ упреками... Плохая надежда на такую нѣмоту.— Есть еще при больницѣ лубенской харьковскій питомецъ, родомъ миргородецъ прошлый годъ вступившій въ службу и въ практику, безкорыстный, мало даетъ лѣкарствъ, преудачныя производилъ лѣченія въ несложныхъ и очевидныхъ болѣзняхъ, кажется по теоріи; но въ хроническихъ припадкахъ дѣло иное, и кажется не швидкій на заключеніе, ибо когда я сказалъ ему, что страдаю старыми завалами, то онъ отвѣчалъ, что завалы не существуютъ.—Посудить можете!—Въ Хоролѣ есть вѣнской питомецъ панъ Жидовскій, реформатъ нѣмецкій, который крестится и по русски, весьма свѣдущій, удачный врачъ на отчаянныхъ консиліяхъ, но такой іуда что нарочно портитъ больного, чтобы дольше молоко доить. Но хвалятъ очень лохвицкаго повѣтоваго, совоспитанника Голованева, весьма хвалятъ три повѣта, и хвалятъ по многимъ отношеніямъ; отъ меня домъ его отстраненъ одною конною упряжкой. Что Богъ пошлетъ на сердце ваше?“

первые мудрецы. Можетъ быть и вы сообразно сему, смотря въ окошко на мимо ходящихъ крестьянъ и солдатъ, часто называли ихъ героями побѣдителями: подобно вамъ, я также называю своихъ малороссіянъ гречкосѣевъ волхвами-мудрецами, тѣмъ достойнѣйшими, что подражать имъ въ необходимѣйшихъ упражненіяхъ нашему брату весьма трудно... Выѣзжая изъ Кіева въ послѣднихъ числахъ мая, думалъ я оставить его навсегда, прилѣпившись къ имѣнію миргородскаго подкоморія Василія Яковлевича Ломиковскаго, называемому Паркъ-Трудолюбъ, въ которомъ и нахожусь почти подъ бокомъ Миргорода, но будущее въ въ руцѣ Божіей"...

Но и миргородская природа не могла уже помочь изнемогшему отъ физическихъ и душевныхъ мукъ М—су. Въ Трудолюбѣ онъ прожилъ около года и умеръ 4 апрѣля 1831 г.—Ломиковскій въ своихъ замѣткахъ объ умершемъ другѣ, о смерти его пишетъ: „М. переселился въ домъ мой въ 1830 г., мая 28 д. На слѣдующій же годъ скончался отъ аневризма въ груди, 1831 г., апрѣля 4 д. Онъ погребенъ въ саду моемъ. Извѣстный художникъ, академикъ Иванъ Петровичъ Мартосъ, по желанію младшаго брата усопшаго—Федора Романовича Мартоса, сдѣлалъ надгробную колону съ надписью. [1]) Эта колона стоитъ у подножія усопшаго, а я въ возглавіи поставилъ дубовый крестъ".

Всѣ свои бумаги М. завѣщалъ Ломиковскому, который говоритъ объ этомъ: „И. Р. Мартосъ оставилъ по себѣ великое число драгоцѣнныхъ рукописей, частію юридическихъ (въ маломъ числѣ), но преимущественно богословскія, содержащія въ себѣ неподражаемыя объясненія церковнослужебныхъ книгъ. Они писаны по самому высшему и превыспренному откровенію, по большей части писаны въ продолженіе 12-тилѣтняго пребыванія его въ Кіево-печерской лаврѣ... Впослѣдствіи, не задолго до кончины его, промыслу Божію благоугодно было согрѣть сердце М—са христіанскою любовію ко мнѣ... Для того М. сталъ исподоволь, всячески испытывать меня, сообщать для прочета нѣкоторыя изъ

---

[1]) Памятникъ этотъ и теперь существуетъ, какъ сообщаетъ одинъ изъ сосѣдей Парка-Трудолюба.

своихъ сочиненій... А наконецъ, сколь ни прискорбно было сердцу его, однакожъ онъ рѣшился оставить святую лавру кіево-печерскую съ тѣмъ, чтобы проживать въ домѣ моемъ, пояснять мнѣ писанія свои и вручить всѣ рукописи свои на мое сохраненіе... Причемъ онъ не рѣдко убѣждалъ меня не только словесно, но и письменно, чтобъ я подъ величайшею тайною сохранялъ писанія его и чтобъ не иначе сообщалъ ихъ для прочета, какъ только такимъ особамъ, которыхъ самъ Богъ къ тому укажетъ"...

Мнѣніе свое о М-сѣ, какъ о писателѣ, Ломиковскій выразилъ въ слѣдующемъ своемъ о немъ отзывѣ: „Богъ одарилъ М-са глубокомысленнымъ умомъ, и М., съ своей стороны, всячески старался всю способность ума своего употреблять на славу имени Божія... М. находилъ лучшимъ услажденіемъ своимъ лишь то, чтобы собственными опытами исполнять всякую добродѣтель, начитываемую имъ въ священномъ писаніи и въ церковныхъ поученіяхъ. Чѣмъ болѣе подвизался въ добрѣ, чѣмъ болѣе очищалъ сердце свое, чѣмъ болѣе отсѣкалъ страсти и приближался къ безстрастному состоянію жизни, тѣмъ болѣе онъ смирялся духомъ... М. находился почти въ непрестанныхъ откровеніяхъ; такимъ образомъ получая высшія и высшія разумѣнія, исправлялъ по нимъ свои сочиненія"...

Отсюда видно, какого преданнаго адепта имѣлъ М. въ Ломиковскомъ; но только онъ же одинъ у него и былъ; съ нимъ только М. и отводилъ душу, дѣлясь результатами своихъ занятій тою „мистикою", которая сгубила въ М-сѣ живого человѣка. Проживъ послѣ отставки въ Малороссіи почти пятнадцать лѣтъ, М—съ другихъ адептовъ, судя по его перепискѣ, не нашелъ, хотя часто сталкивался съ людьми того же умственнаго уровня, къ которому принадлежалъ и Ломиковскій. Повидимому, „мистика" въ Малороссіи не находила для себя годной почвы...

30 іюня. **Ал. Лазаревскій.**

НАСИЛЬНО ОБВѢНЧАННЫЙ ДЬЯКЪ.

(РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ДАВНЯГО ПРОШЛАГО).

I.

Въ лохвицкой сотнѣ лубенскаго полка было село Бербеныци. Въ томъ селѣ жилъ бунчуковый товарищъ Федоръ Гамалѣя, женатый на дочери войсковаго товарища Ивана Бѣлича, Аннѣ. Федоръ Гамалѣя былъ державцемъ (владѣтелемъ) Бербеныць. Ему принадлежало село Жабки—въ 5 верстахъ отъ Бербеныць.

Въ Бербеныцѣ были два попа—Максимъ Высоцкій и Стефанъ Кириловъ. Родной братъ о. Стефана, Иванъ, состоялъ здѣсь дьячкомъ. Онъ былъ молодъ, неженатъ и училъ дѣтей въ школѣ. Школа находилась вблизи панскаго двора.

Иванъ Кириловъ часто ходилъ на панскій дворъ для писанія Гамалѣю разныхъ бумагъ. На этого Ивана не могла равнодушно смотрѣть панская *служебка*—вдова Агафія Коцарка: она страстно влюбилась въ него. А дьякъ Иванъ не сочувствовалъ Коцаркѣ и уклонялся отъ встрѣчъ съ нею. Она навязывалась къ нему съ любезностями, онъ отворачивался отъ любезностей и гналъ Агафію прочь отъ себя. Но влюбленная рѣшилась непремѣнно достигнуть брачной связи съ Иваномъ Кириловымъ. Она объявила панѣ своей, что Иванъ Кириловъ живетъ съ нею, Агафіей, *въ блудодѣйномъ грѣхѣ, а вести ее до*

шлюбу не желаетъ; и просила сдѣлать все такое, чтобы ова была *малжонкой* дьяка Ивана. Паня и служебка составили планъ дѣйствій и немедленно приступили къ выполненію его.

II.

Въ тѣ поры, въ октябрѣ 1739 г., Федора Гамалѣя не было дома: онъ отправился съ лубенскимъ полковникомъ въ Хотинскій походъ.

Ночью съ воскресенья на понедѣльникъ 30 октября, часа за два до разсвѣта, жена державца Гамалѣя—Анна Бѣличовна послала за попомъ Максимомъ. Попъ Максимъ къ панѣ державцевой явился немедленно—*еще прежде свѣтанія дни.* Она объявила о. Максиму, что „служебка ей Агафія показуетъ быть причтеннаго къ себѣ въ любодѣйномъ смѣшеніи дьячка Ивана Кирилова".

Объвяивъ о такомъ проступкѣ причетника, Бѣличовна спросила попа: „какъ бы съ дьячкомъ Иваномъ поступить, чтобъ Гапку взялъ себѣ за законную жену?"

Анна Бѣличовна уже рѣшила, какъ поступить съ возлюбленнымъ Гапки; а такой вопросъ предложила священнику какъ-бы для испытанія: каково-то будетъ его мнѣніе?

О. Максимъ всегда безпрекословно творилъ волю пани державцевой. Онъ сказалъ, что готовъ сдѣлать все по ея желанію. Если Иванъ Кириловъ учинилъ любодѣйное смѣшеніе со служебкой Агафіей, то надобно всѣми мѣры склонить его къ законному сожитію съ оной Агафіей.

Этого и хотѣлось Бѣличовнѣ. Сейчасъ она приказала дворовому сторожу: „какъ можно поскорѣе иди до дьяка Ивана Кирилова и призови его во дворъ писать". Хитрая и дальновидная баба знала, какъ залучить добраго молодца въ капканъ.

Ивана Кирилова не было дома: „какъ-бы за часъ передъ свѣтомъ онъ пришелъ въ церковь на утренное пѣніе". Скоро только вступилъ онъ въ церковь, какъ сюда явился посолъ пани державцевой.

Попъ Стефанъ правилъ тогда утреню и читалъ правила къ служенію литургіи.

„Съ тѣмъ звавшимъ его, Ивана, сторожемъ пойшолъ онъ въ дворъ державскій и войшолъ въ меншую свѣтлицю; тамъ засталъ попа Максима и паню державцеву. Они стояли посередъ хаты при свѣтлѣ въ двоихъ только и спросили Ивана:

А есть-ли у тебе каламарь писать?

— Тутъ въ дворѣ вчерашняго дня каламарь мой оставленъ, сказалъ дьячокъ.

— Каламарь взявъ хлопець зъ двора въ школу, сказала Бѣличовна.

О чернильномъ приборѣ повели рѣчь для того, чтобы дьякъ занялся разысканіемъ его. А тѣмъ временемъ явится орудіе, безъ котораго считали неудобнымъ творить расправу съ будущимъ мужемъ Гапки.

Кириловъ сейчасъ же пошелъ къ школѣ за каламаремъ. Какъ только пришелъ онъ снова въ державскій дворъ, „взяла его панѣ въ хату столовую холодную. Увойшовши туда, увидѣлъ онъ попа Максима съ путомъ желѣзнымъ своимъ власнымъ (собственнымъ) стоячаго".

— А ходы, братець, до мене! Прикую тебе. *Съ такимъ первѣйшимъ привѣтомъ отозвался* о. Максимъ до своего дьячка.

— За что, ваше превелебіе, будете приковувать мене? вопросилъ дьячокъ.

— Тогда скажемъ, якъ прикуемо! Ходы-жъ, кажу! отказалъ сердито попъ.

Дьячокъ подошелъ къ о. Максиму; а тотъ приковалъ его къ столу. Теперь началось объясненіе.

— Гапка говорить на тебе, же ты причтенъ къ ей въ грѣху любодѣйскомъ! сказалъ о. Максимъ.

— А буду я трижды проклятый, якъ я тее робывъ съ Гапкою! Гапка приставала до мене, хотячи въ соблазненіе мене привести, то я отъ ей отвертався, на неи плювався, а часомъ утикавъ! Нехай Богъ покараеть, нехай мене гримъ побье, якъ тому, шо я кажу, неправда! вопилъ дьякъ Иванъ.

— Признавайся, признавайся и озьми ей за себе! приставалъ къ дьяку о. Максимъ.

— Бога во свидѣтели призываю, же я весьма невиненъ передъ Гапкою! клялся дьякъ.

Хотя Иванъ Кириловъ „себя непричтенного и невинного до Гапки показывалъ и весьма отрицался поять Гапку себѣ за жену",—однако попъ и паня не повѣрили его показаніямъ и не спустили его „съ того окову". Они пошли въ комнату. Черезъ нѣсколько минутъ о. Максимъ и Бѣличовна снова появились предъ лицемъ Ивана Кирилова.

— Озьми всеконечнѣ Гапку! А якъ не озмешь, то до смерты убьють и лишишься живота своего!—убѣждалъ дьячка о. Максимъ.

— Есть-ли я въ чемъ виноватъ, то нехай беруть мою худобу. И мене хочай въ едной кошули оставять, а вѣнчатись съ нею нехай мене не принуждають: бо я съ нею жить не буду и ей не желаю! отвѣтствовалъ дьячокъ.

— Ахъ ты поганець такій! Плювать на твое желання! А ну, люде, идить сюда, сдерить съ его одежу! приказала паня.

Явились люди и сняли съ Кирилова всю одежду.

Въ пустой хатѣ (въ холодной столовой) прикованный къ столу желѣзнымъ путомъ, обнаженный, прозябшій, сидѣлъ молодой дьякъ „чрезъ немалое время"—до полудня.

Мало того, что Иванъ Кириловъ претерпѣвалъ холодъ, голодъ и неволю,—его волновало и зрѣлище: вотъ „предъ его глаза внесены и положены батоги, потомъ внесены сюда же кіи. Къ прикованному и обнаженному дьяку входили люди, „стращая его кіевымъ и батожьимъ боемъ". Но онъ крѣпился „и поять за себе Гапку согласія не давалъ".

Попъ Максимъ попу Стефану далъ тайно знать о томъ, что совершается съ братомъ. Занятый требами о. Стефанъ для вызволенія брата явился о полудни во дворъ державскій. Но появленіе о. Стефана не произвело на Бѣличовну такого дѣйствія, какого ему желалось. Она еще болѣе озлобилась и приказала наказать брата попового кіями и батогами, если онъ снова будетъ отрицаться отъ Коцарки. Приступили къ попо-

вому брату съ рѣшительнымъ намѣреніемъ отдубасить его. О. Стефанъ, видя такое, попросилъ Бѣличовну повременить боемъ: ибо онъ желаетъ переговорить съ братомъ.

Результатомъ этихъ переговоровъ было то, что Ивана Кирилова освободили отъ окову и одѣли; а когда въ холодную столовую вошла паня, Иванъ „показалъ отъ себе образъ, что хощеть оную жену взять“, т. е. пустился на хитрость и объявилъ:

„Склоняюсь на волю вашу, панѣ! Нехай уже будеть такъ: озьму ту Коцарку себѣ за жену!

— А заразъ до шлюбу пидешь? спросила паня.

— По волѣ вашей то и заразъ! Ведить, панѣ, пиду!

III.

Была пора „позднѣйшихъ обѣдовъ“, когда Иванъ Кириловъ показалъ образъ, что хочетъ поять Гапку.

Прежде-чѣмъ вести молодыхъ въ церковь, составили *мнымую свадьбу.*

„При сватьбѣ иныхъ старостъ не было, кромѣ что сами они, Максимъ и Стефанъ, въ лицѣ тѣхъ обрѣтались“. О. Максимъ былъ главнымъ дѣятелемъ въ этомъ сватаньи. Онъ велѣлъ „внесть *рушнички*, изъ которыхъ и ему, Ивану, одинъ дано и другимъ по обыкновенію. А потомъ и горѣлки фляшку внесено“. Явилась невѣста—Агафія Коцарка. Бѣличовна подвела ее къ жениху и посадила обоихъ за столъ. Сѣли за столъ и старосты.

Началось *частуванье* за здравіе молодыхъ и за счастливый исходъ дѣла. „Попившись горѣлки якъ бы чарокъ по три и побольшъ, повели его, Ивана, въ церковь для обвѣнчанія“. „Скоро только вышелъ оный дьячекъ на дворъ, то пошелъ якобы до школы за своею потребностію“. Очутившись на свободѣ, онъ взялъ въ школѣ кунтушъ и ножъ въ руку—и *удался бѣгу* къ селу Жабкамъ.

Пробѣжавъ улицу и выскочивъ за царину, дьякъ Иванъ пустился во весь духъ, ибо замѣтилъ за собой погоню; то гна-

лись за нимъ Анна Гамалѣя и о. Максимъ. Гнались они за бѣглецомъ „ажъ за царину якъ-бы за верству". Выбившись изъ силъ, Бѣличовна приказала попу, чтобы онъ поскорѣе возвратился въ село и выслалъ бы людей съ ближайшей бѣльской улицы. Попъ Максимъ метнулся на эту улицу и послалъ шесть человѣкъ конныхъ для поимки дьячка Ивана Кирилова.

Посланцы встрѣтили неподалеку отъ Бербеныцъ двоихъ жителей села Жабокъ—Мартина Назаренка и Герасима Матвіенка. Они ѣхали на конныхъ подводахъ.

— Чи не бачили вы дьяка Ивана Кирилова? спросили посланцы.

— Але бачили!

— Де?

— Адже мы споткали его идучаго въ поли на дорози межъ долинами поповицею и бербенычною. Винъ въ руци державъ ножъ и пидъ плечемъ жупанъ. А подали за нымъ тежъ ишли браты его, пипъ Стефанъ и Корній.

— Чомужъ вы Ивана не піймали? то винъ утикае одъ панѣ! сказывали посланцы Назаренку и Матвіенку.

— А объ тимъ мы не знаемо, чи винъ идеть, чи утикаеть! отвѣтили жабскіе жители и поѣхали дальше.

Вовлѣ царины встрѣтили Мартина и Герасима паня державцева и попъ Максимъ. Паня попросила ихъ, чтобы они того дьячка *утѣкаючаго* уловили.

Они и шесть бербеницкихъ верховцевъ поймали дьячка и привели его во дворъ державскій. Сейчасъ „внесено было *батожжа* и дьячка *роздягнено*". Въ эту критическую минуту попъ Максимъ и другіе *отпросили* его отъ того бою.

— Панѣ добродѣйко! Нехай тилько однимъ каранъ будеть, жебъ узялъ служебку Агафію! говорили они.

— На тое буду я согласна! сказала добродѣйка.

„И онъ дьячокъ на тое, чтобъ Аграфію взять, приступилъ".

Теперь повели Ивана Кирилова въ церковь для обвѣнчанія. Жутко ему сдѣлалось. Нехорошо чувствовалъ себя и о. Максимъ: ему не хотѣлось бы творить насильнаго бракосочетанія; а смѣлости не имѣлъ, чтобы воспротивиться волѣ добродѣйки.

Тогда была седмица о. Стефана. О. Максимъ предлагаетъ попу Стефану обвѣнчать Ивана и Агафію. Когда тотъ не захотѣлъ, то онъ самъ Максимъ *подпилій* приступилъ до того вѣнчанія. Онъ поставилъ новобрачныхъ на обычномъ мѣстѣ; но женихъ не сталъ на томъ мѣстѣ, а ходилъ около клироса. И когда пришло время говорить вѣнчающимся *форму, законный бракъ составляющую*, и сталъ по обыкновенію о. Максимъ *вопрошувать* Ивана Кирилова,—то оный Иванъ *тоей формы* не говорилъ, и принимать Агафію Коцарку себѣ за жену не хотѣлъ, *и вѣры малженской шлюбовать не обѣщался*. На вопросы поповы дьякъ Иванъ говорилъ вопрски: „гдѣ бываетъ говорено—шлюбую тебѣ вѣрность и протчая — тамъ онъ говорилъ: *не шлюбую*; а гдѣ говорить треба: хощу имѣть тебе за малжонку, тамъ онъ говорилъ: „*не хощу*".

Услышавъ такія слова, о. Максимъ прекратилъ вѣнчаніе.

— Добродѣйка! Дьякъ шлюбовать и вѣнчаться съ женою Агафіею не хочетъ!—объявилъ о. Максимъ панѣ державцевой, снялъ съ себя ризы и хотѣлъ идти изъ церкви.

— Естли не хочетъ взять тоей жены, такъ нехай его возьмуть въ дворъ,—до смерти велю его убить, якъ бестію! отказала паня.

Ивана Кирилова сію минуту подхватили и вынесли изъ церкви; но на паперти онъ упалъ предъ Бѣличовной на колѣни, обѣщаясь уже вѣнчаться и *надлежащее* говорить.

— Впослѣднѣ прощаю тебе! сказала паня.

Такъ-то дьякъ Иванъ принужденъ былъ *паки приступить* къ вѣнчанію. Онъ сталъ возлѣ Агафіи—на обычномъ мѣстѣ; и о. Максимъ „паки на себя взялъ епатрахиль и фелонь—и началъ *обвѣнчивать*. Когда пришло ему время *вопрошувать*, то Кириловъ пустился на хитрости: онъ по вопросамъ поповымъ *якобы говорилъ требуемую форму*, т. е. сказывалъ подложно и съ перемѣной словъ, имѣющихъ наибольшую силу".

— Шлюбуешь-ли ты ей вѣрность? вопрошувалъ о. Максимъ.

— Шлюбую (громко)—Богу, а не ей! (въ полголоса) отвѣчалъ дьякъ.

— Хощеши ли ты имѣть ее себѣ за малжонку?

— Хощу имѣть себѣ за малжонку (громко) иншую (вполголоса)—отвѣчалъ дьякъ.

Онъ выкинулъ еще лучшую каверзу. Когда невѣста стала ему прямо по словамъ іерейскимъ *шлюбовать*, то онъ *вдарилъ ее въ щоку*. Этотъ ударъ явственно *чули* и видѣли всѣ предстоящіе. О. Максимъ моментально поворотился спиной къ новобрачнымъ, показывая видъ, что онъ не замѣтилъ пощечины, равно-какъ предъ симъ онъ показывалъ видъ, что не слышитъ превратныхъ словъ дьячка. Онъ не прекращалъ вѣнчанія во избѣжаніе возни съ Кириловымъ и ради удовольствія панѣ державцевой.

Остальной порядокъ бракосочетанія былъ совершенъ благополучно.

По обвѣнчаніи Иванъ Кириловъ шелъ изъ церкви *съ тоею себѣ обвѣнчанною женою*. Но во дворъ державскій не захотѣлъ идти, а юркнулъ прямо въ школу. Сюда послѣдовали нѣсколько человѣкъ, и они оцѣпили ту школу. Не долго пришлось сторожить дьячка: за нимъ было прислано—и взяли его до двора.

Какъ только вступилъ новобрачный въ панскую *свѣтлицю*, панъ Максимъ взялъ его за плечи и посадилъ за столъ вкупѣ съ Агафіею—законною женою.

— И чого бъ я брыкався! Сидай тутъ! Уже-жъ дило кончено! Звязянъ зъ нею законнѣ навики!—убѣждалъ попъ своего дьяка.

— Звязянъ, а жить не буду зъ нею!

— Э, дурный! Та ты подывысь, якъ привѣтливѣ и умиленно вона зазира на тебе! Каминь—и той растаявъ бы!—возбуждалъ попъ дьяка.

— А бодай же повылазили у неи ти баньки!... И сплюнулъ при этомъ дьякъ.

— Ивасю!... произнесла Агафія.

— Одвяжись видъ мене!

Такъ началась свадьба.

Посадивши новобрачныхъ, стали пить. Въ числѣ свадебныхъ гостей были Назаренко и Матвіенко, главные дѣятели въ уловленіи Ивана Кирилова, а Матвіенко и вѣнца ему *придер-*

живалъ. Послѣ третьей или четвертой чарки Назаренко, старый и бывалый козакъ, повелъ такія рѣчи:

Чого на свити Божому не бува! Ихали по сино, попали на винчанье, сидимо на вессилли! Ще и не бачивъ, щобъ молодый одвертався видъ молодои жинки! Що молода одвертаетьця, те бува на свити Божому!... Ще не кортыть нашому князю, а дали якъ обдывитьця, таки дило буде... Инша жинка або дивка на обличчу неначе-бъ поганенька, а въ жартуванни така смашна, що катъ іи ма... Днивъ зо два, може, буде смутно нашому князеви, а якъ обдывицця, то дило пиде на ладъ!

— Не вамъ тее казать, а не мини тее робыть, дядько Мартыне!—обозвался дьякъ.

— Эй, Иване! Ты и мене выведедешь изъ терпѣнія, якъ не будешь приступать къ законному сожитію! Внимай, кажу, рѣчамъ старого человѣка: бо то рѣчи розумни и справедливи! провозгласилъ о. Максимъ.

— Тай дикій же якій нашъ князь и вашъ дьякъ, о. Максиме! Винъ ще бильшъ одвертаецця и одсовуеться видъ своеи жинки! сказалъ Мартынъ.

— Хиба я скажена, чи що! Хочь бы подывывся! обозвалась Гапка.

— Ну, и подывлюсь! Що тоби зъ того? быстро сказалъ дьякъ, посмотрѣвъ на нее.

— И то добре, и то дило! А ну, мерщи, присунься, та обними молодичку, и намъ веселишъ буде! Бравый будешь козакъ! подзадоривалъ Мартынъ дьяка.

— Коли вамъ того хочецця, нате вамъ! И Кириловъ слегка обнялъ Гапку; но сейчасъ-же отодвинулся отъ нея.

— Отъ я и казавъ, що дило буде!—сказалъ Мартынъ.

— Спасиби тоби, Мартыне, що ты новобрачнаго на умъ—розумъ навивъ! сказалъ о. Максимъ.

Стали пить учащенно. Рѣчи рѣкой полились. Веселыя пѣсни раздались въ средѣ свадебныхъ гостей. А Матвіенко, молодой козакъ, забавлялъ сихъ гостей, отхватывая въ присядку удивительныя фигуры.

Новобрачный не преминулъ воспользоваться такимъ весельемъ.

Онъ выкинулъ порядочную каверзу: „війшовъ зъ-за стола попидъ столомъ". Улизнувъ изъ свадебной хаты, онъ спрятался гдѣ-то въ такомъ мѣстѣ, что его не нашли. Къ тому же была темная, ненастная ночь.

Назаренко и Матвіенко, а также нѣкоторые другіе гости были уже въ такомъ градусѣ, что не замѣчали отсутствія князя свадебнаго; не замѣтили и той тревоги, которая происходила по случаю исчезновенія его.

„Напившись горѣлки, Назаренко и Матвіенко отъѣхали за своимъ диломъ; и что тамъ же далѣй чинилось, того не знають".

IV.

Благополучно проведши ночь, Иванъ Кириловъ *пойшелъ* чуть свѣтъ съ челобитьемъ до протопопа лохвицкаго Григорія Рогачевскаго, а потомъ за вѣдомомъ его въ Кіевъ.

Бербеныцкій дьячокъ Иванъ Кириловъ явился къ Рафаилу Заборовскому—архіепископу кіевскому, галицкому и малыя Россіи, и подалъ *ясне въ Богу преосвященному* доношеніе *о принудительномъ обвѣнчаніи* его—дьячка.

Теперь пришлось о. Максиму расхлебывать ту кашу, которую онъ сварилъ по изволенію добродѣйки Анны Бѣличовны.

Согласно указу, отпущенному изъ духовной *освященной* консисторіи, намѣстникъ лубенскій Симеонъ Петрановскій и пресвитеръ села Ждановъ Федоръ Савицкій съ селѣ Жабкахъ произвели слѣдствіе 26 февраля 1740 року.

Первымъ былъ *допрошуванъ* дьячокъ Иванъ Кириловъ. Слѣдователи предложили ему вопросы: „Какое ему было насильное обвѣнчаніе отъ попа Максима? Въ чемъ и какимъ образомъ и кто про то извѣстенъ? И по тому обвѣнчанію имѣлъ-ли съ тоею обвѣнчанною женою себѣ сожитіе?"

Иванъ Кириловъ обстоятельно разсказалъ о насильномъ обвѣнчаніи и велегласно объявилъ, что съ тоею женою Агафіею Коцаркою не имѣлъ никакого сожитія—ни даже соприкосновенія.

Представленъ былъ слѣдователямъ попъ с. Бербеныць Максимъ Высоцкій. Ему предложены были такіе вопросы: „Вѣнчалъ-ли

онаго Кирилова зъ удовою Агафіею Коцаркою? На тое вѣнчаніе была-ли данная отъ протопопа вѣнечная память? За тѣмъ обвѣнчаніемъ приходилъ-ли къ нему Максиму челобитчикъ и съ которыми именно старостами? И тѣ старосты о желаніи его Кирилова къ бракосочетанію свидѣтельствовали-ли? Или самъ онъ о таковомъ своемъ добровольномъ изволеніи представлялъ-ли? Было-ль прежде вѣнчанія соблюдено то, что правила святыя повелѣваютъ и по силѣ оныхъ указъ его преосвященства подтверждаетъ (т. е. народное трикратное извѣщеніе въ церкви о вступленіи въ бракъ оныхъ лицъ и пріобщеніе ихъ)? Въ самомъ томъ вѣнчаніи онъ Кириловъ говорилъ-ли ясно предъ всею церковью форму законный бракъ составляющую? И были-ль тому предстоящіи свидѣтели и кто именно?" Попъ Максимъ сказалъ, что дьячокъ Иванъ Кириловъ для обвѣнчанія себя со вдовою Агафіею къ нему Максиму не приходилъ просить ни самъ, ни со старостами: „бо жаднихъ зъ нимъ старостъ не было"; и никакого своего о томъ желанія ему не представлялъ; памяти вѣнечной отъ протопопа не исправлялъ и не подавалъ [1]). О вѣнечной памати о. Максимъ въ оправданіе свое заявилъ, что объ этомъ квѣтѣ *панъ державцева* писала до о. протопопа лохвицкаго и того же дня посылала своего нарочнаго съ платежомъ надлежащимъ въ казну архіерейскую; но платежъ былъ принятъ, а памяти вѣнечной отъ протопопа не было прислано и не имѣется. Въ несоблюденіи святыхъ правилъ оправдывался такъ: „я въ первый разъ слышу объ архипастырскомъ указѣ, повелѣвающемъ чинить трикратное народное извѣщеніе о вступающихъ въ бракъ; я и мой сослужитель о. Стефанъ согласились держать *погодно* переписку указовъ; можетъ быть тотъ указъ и присланъ былъ, но только въ томъ году, когда очередь писанія указовъ была Стефанова,—потому я и не читалъ того указа. О томъ-же я

[1]) Епископы получали дань съ лицъ, вступающихъ въ бракъ. Каждая епархія состояла изъ нѣсколькихъ протопопій; а каждой протопопіей завѣдывалъ протопопъ. Желающіе повѣнчаться должны были взять у протопопа вѣнечную память (или квѣтъ), т. е. разрѣшеніе на обвѣнчаніе. При выдачѣ этого разрѣшительнаго листа протопопъ взималъ установленный платежъ въ архіерейскую казну. Священники не имѣли права вѣнчать тѣхъ, которые не представляли имъ вѣнечной памяти.

извѣстенъ, что святыя правила повелѣваютъ исповѣдывать и пріобщать входящихъ въ бракосочетаніе, а послѣ литургіи обвѣнчивать ихъ; однако жъ и того не исполнилъ *за скорымъ и нахалнымъ панъй державцевой требованіемъ и приказомъ показаннаго обвънчанія.*

Когда паня державцева вторично принудила Ивана Кирилова приступить къ обвѣнчанію, то онъ выговорилъ надлежащую форму гласно и исправно предъ всѣми предстоящими—показалъ о. Максимъ.

Свидѣтели Назаренко и Матвіенко довольно подробно разсказали слѣдователямъ о принудительномъ обвѣнчаніи.

Державцу, пану Федору Гамалѣю, слѣдователи послали письменное *вопрошеніе.* Гамалѣя письменно отвѣчалъ: „сожительница моя приказала вѣнчать дьячка со служебкою Агафіею по прошенію же онаго дьячка; и когда-бы самъ дьячокъ не желалъ и не хотѣлъ вѣнчатися, то бы сожительницѣ моей не просилъ, и не казано-бъ его вѣнчать".

Пономаря и прочихъ людей слѣдователи не призывали: ибо за страхъ державцы, якій всѣмъ въ селѣ оголошенъ, не могуть достовѣрно показаты".

На основаніи этого слѣдствія въ іюнѣ 1740 г. консисторія опредѣлила, и архіепископъ Рафаилъ утвердилъ: „обвѣнчаніе дячка Ивана Кирилова съ женою Агафіею Коцаркою, яко насильно учиненное, вмѣнить за неправильное и онаго дячка разлучить отъ сожительства съ помянутою женою Агафіею; бербеныцкаго попа Максима сослать въ заточеніе въ монастырь въ работу на 3 года безъ священнодѣйства".

Въ іюлѣ того-же года явилась къ о. Максиму этапная команда и повела его въ заточеніе.

Не стало въ Бербеныцяхъ и дьчяка Ивана Кирилова. Ему приключилась новая бѣда. Онъ *похвалялся,* что будетъ искать суда на Анну Бѣличовну. Узнавъ объ этомъ, Федоръ Гамалѣй приказалъ обывателямъ, чтобы они *за дяковщину* не давали *роковщины* Ивану Кирилову: почему „двохъ рублей 50 коп. и не дано ему". Онъ же Гамалѣй забралъ у Ивана Кирилова 200 копицъ сѣна (а въ томъ году была копица сѣна по 30 коп.),

завладѣлъ сѣнокосною долиною, забралъ кожъ овчинныхъ на 2 рубля; за 80 молебновъ да 25 акафистовъ, отслуженныхъ для него, никакого награжденія не учинилъ ему—дьячку. Такими мѣропріятіями Гамалѣй не ограничился: людямъ своимъ онъ приказалъ, чтобы Ивана Кирилова гдѣ-нибудь словили и до смерти прибили его или къ нему, Гамалѣю, привели, чтобы *онъ самъ на смерть убилъ его.* По улицамъ, на выгонахъ и по царинамъ ставилъ Гамалѣй караулы для поимки Ивана Кирилова. Караулы трижды нападали на дьячка; „но другіе сторонніе духовнаго и свѣтскаго чина люде отборонили его отъ тѣхъ посланниковъ".

Видя такую опасность, Иванъ Кириловъ постарался удрать изъ Бербеныць. Четыре года онъ *тулялся* тамъ и самъ, пришелъ въ крайнюю скудость и нищету.

V.

Учинивъ расправу съ попомъ Максимомъ, архіеп. Рафаилъ послалъ слѣдственное дѣло и свое рѣшеніе генералъ-маіору Ивану Шипову, предсѣдателю Войсковой Генеральной Канцеляріи. Онъ просилъ, чтобы на основаніи указа 1722 г. было разсмотрѣно и рѣшено все, что въ этомъ дѣлѣ касается до жены Ф. Гамалѣя Анны Бѣличовны.

Въ іюлѣ 1740 г. было предложено генеральному войсковому суду учинить по этому дѣлу опредѣленіе и рѣшеніе.

Вскорѣ тому же суду предложено было разсмотрѣть челобитье Ивана Кирилова. Кириловъ пишетъ, какъ его насильно повѣнчали на Агафіи Коцаркѣ, что онъ „не прикасался къ оной мнимой и нахально сочетанной ему женѣ", а архіеп. Рафаиломъ „повелѣно ему на комъ хотя оженитись". Затѣмъ, жалуется на бунчуковаго товарища Федора Гамалѣя: Гамалѣй ограбилъ его и намѣревался убить его до смерти.

Съ тѣхъ поръ прошло три года; а генеральный судъ не безпокоилъ ни Федора Гамалѣя, ни жены его; да уже въ 1743 г. вознамѣрился кое-что сдѣлать. Намѣреніе такое возникло потому, что Иванъ Кириловъ надоѣлъ генеральному суду: вотъ

уже десятый разъ подаетъ онъ сюда челобитныя, и въ іюлѣ этого года снова просилъ учинить разсмотрѣніе и опредѣленіе.

Войсковые генеральные судьи, въ числѣ которыхъ были Яковъ Лизогубъ и Иванъ Гамалѣя, послали Федору Гамалѣю указъ, дабы онъ съ женою явился къ отвѣту въ генеральный судъ непремѣнно.

Ф. Гамалѣй на указъ не обратилъ вниманія,—сидѣлъ себѣ дома и меды попивалъ.

Въ ноябрѣ того-же года Иванъ Кириловъ подаетъ въ генеральный судъ напоминаніе; въ челобитной пишетъ: „октября 10 бунчуковому товарищу Ф. Гамалѣю велено ему зъ женою его пріездить къ отвѣту; точію его Гамалѣя и по нынѣ въ прибытіи нетъ; я же нижайшій крайнюю узнаю обиду и разореніе; и дабы указомъ повелено было о сиску Гамалѣя зъ женою его послать нарочнаго по инструкціи на его-жъ Гамалѣя коштѣ, ибо я нарочному весьма не имѣю чимъ награжденія учинить".

Генеральный судъ послалъ въ декабрѣ къ Ф. Гамалѣю нарочнаго. Нарочному дана была инструкція, въ которой значилось: „Принявъ тебѣ сію инструкцію и указъ, ѣхать въ село Бербеныць; и за прибытіемъ твоимъ, вручивъ Гамалѣю тотъ указъ, требовать, чтобъ онъ зъ женою своею съ тобой купно ѣхалъ въ Глуховъ въ судъ Енеральній; и за пріѣздомъ имѣешь ихъ представить въ судъ Енеральній зъ доѣзднимъ своимъ доношеніемъ; будучи же тебѣ у сей посилки, обидъ и озлобленій никому не чинить и сверхъ сей инструкціи не поступать подъ опасеніемъ наказанія".

Нарочный явился къ Ф. Гамалѣю и представилъ ему указъ. Въ томъ указѣ написано было: По указу Ея И. В. и по опредѣленію Генеральнаго войсковаго Суда велено послать чрезъ нарочнаго по инструкціи къ вамъ сей указъ—и предложить, даби ви зъ женою своею зъ тимъ нарочнымъ пріездили въ Глуховъ и явились въ судъ войсковій Енеральній сего декабря 21 непремѣнно".

Нарочный возвратился въ Глуховъ безъ Ф. Гамалѣя и жены его, а представилъ въ генеральный судъ „покорнѣйшее донесеніе" Ф. Гамалѣя. Въ томъ доношеніи Гамалѣй пишетъ, что

„его не было дома *въ тѣ пори*, когда Ивана Кирилова обвѣнчовали съ Гапкою Коцаркою, а *найдовался* онъ Гамалѣй въ походѣ Хотѣнскомъ; жены же его въ домѣ не имѣется и понынѣ: еще 1742 г., октября 3 дня она невѣдомо чего для оставила мене, дѣти и весь мой домъ тайно; живетъ она при домѣ отца своего Ивана Бѣлича".

Заслушавъ такое доношеніе, судъ постановилъ 23 декабря; „послать указъ, чтобы онъ Гамалѣй всеконечно пріѣздилъ въ Глуховъ и явился въ судъ войсковый Енеральній къ отвѣту,— потому что по челобитью показаннаго дячка касается къ ему Гамалѣю заборъ сѣна и прочое; за сискомъ же жены онаго Гамалѣя послать въ домъ отца ея нарочнаго по инструкціи".

Ф. Гамалѣй къ отвѣту въ судъ не явился, Анна Бѣличовна тоже не явилась.

Въ январѣ 1744 года Иванъ Кириловъ снова напоминаетъ генеральному суду о своемъ дѣлѣ, которое „имѣется въономъ Судѣ". Какъ-то случилось такъ, что въ февралѣ этого года Ф. Гамалѣй представлялся господинамъ генеральнымъ судьямъ— и расписался объ этой явкѣ. Въ апрѣлѣ того же года Иванъ Кириловъ прибылъ въ генеральный судъ; ему предложили расписаться о томъ, что онъ *явился*. На этой распискѣ отвѣтили: „а повѣренный отвѣтчика не явился". Повѣренный представился суду черезъ 4 дня, когда истца уже не было въ Глуховѣ.

Изъ года въ годъ подавалъ Иванъ Кириловъ *челобитья* генеральному суду; добывалъ онъ себѣ повѣренныхъ: „ибо по званію дячковскому никакъ не возможно ему отлучится отъ церквы".

На этихъ повѣренныхъ, на поѣздки въ Глуховъ, на челобитныя тратилъ онъ, разоренный паномъ, тѣ жалкія крохи, что добывалъ дьяковствомъ, а результатовъ никакихъ не достигалъ.

Федоръ Гамалѣя по крайней мѣрѣ суду показывалъ повѣренныхъ, и тѣ повѣренные учиняли о явкѣ своей расписки. А Бѣличовна Анна даже и того не дѣлала: она ни разу *не пріѣздила* въ Глуховъ, ни разу не присылала повѣренныхъ въ судъ, никакихъ доношеній туда не писала.

Дьячокъ Иванъ Кириловъ какъ бы за вѣтромъ въ полѣ гонялся.

Въ 1753 году села Бербеныць поповичъ Иванъ Кириловъ нижайше доносилъ войсковому генеральному суду: „Имѣется въ судѣ войсковомъ генеральномъ дѣло мое, которое дѣло и по сіе время въ судѣ войсковомъ неразсматривано; отвѣтчикъ-же мой Ф. Гамалѣя и жена его Анна Бѣличовна *волею Божею обои умерли*, а по нихъ маетностями владѣетъ зять ихъ; я нижайшій, подверженній напрасной волокитѣ, *остался* безъ награжденія за гвалтъ мнѣ учиненній и убитки; того ради прошу учинить милостивое благоразсмотреніе и опредѣленіе, дабы за обиду и разореніе удовольствовалъ мене зъ грунтовъ Гамалѣиныхъ кто ими владѣетъ“.

Конечно, поповичъ Ив. Кириловъ *удовольства* не получилъ

А. Полницкій.

СОВРЕМЕННАЯ МАЛОРУССКАЯ ЭТНОГРАФІЯ[1].

Ѳ. К. Волковъ.

Этнографическія статьи г. Волкова разсѣяны по малоизвѣстнымъ русскимъ и заграничнымъ (французскимъ и болгарскимъ) изданіямъ. Перечисляя ихъ ниже въ хронологическомъ порядкѣ, мы не можемъ поручиться за полноту нашего перечня.

Въ *Трудахъ* 3 археол. съѣзда (въ Кіевѣ) во 2 т. стр. 317—326 напечатана небольшая ст. г. Волкова „*Отличительныя черты южнорусской народной орнаментики*". Предметъ изслѣдованія весьма интересный; но матеріала собрано мало, и все изслѣдованіе отличается большой краткостью. Авторъ въ началѣ статьи вполнѣ основательно указываетъ на полную неразработанность южнорусской орнаментики. Затѣмъ авторъ говоритъ вкратцѣ о малорусскихъ рѣзныхъ украшеніяхъ на хатахъ, деревянныхъ и гончарныхъ издѣліяхъ, о писанкахъ—обо всемъ этомъ въ двухъ-трехъ словахъ. Подробнѣе (на 8 страницахъ) говорится объ узорахъ и вышивкахъ на одеждѣ, съ подраздѣленіемъ орнаментовъ на геометрическій, растительный и животный. Здѣсь высказано нѣсколько любопытныхъ замѣчаній о малорусскомъ народномъ искусствѣ, какъ оно выразилось въ вышивкахъ, о мѣстныхъ его особенностяхъ. Авторъ дѣлаетъ такіе общіе выводы о характерныхъ особенностяхъ малорусской орнаментики: наклонность къ растительному орнаменту, преобладаніе цвѣтовъ краснаго и синяго и только на югѣ желтаго, отсутствіе

[1]) См. „Кіевск. Стар". 1895 г., № 7 и 8.

изображеній цѣлыхъ деревьевъ, птицъ, животныхъ, архитектурныхъ украшеній. При скудости матеріала, которымъ располагалъ авторъ, всѣ выводы, общіе и частные, весьма непрочны, и легко могутъ оказаться несостоятельными, при большемъ кругѣ сравненій. Такъ, нельзя сказать, что въ малорусскомъ орнаментѣ обнаруживается полное отсутствіе изображеній цѣлыхъ деревьевъ, птицъ, животныхъ и архитектурныхъ украшеній. Птицы и животныя въ цѣлой формѣ неудобны для орнаментики, и потому встрѣчаются рѣдко въ цѣломъ видѣ, но все таки встрѣчаются (чаще всего на писанкахъ); но въ частичномъ изображеніи животный орнаментъ весьма популяренъ въ Малороссіи. Что касается до архитектурныхъ изображеній, то они имѣются съ геометрическими фигурами. Вопросъ о предпочтеніи цвѣта также нуждается въ фактической разработкѣ. Замѣтимъ мимоходомъ, что желтый цвѣтъ весьма часто встрѣчается и въ восточной малорусской орнаментикѣ. Въ концѣ статьи авторъ намѣчаетъ нѣсколько любопытныхъ вопросовъ о самобытномъ происхожденіи однихъ малорусскихъ орнаментовъ (преимущественно растительныхъ, напр.—гвоздики у персовъ, крестовъ у авизанційцевъ). Уже въ этой статьѣ обнаруживается умѣнье автора выбирать весьма интересныя и жизненныя темы для изслѣдованія, что сказывается затѣмъ во всѣхъ послѣдующихъ его этнографическихъ статьяхъ.

Въ „Melusine" 1891 г. № 8 г. Волковъ напечаталъ статью о побратимствѣ въ Украинѣ „*La fraternisation en Ukraine*". Въ большомъ числѣ замѣтокъ о побратимствѣ у разныхъ народовъ, напечатанныхъ въ „Мелюзинѣ" за послѣднія 5 или 6 лѣтъ статья г. Волкова выдается по полнотѣ. Если принять во вниманіе, что и въ спеціальныхъ монографіяхъ по исторіи права Мэна, М. Ковалевскаго и др. о побратимствѣ разсѣяны лишь краткія замѣтки, нужно признать за трудомъ г. В. научное значеніе. Нельзя сказать, чтобы авторъ разобралъ побратимство съ разныхъ сторонъ, освѣтилъ и объяснилъ его широкими сравнительно-этнографическими параллелями и аналогіями, въ статьѣ нѣтъ указаній на связь побратимства съ другими близкими къ нему явленіями народнаго быта, напримѣръ—съ братствами, въ

видѣ перехода побратимства двухъ лицъ въ многолюдныя братства. Но и въ данномъ видѣ статья г. В. представляетъ полезное пособіе для будущихъ изслѣдователей побратимства вообще, въ частности русскаго. Въ статьѣ о побратимствѣ въ Украинѣ г. В. приводитъ два свидѣтельства о немъ, г-жи Гаденко о побратимствѣ въ елисаветградскомъ у. и свящ. Сорокина о побратимствѣ въ александрійскомъ у., затѣмъ указываетъ на побратимство у скифовъ, по свидѣтельству Геродота и по рисунку на одной скиѳской вазѣ, о побратимствѣ въ былинахъ, украинскихъ сказкахъ и пословицахъ, объ указаніи на этотъ обычай въ старинныхъ требникахъ, о побратимствѣ у сербовъ; въ концѣ статьи приведено мнѣніе М. Ковалевскаго о происхожденіи обычая [1]).

Въ Revue des traditions populaires напечатанъ рядъ легкихъ замѣтокъ разныхъ авторовъ о суевѣріяхъ, связанныхъ съ дорогами и мостами. Въ XI № 1891 г. Волковъ помѣстилъ двѣ замѣтки о суевѣріяхъ украинскихъ и болгарскихъ. Въ замѣткѣ „*Voyages et Voyageurs en Ukraine*" 1891 г. (647 стр.) упомянуты слѣдующіе несчастные признаки отправленія въ дорогу въ понедѣльникъ, спотыканіе или остановка лошадей, встрѣча съ

---

[1]) Къ той литературѣ побратимства, которая попадалась мнѣ въ Melusine, добавимъ здѣсь указанія на малор. сказки *Манжуры* стр. 15, *Этногр. Обозр.* 1890 II 152, 154, 1891 II 24, Осетин. этюды *В. Миллера* I 3, обильные и цѣнные сербскіе матеріалы у *Миличевича*, Бѣлор. сборн. *Романова* III 101, замѣтки *А. Веселовскаго* въ Ж. М. Н. Пр. 1894 II, *Звонкова* въ Трудахъ этн. отд. моск. общ. Любит. ест. 1889 стр. 46—48 (посестріе), *Караджича* въ Припов̂еткахъ 219; *Живая Стар.* во 2 кн. (ст. Ровинскаго), *Потанинъ* „Очерки С. З. Монголіи IV 39 (цѣлованіе топора и медвѣдя при побратимствѣ) и на 898 стр. (о Джюсунъ Ханѣ—побратимство въ родѣ упоминаемаго первоначальной лѣтописью), *Костомаровъ*, Преданія первонач. лѣтописи 123, *Сборникъ* матер. для изученія Кавказа IX 40, *Hahn* (греч. и албанск. сказки) №№ 18 и 64 (побратимство между героемъ и дракономъ), *Revue* d. trad. pop. 91 X (побратимство посредствомъ крови), *Живая Стар.* 1892 III (болгар. сказка), *Русскій Вѣстникъ* 1888 XII 24 замѣтка о побратимствѣ среди китайскихъ разбойниковъ манзовъ, очень любопытная для исторіи перехода частнаго побратимства въ широкую родственную связь многихъ лицъ), *Сѣвер. Вѣстникъ* 1889 I (статья проф. Лучицкаго), *Харузинъ*, Русскіе лопари 258, *Мякушевъ*, Задунайскіе славяне 25, 143, 288. Кое-какія указанія см. въ библіографіи обычнаго права *Якушкина*, въ соч. *Мена* о древнемъ правѣ, въ соч. *Харузина* о донскихъ козакахъ.

зайцемъ, съ женщиной, несущей пустыя ведра, съ священникомъ—все извѣстныя примѣты. Кромѣ того, упомянуто, что лица, отправляющіяся въ далекій путь, берутъ горсть земли съ кладбища или изъ подъ фигуры (креста) и несутъ ее на шеѣ въ ладонкѣ. Этотъ малорусскій матеріалъ изданъ въ дополненіе къ повѣрьямъ другихъ народовъ относительно путешествій, повѣрьямъ, собираемымъ по мелочамъ на страницахъ Revue d. trad. pop.

Наиболѣе крупное изслѣдованіе г. Волкова „*Rites et usages nuptiaux en Ukraine* напечатано въ L' Anthopologie 1892 (были оттиски). Это довольно объемистый трудъ (ок. 150 стр.). Авторъ ставитъ спеціальной цѣлью ознакомленіе западныхъ ученыхъ съ малорусскими свадебными обрядами. Описательный элементъ преобладаетъ. Послѣ краткаго введенія авторъ приступаетъ къ подробному описанію малорусской свадьбы въ томъ порядкѣ, какъ она совершается въ дѣйствительности. Въ первой главѣ говорится о свидѣтельствѣ древней лѣтописи о бракосочетаніи у русскихъ славянъ, объ умыканіи дѣвицъ, покупкѣ; объ устойчивости народнаго обычая. Во второй главѣ—о соціальной организаціи украинской молодежи (братства, досвѣтки) и остаткахъ пробнаго брака. Въ третьей—о дѣвичникѣ, благословеніи молодыхъ хлѣбомъ, посадѣ, танцахъ, перевязываніи платками. Въ четвертой—о гильцѣ, вѣнкахъ, созывѣ гостей. Въ пятой—о короваѣ (приготовленіе, украшенія, танцы). Въ шестой—о благословеніи молодыхъ и отъѣздѣ ихъ въ церковь, о суевѣріяхъ, связанныхъ съ вѣнчаніемъ, встрѣчѣ молодыхъ въ домѣ родителей невѣсты. Въ седьмой—о весильѣ, переймѣ, продажѣ сестры братомъ, посадѣ, обрядовомъ поцѣлуѣ. Въ восьмомъ—о раздѣленіи подарковъ, платѣ роду невѣсты, раздѣленіи коровая, отъѣздѣ молодыхъ въ домъ жениха. Въ девятой—о встрѣчѣ молодыхъ въ домѣ жениха, брачныхъ пѣсняхъ, опредѣленіи невинности и увѣдомленіи о томъ матери молодой. Въ десятой—объ обрядахъ на другой день свадьбы, свадебномъ знамени, покрываніи головы молодой. Въ одиннадцатой—объ обрядовомъ употребленіи меда, перезвѣ, перезывкахъ, свадебныхъ оргіяхъ. Въ двѣнадцатой—находится общій обзоръ свадебнаго ритуала къ краткими научными ком-

ментаріями. Здѣсь говорится о религіозной и юридической сторонахъ свадьбы, времени заключенія браковъ, чертахъ гетеризма и матеріархата.

Авторъ пользовался печатными матеріалами (сборниками Чубинскаго, Янчука и др.) и рукописными (записи Е. П. Радаковой, Грыха).

Авторъ при изученіи малорусской свадьбы слѣдуетъ сравнительному методу; но при этомъ почти всѣ сравненія и объясненія относитъ въ подстрочныя примѣчанія, въ мелкій шрифтъ, отчего стушевывается лучшая часть изслѣдованія.

Лучшая по полнотѣ содержанія и отчасти по новизнѣ фактовъ глава—XI. Здѣсь авторъ подробно говоритъ о вакхической сторонѣ свадебнаго ритуала, выразившейся преимущественно въ перезвѣ, что въ русскихъ научныхъ трудахъ большею частью обходится молчаніемъ, иногда по недостатку матеріала, иногда по другимъ независящимъ отъ авторовъ обстоятельствамъ. Единственная спеціальная замѣтка Кистяковскаго объ обрядахъ и пѣсняхъ перезвы, замѣтка небольшая, но цѣнная, затеряна въ спеціальномъ изданіи и немногимъ извѣстна. Авторъ объясняетъ перезву, какъ остатокъ древнѣйшей оргіи или свальнаго грѣха, что подтверждается разными глухими намеками въ древнихъ памятникахъ русской литературы и обычаями современныхъ дикихъ народовъ. Напр., у нѣкоторыхъ негрскихъ племенъ молодые уходятъ вмѣстѣ съ гостями, парнями и дѣвицами, въ темную хижину и здѣсь происходитъ оргія.

Изъ частныхъ замѣчаній автора отмѣтимъ здѣсь библіографическій обзоръ сочиненій, гдѣ говорится о пробномъ бракѣ или точнѣе, по нѣмецкой терминологіи, Probenächten (гл. II стр. 179 примѣч.); объ обрядовомъ употребленіи вѣнка (гл. III стр. 413), объ одариваніи священника или помѣщика (гл. IV 414), о нѣкоторыхъ обычаяхъ относительно разбиванія чаши, осыпанія зерномъ (VI 433), о переймѣ (VII 543), обмѣнѣ кольцами (VII 548), о брачномъ поцѣлуѣ (VII 551), объ обрядовомъ связываніи молодыхъ (VII 553), обрядовомъ употребленіи пѣтуха (VIII 560, IX 568, X 543), о фаллическомъ значеніи пѣсенъ про быка и теличку (IX 573, XI 558, XII 569), объ освященіи брачнаго ложа

(IX 574), объ осмотрѣ одежды невѣсты, преимущественно сорочки, чтобы не было иглы — „проторга“, для искусственнаго кровоизліянія (IX 575), о сниманіи сапога (IX 576—577), о половомъ воздержаніи жениха (IX 579), о мѣропріятіяхъ противъ случайной немочи жениха (IX 580—581), объ обычаѣ „смолыть молоду“, т. е. сжигать пучокъ волосъ (IX 585), о значеніи краснаго цвѣта (X 545), о танцахъ на перезвѣ (XI 557), о времени заключенія браковъ (XII 572—573); о продажѣ невѣстъ на базарахъ (XII 574--576), о значеніи старосты и дружбы (XII 583—588). Настоящій краткій предметный указатель составленъ нами потому, что въ самой книгѣ нѣтъ никакого указателя и даже нѣтъ оглавленія, что затрудняетъ пользованіе книгой. Современная этнографическая наука входитъ въ мелочи, и составленіе подробныхъ предметныхъ указателей, въ родѣ такихъ, какіе прилагаются къ XII кн. Revue de traditions populaires, весьма желательно.

Въ настоящее время существуетъ уже много изслѣдованій о свадебныхъ обрядахъ, затрогивающихъ отчасти и свадебныя пѣсни. Кромѣ изслѣдованія г. В., крупными трудами нужно признать еще напечатанныя въ Этногр. Обозр. статьи г. Довнаръ-Запольскаго и г. Охримовича. При всемъ томъ, остается еще много пробѣловъ. Менѣе всего изучены свадебныя пѣсни, должно быть потому, что изученіе ихъ, при подавляющей массѣ сыраго матеріала, сопряжено съ большой затратой труда и времени. Затѣмъ, остается не мало обрядовъ, обычаевъ, цѣлыхъ свадебныхъ дѣйствій, темныхъ и загадочныхъ. Изъ данныхъ методовъ изслѣдованія свадьбы мнѣ представляется наиболѣе удобнымъ и наиболѣе плодотворнымъ методъ, принятый г. Довнаръ-Запольскимъ и г. Волковымъ—изученіе свадьбы въ послѣдовательности главныхъ ея актовъ, сравнительно, какъ они проявляются у разныхъ народовъ, съ попутнымъ сводомъ наличныхъ въ печати мнѣній объ ихъ происхожденіи и значеніи. Методъ г. Охримовича состоитъ въ введеніи малорусскаго этнографическаго матеріала въ рамки научныхъ теорій выдающихся западныхъ ученыхъ—(Баховена, Тэйлора и др.) по исторіи развитія семьи, напр., въ рамки гетеризма, матріархата. Попутно при этомъ освѣщается

и малорусскій этнографическій матеріалъ, но рядомъ идутъ преувеличенія, увлеченія и натяжки. Изслѣдованія прежняго времени и прежде всего мое 1881 г., на которое я встрѣчаю часто ссылки, также не свободны отъ преувеличеній и ошибочныхъ толкованій въ другую сторону—въ область миѳологіи. Несомнѣнно, что съ миѳологіей всегда прійдется считаться изслѣдователямъ свадебныхъ обрядовъ и пѣсенъ, что солнечнаго культа обойти нельзя; но многое изъ того, что въ старое время объяснялось этимъ культомъ, теперь, при накопленіи новыхъ матеріаловъ, среди которыхъ встрѣчаются весьма цѣнные (напр., изданное недавно *Винтерницемъ* въ Памят. Вѣнск. Акад. Наукъ описаніе древнихъ индійской свадьбы), требуетъ пересмотра, можетъ быть, дополненія, а, можетъ быть и устраненія, при возможности другихъ болѣе, реальныхъ историко-культурныхъ и бытовыхъ объясненій.

Обращаясь къ малорусской свадьбѣ, считаю не лишнимъ замѣтить, что матеріала накоплено очень много; тѣмъ изслѣдователямъ, которые не имѣютъ подъ руками большихъ книгохранилищъ или не владѣютъ иностранными языками, можно рекомендовать цѣлый рядъ полезныхъ работъ, не выходя изъ малорусскаго фольклора. Полезно было бы, напр., сличить извѣстныя уже въ печати описанія малорусской свадьбы и опредѣлить мѣстные оттѣнки. До сихъ поръ по этой части ничего не сдѣлано. *А. А. Русовъ* въ предисловіи къ сборнику пѣсенъ С. А. Чернявской (V т. Сборн. харьк. ист. фил. общ. 113), говоритъ, что „сравненіе словъ опредѣленныхъ куплетовъ указываетъ на происхожденіе бѣлозерской свадьбы (т. е. с. Бѣлозерки херсонск. у.) изъ разныхъ элементовъ юго-западнаго и юго-восточнаго типовъ этого ритуала". Но кто опредѣлилъ эти типы? гдѣ объ нихъ трактовалось? ничего подобнаго я не встрѣчалъ. Г. Волковъ въ IX гл. стр. 581 говоритъ, что въ восточной Малороссіи молодые проводятъ столько времени въ коморѣ, сколько необходимо для половаго сочетанія, а въ правобережной Малороссіи они проводятъ въ коморѣ всю брачную ночь. И это утвержденіе основано на случайномъ наблюденіи. Кромѣ того, слѣдовало бы составить библіографическій указатель статей о малорусской свадьбѣ, сгруп-

пировать мотивы пѣсенъ, составить обстоятельный словарь малорусской свадебной терминологіи, въ замѣнъ или, по крайней мѣрѣ для дополненія моего краткаго словаря въ „Культурныхъ переживаніяхъ."

Въ болгарскомъ „Сборникѣ за народни умотворенія" г. Волковъ напечаталъ часть своего изслѣдованія о свадебныхъ обрядахъ, преимущественно малорусскихъ.

Въ Revue d. trad. populaires и въ послѣднее время въ Этнограф. Обозрѣніи (см. кн. XIX) стали появляться содержательныя библіографическія рецензіи г. В. на этнографическія русскія и западно-европейскія изслѣдованія. Изъ этихъ замѣтокъ видно, что г. Волковъ съ живымъ интересомъ слѣдитъ за развитіемъ современнаго фольклора какъ въ русской, такъ и въ западной научной литературѣ.

Ѳ. Кондратовичъ.

За подписью г. Ѳ. Кондратовича въ Кіев. Старинѣ 1883 г. кн. 1, 2 и 4 напечатана обширная статья „*Задунайская Сѣчь* по мѣстнымъ воспоминаніямъ и разсказамъ." Авторъ пользовался преимущественно сообщеніями древняго старика Коломійца, который для г. К. оказался столь же обильнымъ источникомъ историческихъ воспоминаній, какимъ для г. Эварницкаго былъ другой обломокъ Запорожья—дѣдъ Россолода. Какъ во всякомъ устномъ преданіи, записанномъ со словъ, въ разсказахъ Коломійца оказывается болѣе этнографическихъ элементовъ, чѣмъ собственно историческихъ, и многіе его разсказы, имѣющіе по внѣшности видъ историческаго преданія, въ дѣйствительности оказываются литературными произведеніями, иногда свойственными многимъ народамъ эпическими мотивами. Это замѣчаніе не устраняетъ важнаго историческаго значенія статьи г. Кондратовича.. Историческія преданія и въ особенности сообщаемыя г. Кондратовичемъ съ народныхъ устъ историческія пѣсни, довольно многочисленныя, придаютъ двойное значеніе статьѣ, какъ цѣн-

ному пособію для исторіи и этнографіи въ ихъ взаимной живой связи. Вообще, этотъ трудъ г. К. обнаруживаетъ въ авторѣ большую наблюдательность и умѣнье разобраться въ этнографическомъ сырьѣ, и нельзя не пожалѣть, что прекрасная статья г. К. была мало замѣчена въ научной литературѣ.

Въ статьѣ подробно говорится о внутреннихъ порядкахъ Задунайской Сѣчи, напоминавшихъ запорожскіе порядки, и о жестокой борьбѣ задунайскихъ сѣчевиковъ съ сосѣдями ихъ некрасавцами. Въ разсказахъ Коломійца попадается любопытное указаніе на пребываніе запорожцевъ въ Банатѣ и нѣсколько любопытныхъ повѣрій—о попѣ волшебникѣ. Со словъ разныхъ лицъ записаны слѣдующія историческія пѣсни о запорожцахъ: 1) Позволь батьку атамане, 2) У славній Сичи, у Чути, 3) Ой тысяча симсотъ да девьяносто якъ и перваго года, 4) Ой чого, чого запорожци, 5) Ой, Боже жъ нашъ милостывый, 6) Ой повійте, витры, та все низовыи, 7) Ой, москалю, ой москалю, 8) Ой крикнула лебедочка изъ степу леттечи, 9) Ой наробылы та славни запорожци, 10) Закричала ластивонька, 11) Ой летила бомба, 12) Ходывъ, блудывъ молодой козакъ (великорусская, донская), 13) Ой у поли крыныченька, 14) Ой да Дунай ричка та широка, 15) Булы у насъ хлопцы (изъ сказокъ о глупыхъ людяхъ), 16) Ой у поли шелемъ-белетъ (отрывокъ). Лучшія пѣсни записаны со словъ Коломійца. Вообще, пѣсни эти могутъ пригодиться для будущаго изданія сборника малорусскихъ историческихъ пѣсенъ XVIII в., при многихъ другихъ пѣсняхъ этого времени, разбросанныхъ въ разныхъ малоизвѣстныхъ и малодоступныхъ изданіяхъ.

Н. Сумцовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ВОСПОМИНАНІЯ СВЯЩЕННИКА О. ѲЕОДОРА КИСТЯКОВСКАГО.

(1807—185... г.[1]).

По пріѣздѣ въ Городище, я всѣми былъ радушно принятъ, и жизнь моя значительно улучшилась. Я сталъ священнодѣйствовать и отправлять христіанскія требы, за которыя получалъ копѣечные доходы, но на первыхъ порахъ я и этимъ довольствовался. Нужно было побывать у всѣхъ благородныхъ прихожанъ, что я исполнялъ по приказанію тестя, иногда одинъ, а иногда вмѣстѣ съ нимъ. Въ нѣкоторыхъ домахъ я замѣчалъ радушіе, а въ другихъ холодность и даже нѣкоторую зависть, которая такъ и отзывалась въ словахъ: „отъ бы треба ще старому послужить, а то иде въ монастырь". Конечно, я отвѣчалъ, что на то воля епархіальнаго начальства. Затѣмъ я сталъ совершенно привыкать къ новой должности пастырскаго служенія. Прошелъ мѣсяцъ, наступилъ и другой. Однажды въ половинѣ іюля, по приглашенію тестя, мы отправились въ гости, въ домъ Карпа Леонтьевича Адамовича и жены его Евдокіи. Они жили въ домѣ противъ церкви и славились преимущественно гостепріимствомъ и радушіемъ. Самъ хозяинъ курилъ въ винокурнѣ, затирая каждодневно пудовъ пятнадцать, слѣдовательно, въ водкѣ и перегоночныхъ спиртахъ у него недостатка не было, такъ что они ежедневно имѣли кругъ своихъ посѣтителей, начиная съ священника о. Іоанна Антоновича и тамошнихъ дво-

---

[1]) См. „Кіевск. Стар". 1895 г., № 9.

рянъ. Въ послѣобѣденное время играли въ карты, но не на деньги, о чемъ и помысла не было. Главная игра былъ вистъ безъ перемѣшокъ, впослѣдствіи уже превратившаяся въ преферансъ, и всегда на мѣлокъ. Это уже по прибытіи въ отставку подполковника Козьмы Михайловича Сиротинца, спустя уже лѣтъ 8 послѣ моего священничества, тогда его домъ сталъ часто посѣщаться городскими дворянами. Но возвращаюсь назадъ. При посѣщеніи нами въ родѣ визита дома Карпа Леонтьевича, мы приняты были очень радушно и угощаемы найлучшимъ образомъ, и тутъ же Евдокія Ивановна Карпиха по согласію съ мужемъ подарила намъ корову на новое хозяйство, предоставивъ намъ право взять ее на другой день. Прошло часа два нашей бесѣды, и вдругъ съ почты приносится пакетъ за архіерейскою большою печатью на имя тестя. Въ пакетѣ находилось отношеніе архіерейскаго дома, въ коемъ предписывается тестю явиться въ архіерейскій домъ для поступленія въ число тамошней братіи и для очередного недѣльнаго служенія впредь до постриженія въ монахи. Тесть довольно смутился такою неожиданностью, но нужно было повиноваться. Закусивши, мы отправились домой. Съ сего дня тесть сдѣлался строптивъ, сестры же его, тетки покойницы, сдѣлались нестерпимо назойливы и нападали на меня, будто я причина такого вызова. Конечно, нужно было терпѣть и переносить. Онъ сталъ приготовляться къ выѣзду, призвалъ домохозяевъ, болѣе ему извѣстныхъ, угощалъ ихъ, наконецъ, предложилъ имъ взять въ закладъ дня на четыре поля, т. к. онъ денегъ не имѣетъ, предложилъ купить кладовую и коня. Послѣднее я упросилъ продать мнѣ за назначенную имъ цѣну, съ тѣмъ, что половину денегъ я отдамъ при отъѣздѣ, а другую послѣ Покрова осенью, на что онъ согласился. Всего слѣдовало уплатить 40 руб. сейчасъ, да отъ козака Барабаша онъ получилъ 60 рубл. асс. Вскорѣ онъ и выѣхалъ. Года чрезъ два я на сіе поле отложилъ деньги, сталъ пользоваться сими заложенными нивами; братъ жены Павелъ почти ничего отъ меня не требовалъ. Онъ уже поступилъ въ богословы съ отличными успѣхами, получалъ пособіе и имѣлъ квартиру ,считаемую первою, въ домѣ Поддубычки, съ учениками

богатыхъ отцовъ, такъ что онъ жилъ съ комфортомъ, пилъ чай утромъ и вечеромъ. На это давались средства отъ родителей учениковъ, что въ тогдашнее время большая рѣдкость. Между тѣмъ и тетки увидѣли, что безъ помощи моей трудно имъ жить, лишившись таковой, и послѣ отъѣзда брата стали заискивать и добиваться моего расположенія. Я, по мягкости своего характера и вслѣдствіе доброты моей покойной жены, ни въ чемъ не отказывалъ, хотя и съ ущербомъ для себя. Тогда же я имъ сказалъ священный текстъ: „вы совѣщаете на мя злая, Богъ же совѣщаетъ во благое“... Жизнь моя улучшилась, т. к. я самъ сдѣлался хозяиномъ. Осенью я получилъ небольшіе доходы отъ свадебъ и за поминовенія и освященіе домовъ; такимъ образомъ я сталъ имѣть деньги для каждодневнаго обихода; о роскоши и помышленія нельзя было имѣть: чай былъ рѣдокъ, только для гостей или случайно, водки было много, но я почти не пилъ, наливки водилось довольно, потому что послѣ отъѣзда тестя оставалось боченковъ шесть, не менѣе, каждый ведра въ три, и болѣе ведра спирту, перегоннаго на разныя специи, который гораздо лучше нынѣшняго рому въ рубль и дороже.

Затѣмъ, наканунѣ Новаго Года Богъ насъ благословилъ первымъ чадомъ, дочкою Меланіею. Мы отпраздновали ея рожденіе и крещеніе съ подобающимъ торжествомъ и довольствомъ. Намъ сдѣлалось веселѣе отъ прибавки семьи. Затѣмъ дѣла пошли своею колеею. Нужно было послѣ крещенія отвозить лично въ сосницкое духовное правленіе метрическія книги, познакомиться съ членами духовнаго правленія, коихъ было три и писарь въ родѣ столоначальника, который игралъ главную роль, получалъ подачки за сдачу книгъ, а потому къ нему одному только являлись и его одного награждали; къ членамъ-же являлись только тѣ, которые были подъ слѣдствіемъ или судомъ. Однако, я всегда дѣлалъ визитъ своему сотоварищу по школѣ Федору Чернявскому, который въ общемъ присутствіи держалъ мою сторону. Впрочемъ я дѣлъ никакихъ не имѣлъ, а обыкновенно съ другими бывали такіе случаи, что повѣнчаютъ когонибудь противъ торжества или похоронятъ ранѣе трехъ дней и т. п.

Существованіе нѣсколькихъ духовныхъ правленій было совершенно излишне; лишняя также была и переписка: надо было представлять отчетъ и книги въ трехъ экземплярахъ: благочинному, правленію и консисторіи. Вскорѣ выбылъ изъ Епархіи преосвященный архіепископъ Лаврентій на покой во владимірскую губернію въ Переяславль Залѣсскій. На его мѣсто прибылъ преосвященный архіепископъ Владиміръ, гроза духовенства. Онъ не замедлилъ ознаменовать свое прибытіе грозными реформами: всѣмъ находящимся подъ судомъ онъ запрещалъ священнослуженіе, ношеніе рясы, рукоблагословеніе или низводилъ въ причетническія должности до окончанія слѣдствія, а оправданнымъ говорилъ: „было беречь себя", не смотря на жалобы обвинявшагося: „кто возвратитъ ему потерянную честь?" Затѣмъ потребовалъ послужные списки о причетникахъ, строго предписывая неупустительно прописать всѣ отмѣтки благочинныхъ. Онъ болѣе восьмидесяти душъ отослалъ въ губернское правленіе для отдачи въ военную службу. Причетниковъ, поступающихъ на открывшіяся вакансіи, онъ самъ экзаменовалъ, и рѣдко кому удавалось поступить вдругъ на просимое мѣсто, а то онъ большею частью оставлялъ въ монастыряхъ впредь до изученія причетническихъ предметовъ—чтенія, пѣнія и катехизиса. Когда это ему наскучило, онъ назначилъ экзаменаторовъ изъ городовыхъ священниковъ, по отмѣткамъ коихъ чинилъ резолюціи, удостаивающія просимаго мѣста. До него преосвященные сами не ревизовали епархіи, а онъ первый выѣхалъ въ іюнѣ мѣсяцѣ для обозрѣнія епархіи. Съ нимъ сначала никого не было, впослѣдствіи же постоянно ѣздилъ съ нимъ архимандритъ Петръ Деленицкій, настоятель, впрочемъ жившій при немъ въ Троицкомъ Черниговскомъ монастырѣ. Все священство со страхомъ и трепетомъ ожидало сего прибытія. На его пути первымъ стоялъ сосницкій уѣздъ съ Городисскими церквами. Осмотрѣвши Синявскія церкви, онъ обѣдалъ у покойнаго отца Кирилла Бутовича, бывшаго тогда благочиннымъ. Здѣсь онъ спросилъ у священника Петра Прокоповича, имѣетъ ли онъ руги. При обѣихъ церквахъ имѣется пахотная земля, десятинъ пятьдесятъ, которая обращается на пользу церквей. Узнавъ объ этомъ, преосвященный

сказалъ: „Сей годъ сборъ съ оной слѣдуетъ на Покровскую церковь, а я по закону назначаю пользоваться тебѣ и причетникамъ, на что консисторія вышлетъ тебѣ указъ“. Онъ потребовалъ отъ сопровождавшаго его келейника книжонку и отмѣтилъ. Когда онъ остановился у покойнаго свата о. Кирилла на отдыхъ и для обѣда, то къ нему собрались дворяне прихожане и начали просить преосвященнаго, чтобы земли на прежнемъ основаніи оставить за церквами, говоря, что ихъ священникъ Прокоповичъ очень богатъ, много пріобрѣлъ земли на приходѣ и ни въ чемъ не имѣетъ нужды. Тогда преосвященный отвѣтилъ: „Служащіе чиновники, генералы, министры имѣютъ большія богатства, другіе могли бы поставить цѣлые полки и содержать ихъ, но они не лишаются жалованья по ихъ службѣ; отчего же священниковъ вы хотите лишить доходовъ отъ земли, когда правительство заботится, чтобы причты церквей были обезпечены содержаніемъ и имъ отведена ружная земля, а потому если вы обществомъ согласитесь отрѣзать ругу,—тогда земля возвратится на пользу церкви. Итакъ, я сказаннаго не отмѣняю“. Такимъ образомъ о. Петръ по полученіи указа получилъ болѣе ста копъ свезеннаго хлѣба—ржи и на половину ярины. Послѣ обѣда, часа въ три, услышали мы колокола Синявской Троицкой церкви, что означало, что преосвященный выѣзжалъ изъ Синявки. Со страхомъ и трепетомъ мы приготовились встрѣчать. По дорогѣ онъ заѣхалъ въ Михайловскую церковь. Священникъ Іоаннъ Антоновичъ едва успѣлъ убѣжать въ церковь, весь въ мучной пыли: онъ ковалъ камень; мельница его была близъ самаго дома на крутой горѣ надъ рѣкою. Преосвященный замѣтилъ и спросилъ: „Что, ты мололъ?“ Покойный Бутовичъ, почти смѣясь, сказалъ: „да, Ваше Высокопреосвященство, онъ самъ механикъ, самъ за нею смотритъ, а потому и выстроилъ близъ самаго дома, но свои обязанности по отношенію къ прихожанамъ исполняетъ строго“. Преосвященный остался доволенъ. Не успѣли мы облачиться, какъ услышали колокола, означавшіе выѣздъ, а тутъ съ колокольчикомъ прискакалъ исправникъ, Яковъ Трофимовичъ Петровскій, грознѣе самого преосвященнаго, и закричалъ: „Скорѣе облачайтесь, а то вотъ засталъ попа только что не въ мельницѣ,

весь въ мучной пыли! Зажигайте свѣчи и ждите съ крестомъ и святою водой на паперти". Тутъ то прискакалъ и благочинный, а затѣмъ и карета остановилась близъ воротъ. Исправникъ и благочинный бросились къ каретѣ, и когда преосвященный взошелъ ближе къ церкви, мы воспѣли: „Днесь благодать Св. Духа". Преосвященный приложился къ кресту и омочилъ святою водою глаза, вытеръ руки полотенцемъ и велѣлъ мнѣ идти впередъ къ царскимъ вратамъ. Поставивши трость, онъ взошелъ въ алтарь, началъ смотрѣть антиминсъ и прочія напрестольныя принадлежности, а также жертвенникъ, просмотрѣлъ церковныя книги, собственно метрическія, исповѣдныя, приходо-расходныя; затѣмъ вышелъ изъ алтаря, благословилъ народъ. Когда я подошелъ къ благословенію, онъ спросилъ у меня: „что, у тебя причетники безстихарные?" Я отвѣчалъ: „напротивъ"... „Тогда онъ сердито спросилъ:„ зачѣмъ они у тебя безъ стихарей?" Я страшно оробѣлъ, но на выручку подоспѣлъ благочинный и сказалъ: „виноватъ, Ваше Высокопреосвященство, я забылъ сказать ему: онъ недавно поступившій на приходъ, но священникъ честный, трезвый, исполнительный, какъ по церкви, такъ и по приходу. Преосвященный смягчился и спросилъ у прихожанъ, коихъ довольно было въ церкви, довольны ли они своимъ священникомъ, и, когда они почти въ одинъ голосъ отвѣтили, что довольны, обратился почти съ рѣчью къ нимъ, что они должны почитать и уважать своего пастыря и давать матеріальныя средства къ поддержкѣ его самого и всей семьи. Здѣсь онъ много сказалъ объ ихъ обязанностяхъ, затѣмъ посмотрѣлъ на дьячка Климентія, виднаго и осанистаго, и спросилъ, сколько ему лѣтъ? Тотъ отвѣчалъ, что двадцать. Тогда преосвященный спросилъ у благочиннаго, какого онъ поведенія, и, получивъ похвальный отзывъ, сказалъ дьячку: „можешь проситься на діакона: въ городѣ я тебя посвящу". Затѣмъ, вышедши изъ церкви и стоя на паперти, онъ спросилъ: „это твой домикъ видать отсюда?" Благочинный отвѣтилъ: „да, это его домикъ, но живетъ онъ бѣдно, такъ какъ приходъ его бѣденъ."—„На что же двѣ церкви, и одной было бы достаточно„—замѣтилъ преосв. и, обратясь ко мнѣ, сказалъ: „если тебѣ плохо жить, можешь проситься на другой вакантный

приходъ". Затѣмъ мы проводили архіерея до кареты, и онъ отправился въ Березное. Исправникъ и благочинный отправились провожать его до Березнаго и оттоль скоро возвратились. Бутовичъ не былъ благочиннымъ, а исправляющимъ должность. Впослѣдствіи онъ былъ утвержденъ; обстоятельства-же его исправленія должности слѣдующія. Указомъ Черниг. Духовной Консисторіи дано знать тѣмъ уѣздамъ, гдѣ будетъ проѣзжать преосвященный для ревизіи церквей и причтовъ, чтобы быть въ готовности и исправности. Благочинному Волосковскому Любарскому пришла глупая мысль при оповѣщеніи приглашать священниковъ къ пожертвованію на пріемъ Его Преосвященства. Во время полученія таковаго предложенія у меня гостилъ дядя о. Тр. Есманскій; тутъ же былъ и дьячокъ Климентій. Прочитавши предложеніе, я не обратилъ на это особеннаго вниманія, но о. Трофимъ, попросивши клочекъ бумажки, попросилъ дьячка Климентія Ивановича переписать для себя это предложеніе, и причетникъ по простотѣ исполнилъ это, а я не обратилъ вниманія. Мы сѣли за столъ обѣдать. За это время Климентій успѣлъ переписать, а дядя, взявши, заложилъ за кафтанъ и вскорѣ послѣ обѣда отправился къ своему большому пріятелю Лукѣ Лукичу Харченку, гдѣ по его характеру онъ сильно бражничалъ, представляя изъ себя что-то въ родѣ паяца. Къ величайшему удовольствію Харченка онъ представилъ ему документъ благочиннаго Любарскаго. Харченко же имѣлъ противъ него непріязнь. Харченко былъ засѣдателемъ Волосковскаго участка, отъ каковой должности онъ былъ уволенъ за наказаніе розгами козака, занимавшаго какую-то должность при Волосковскомъ правленіи. Харченко же былъ избранъ почти вопреки моему желанію церковнымъ старостою, а т. к. отчетъ о выборѣ представляется благочинному, а отъ него Преосвященному на утвержденіе, то онъ, благочинный, въ рапортѣ и упомянулъ, что Харченко находится подъ судомъ. Преосвященный, не утверждая, сдалъ все дѣло на разсмотрѣніе въ консисторію. Это-то и побудило Харченка тотчасъ же отправиться въ Черниговъ и лично представиться преосвященному и предъявить вышеупомянутый документъ. Преосвященный страшно былъ возмущенъ подобною выходкой, тутъ же сдѣлалъ

распоряженіе отрѣшить немедленно отъ должности и запретить священнослуженіе Любарскому впредь до окончанія слѣдствія, а исправленіе должности поручить достойному кандидату, а протоіерею Рындовскому, тоже благочинному, отдалъ приказъ произвесть строгое слѣдствіе.

Это окончательно убило Любарскаго и разстроило его семейный бытъ. Жена его, видная, роскошная женщина, изъ рода Малевскихъ, нѣжинская поповна, сама ѣздила въ Черниговъ, валялась у ногъ преосвященнаго, и только при ходадатайствѣ архимандрита Петра, его сподручнаго служителя, разрѣшено ему богослуженіе. Однако жена не могла перенести такого несчастія, скоро впала въ меланхолію и отправилась къ праотцамъ. Дѣти воспитывались въ духѣ вольнаго аристократизма и тоже не пошли правильною дорогою. Одинъ изъ нихъ, Семенъ, отправился въ дальнюю Сибирь и возвратился оттуда уже въ бытность мою благочиннымъ, вѣроятно, въ 1845 г. Отецъ оставилъ безчисленные капиталы, но оказалось въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ, что ничего нѣтъ: все было прожито безъ всякаго разсчета. Другой рано женился, служилъ въ казенной палатѣ близъ Чернигова въ селеніи Муравейкѣ. Жизнь вышла самая дурная. У него были дѣти, изъ которыхъ двое умерло, а одна изъ дочерей унаслѣдовала оставшееся имѣніе, вышедъ замужъ за поручика Гиртунга, полу-поляка, полу-русскаго, порядочнаго человѣка, съ которымъ и мать живетъ. Отецъ рано умеръ отъ чахотки, отъ неосторожной жизни. Третій сынъ Любарскаго, Григорій, оставилъ службу въ казенной палатѣ и поѣхалъ въ Крымъ, служилъ тамъ у откупщика Абазы, женился, составилъ состояніе, но не имѣетъ дѣтей. Онъ и теперь живъ. Однако, я далеко отступилъ отъ описанія моей жизни въ первоначальномъ священствѣ и теперь стану продолжать.—Еще до выбытія преосвященнаго Лаврентія тесть жилъ въ Троицкомъ архіерейскомъ монастырѣ, несъ очередное служеніе, почти 3-ю недѣлю каждаго мѣсяца. Мы посѣщали его съ покойной матерью вашей и дочерью Меланіей. Тесть очень былъ радъ. Мы снабдили его цѣлымъ ящикомъ муки, толченой рыбы—карасей, ко-

торыхъ тогда много водилось въ нашей рѣчкѣ и другихъ притонахъ. Почти каждый день приносили ее по полпуда, сейчасъ же чистили, сушили, а послѣ толкли въ муку. Если положить столовую ложку такой муки въ борщъ, то онъ дѣлается очень вкусный. Мы отвезли ему масла, яицъ и прочаго изъ хозяйства, о чемъ онъ даже писалъ. Онъ любилъ принимать гостей, и здѣсь, въ городѣ, нажилъ многихъ пріятелей, которые, приходя или пріѣзжая въ Тройцу, въ церковь, заходили къ нему изъ церкви, пили и закусывали. Ему прислуживали монастырскіе чернорабочіе, которые приносили ему дешевую водку и спиртъ изъ окружныхъ селъ. Такая водка называлась вольной, потому что въ городѣ былъ откупъ. За прислуживаніе онъ награждалъ ихъ, даря имъ сельскую одежду, которую мы должны были доставлять. У него даже заводились вечернія бесѣды, что было не по характеру эконому Миславскому, бывшему также Степановскому священнику, но въ монастырѣ не сошедшемуся съ покойнымъ тестемъ. Онъ даже велѣлъ преждевременно запирать браму, но служителя ухищрялись провожать гостей чрезъ другую черную браму, которую отворять и запирать они умѣли по ихъ искусству.

Сынъ тестя Павелъ былъ уже въ богословіи въ первый годъ. Онъ былъ изъ первыхъ учениковъ, очень добрый юноша, любившій свою сестру. Учась онъ часто посѣщалъ своего отца въ досужее время, во время каникулъ.—Тесть началъ жаловаться на нездоровье и, наконецъ, слегъ въ постель. Послѣ Преображенія братъ жены Павелъ прибылъ въ Городище и сказалъ, что батюшка велѣлъ пріѣхать мнѣ въ Черниговъ и забрать его въ домъ до выздоровленія. Какъ разъ на Успеніе послѣ литургіи я отправился въ Черниговъ, и на другой день рано утромъ мы выѣхали въ Городище. Разставаніе было слишкомъ горькое: въ глазахъ моихъ онъ поклонился почти до лица земли сотоварищу своему по службѣ, эконому протоіерею Миславскому, который отвѣтилъ видимою холодностію. Даже у меня полились слезы. Онъ предчувствовалъ, что не увидитъ больше монастыря, гдѣ жизнь его была такъ горька. Почти всю дорогу онъ бѣдный стоналъ. Вечеромъ мы пріѣхали въ Городище.

Онъ слегъ въ постель. Утромъ я поѣхалъ въ Синявку пригласить артиллерійскаго доктора Булгакова посѣтить больного. Онъ обѣщалъ пріѣхать черезъ часъ, что, дѣйствительно, и исполнилъ. Осмотрѣвши больного, онъ сказалъ, что пришлетъ изъ своей аптеки медикаменты, а вмѣстѣ съ тѣмъ фельдшера-костоправа, занимавшаго обѣ должности. Мы предложили ему два рубля сер., но онъ не взялъ; онъ велѣлъ поставить мушку на затылкѣ, а затѣмъ, когда я его провожалъ, онъ мнѣ по секрету объявилъ, что тесть по его слабому сложенію не перенесетъ этой болѣзни: у него сильная горячка. Дѣйствительно, онъ безпрерывно бредилъ въ полудремотномъ положеніи. Прибылъ фельдшеръ, поставилъ мушки, послѣ чего больной впалъ въ безсознательное состояніе, а ночью, наканунѣ 19-го числа, скончался. Мнѣ было много хлопотъ. Облачивши его по смерти въ священническія одежды, я надѣлъ на него боголѣпныя ризы, штофныя голубыя, собственно имъ справленныя изъ шубы покойной тещи. На меня покосились недобрые прихожане, но я имъ сказалъ: „его приношеніе пусть дотлѣваетъ на немъ; да онъ заслужилъ его примѣрною жизнью". Тотчасъ же я отправился въ Синявку къ дѣду, отцу Якову Левчаковскому, девятидесятилѣтнему старику, и его зятю, отцу Петру Прокоповичу, пригласивъ ихъ участвовать при погребеніи, а для чтенія Евангелія пригласилъ тамошняго діакона, который все время неотлучно находился и только послѣ погребенія получилъ отпускъ съ приличнымъ награжденіемъ. Могилу ему я вырылъ за алтаремъ близъ самой алтарной стѣны. Въ Синявкѣ я взялъ ведеръ пять горѣлки, т. к. это самый необходимый продуктъ для народа, присутствовавшаго при погребеніи и поминовеніи. На третій день, послѣ литургіи и отпѣтія въ церкви священническаго погребенія, очень длиннаго, въ присутствіи навзрыдъ плакавшаго народа, мы, священники и служители, вынесли на своихъ раменахъ, по недальнему разстоянію, гробъ, который и опустили въ приготовленную могилу. Послѣ краткой литіи мы отправились въ домъ на приготовленную богатую трапезу. Я ничего не жалѣлъ, чтобы удовольствовать всѣхъ, и Богъ мнѣ

помогалъ, т. к. я отъ многихъ получалъ неожиданную помощь. Народа полъ-села угощалось съ утра до вечера: никто не оставался ненакормленнымъ и ненапоеннымъ. Окончивши сію печальную процессію, нужно было привести многое въ порядокъ, разослать забранную у разныхъ лицъ посуду, потребовавшуюся на такое количество угощаемыхъ гостей. Въ настоящія времена это уже выводится, но тогда какъ-то было въ обычаѣ, чему много содѣйствовала дешевизна водки и всего прочаго съѣдобнаго. Деньги тогда были очень рѣдки и дороги, но все же безъ нихъ ничего нельзя было сдѣлать, но главное, что тогда обходилось въ десятки копѣекъ, теперь бы надо было оплачивать рублями.

По окончаніи всей этой катастрофы нужно было опять приниматься за хозяйство, теперь уже безконтрольное, но также нужно было отправить въ Черниговъ брата жены Павла, который почти ничего не требовалъ, забравши только вещи покойнаго, даже полуновую суконную рясу, которая для меня не представляла интереса. Ему оставался послѣдній годъ богословія, но онъ готовился въ кіевскую академію, въ которую послѣ окончанія и былъ посланъ. Знаменательно между прочимъ, что покойница не бывала въ Кіевѣ; но по прошествіи или въ теченіе другого года она непремѣнно настояла, чтобы побывать въ Кіевѣ и увидѣться съ братомъ, а такъ какъ, по заведенному обычаю, въ концѣ зеленой недѣли многое множество пилигримовъ отправляется въ Кіевъ, то она съ лучшею партіей домохозяевъ отправилась въ путешествіе. Впрочемъ, у нихъ было три конныхъ подводы, на которыхъ былъ сложенъ ихъ багажъ и необходимый прокормъ въ дорогѣ, но обычай требовалъ непремѣнно путешествія пѣшкомъ изъ угожденія Богу, кромѣ крайняго изнуренія или болѣзни. Въ Кіевѣ она насладилась видѣніемъ всего до того ею невидѣннаго, незнаемаго и невообразимаго, бесѣдою съ братомъ и посѣщеніемъ всѣхъ монастырей. Не разъ въ оныхъ случалось, что она затеривалась отъ своей партіи и доводила оную до горкихъ слезъ при отыскиваніи. Она долго не могла забыть Кіева, всегда вспоминая съ благо-

говѣніемъ: вѣрно она чувствовала, что любимымъ ею горячо дѣтямъ придется быть жителями такъ полюбившагося ей города. Прибытіе изъ Кіева послѣ двухъ или болѣе недѣль отсутствія было для меня и дочки Меланіи радостнымъ. Вскорѣ наступила жатва. Я уже былъ полнымъ хозяиномъ, потому что я обзавелся плугомъ и самъ обрабатывалъ поля. Конечно, хлѣба было очень достаточно, такъ что пришлось продать пудовъ 250—300, но, главное, цѣна была малая: жито 10 коп. сер., овесъ — мѣра 6 и 7 коп., считая тогда на ассигнаціи. Нужно было умѣть жить. Конечно, о тѣхъ расходахъ, какіе ведутся въ нынѣшнее время, и мыслить нельзя было, да къ тому нужно было помогать въ академіи брату Павлу, рублей по сорока асс. въ годъ, что мы выполняли постоянно. Онъ много курилъ по тогдашнему Жуковъ табакъ, бывшій въ употребленіи у всѣхъ курившихъ. Недостатки во многомъ заставляли меня заняться школою и притомъ въ собственномъ домѣ, слѣдовательно и содержать дѣтей на свои средства, питать ихъ и покоить, что затруднительно было для покойной жены; и между тѣмъ отъ пяти до шести было мальчиковъ, да и приходящихъ столько же. Это продолжалось года четыре - пять; школъ тогда не было, но къ дьячку или пономарю ходило душъ по десяти поселянскихъ дѣтей. Начало привода дѣтей въ таковую школу было, по деревенскому обычаю, въ день пророка Наума, 1-го декабря, съ каковаго числа и начиналось ученіе церковной граматкѣ съ аза и продолжалось нѣсколько лѣтъ сряду, пока не выучать граматки, часловца и псалтыри, не будутъ умѣть читать на клиросѣ часы и посреди церкви каѳизмы. Болѣе же изучившіеся читали предъ Евангеліемъ Апостола, приспособляясь къ звуку и разстановкѣ словъ своего учителя дьячка. Это чрезвычайно радовало родителей, и они говорили: „уже и Апостола читае такъ, якъ и дьячокъ, и гарно пишетъ на папыри". Тогда было въ обычаѣ года два писать на длинной ручной таблицѣ, покрытой черной краской и разлинеенной, сдѣланной изъ кленоваго или грушеваго дерева, и разведенными въ каламарѣ бѣлилами изъ крейды,

въ которыя, какъ нынѣ въ чернильницу, обмакивалось очиненное гусиное перо, и выводились буквы, сначала прописныя, большія, а послѣ, когда начнутъ уже хорошо выводить, писали малыми складами. Послѣ этого дьячокъ писалъ свою пропись, составленную чаще всего изъ словъ: „учитесь, дѣти, во младыя лѣта; когда пріидетъ старость, тогда будетъ радость" и пр. и пр. Послѣ этого дьячокъ учитель объявлялъ батькамъ дѣтей, научившихся хорошо писать на таблицѣ, что пора переводить писать на папыри, что уже составляетъ расходъ на бумагу. Батьки съ охотою покупаютъ таковую. Переводъ на бумагу сопровождается угощеніемъ учителя въ собственномъ его домѣ, большою попойкою и объяденіемъ, что все доставляется родителями дѣтей, которыя переводятся писаками на бумагѣ. Папырь береглась въ то время, т. к. была дорога. Употреблялась бумага плохого качества, т. к. лучшая была недоступна для хлѣбопашцевъ, выручавшихъ деньги изъ продаваемыхъ продуктовъ немного, а нужно было подушное заплатить, вслѣдствіе чего тогда существовали страшныя недоимки податей, главнымъ образомъ отъ того, что богачи кулаки сами не платили, а увертывались, да къ тому же еще и собранныя деньги проматывали. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока правительство не установило лучшихъ порядковъ и сборщиковъ податей по записямъ ихъ какъ въ реестрѣ, такъ и въ книгу каждаго хозяина, уплатившаго причитающуюся съ него подать. Теперь изъ года въ годъ недоимокъ совершенно не бываетъ, т. к. въ противномъ случаѣ все это ложится на сборщиковъ податей.

Въ скоромъ времени намъ стало немного легче въ семействѣ, такъ какъ Павелъ окончилъ академію и былъ назначенъ въ Воронежъ, въ тамошнюю семинарію, профессоромъ. Онъ прибылъ домой, получивши прогонныя деньги до Воронежа. Здѣсь неподалеку былъ его сотоварищъ по академіи Сочава, туда же назначенный, и Виницкій; первый изъ черниговскаго уѣзда, а второй—изъ стародубскаго. Они всѣ съѣхались къ намъ въ Городище и изъ дома нашего отправились въ Воронежъ. Послѣ этого намъ уже не пришлось свидѣться съ братомъ, но пере-

писка, хотя изрѣдка, велась, что далѣе, то рѣже. — У насъ послѣ Меланіи родился сынъ Михаилъ, но жизнь его была кратковременная, послѣ чего Богъ насъ благословилъ рожденіемъ сына, нареченнаго Александромъ, благодатнымъ для насъ. Съ самаго малолѣтства онъ насъ радовалъ своимъ тихимъ и добрымъ нравомъ. Мать, какъ и я, очень его любила и сама кормила немного болѣе года, въ чемъ она не отказывала и всѣмъ дѣтямъ, послѣ родившимся. Въ сіе время я уже почти оставилъ школу: у меня только и воспитывалось двое дѣтей сестры, Иванъ и Симеонъ, вслѣдствіе того, что она уѣхала къ мужу въ Польшу, гдѣ онъ вскорѣ былъ раненъ при взятіи Варшавы и умеръ дня черезъ три послѣ раны. Ему оторвало лѣвую руку. Это кажется было въ 1841 году. Она, добиваясь пенсіи, тамъ прожила около года. Но еще до выѣзда изъ Стольнаго, при проѣздѣ Императора Николая чрезъ Черниговъ къ границѣ Турціи, гдѣ тогда была война, она ходатайствовала о принятія ея дѣтей въ кадетскій корпусъ. Въ концѣ того года (было подано прошеніе въ концѣ мая мѣсяца) послѣдовалъ изъ губернаторской канцеляріи отзывъ на имя сестры о доставленіи дѣтей въ Александровскій пажескій корпусъ. Я отослалъ съ почтою при письмѣ отзывъ, а между тѣмъ написалъ письмо къ Антону Өеофилактовичу Бородухѣ, прося совѣта, какъ отослать дѣтей Савицкихъ и нельзя ли вытребовать прогонныхъ денегъ на доставку ихъ. Тогда я вскорѣ получилъ отвѣтъ сомнительный, чтобы дѣти Савицкой были приняты въ сей пансіонъ, куда помѣщаютъ своихъ дѣтей, почитая это за особое счастье, заслуженные генералы и полковники. Я поѣхалъ въ Черниговъ навести справки въ Губ. Канцеляріи и оттоль же послалъ письмо съ выданной мнѣ бумагой, на которое быстро получилъ отвѣтъ такого содержанія, чтобы я договорилъ сосѣда Гагая, чтобы онъ устроилъ кибитку на саняхъ, да немедлено доставилъ ихъ, иначе въ мартѣ мѣсяцѣ они за неявкою будутъ исключены. Я договорилъ его за 110 руб. асс., съ тою надеждою, что прогоны получатся на мѣстѣ. Оставалась недѣля до выѣзда, какъ по письму моему возвратилась сестра въ Стольное. Я передалъ ей пере-

писку, и она съ дѣтьми отправилась въ Черниговъ, оставивъ у меня сына Василія, а у сестры Анастасіи—дочку Надежду. Когда она прибыла въ Петербургъ и явилась къ Бородухину, то онъ на первый случай принялъ ее въ свою квартиру, отправился узнать, къ кому первоначально обратиться съ дѣтьми, отколь привезъ составленную докладную записку къ Великому Князю, начальнику корпуса, Михаилу Николаевичу. Въ назначенное время она отправилась съ дѣтьми во дворецъ его. Здѣсь дежурный офицеръ ввелъ ее съ дѣтьми въ пріемную комнату. Вскорѣ начали съѣзжаться генералы, вѣроятно, адъютанты, увѣшанные эксельбантами. И вотъ меньшій братъ, Семенъ, говоритъ старшему: „что это, братъ, имъ навѣшали, наче той бабѣ, что въ насъ покрала мотки нитокъ, да ей навѣшали и водили около нашего двора". Проходящій успѣлъ разслышать, и, когда онъ вошелъ въ слѣдующую комнату, тамъ поднялся страшный хохотъ. Нѣсколько лицъ опять вышло изъ комнаты, и одно изъ нихъ, принявши докладную записку отъ матери и предложивши нѣсколько вопросовъ, отправилось съ запискою. Мать приказала дѣтямъ, когда выйдетъ Великій Князь, стать на колѣна и просить поцѣловать руку. Вскорѣ вышелъ Великій Князь. Когда онъ приступилъ къ дѣтямъ, они поднялись, бросились и поцѣловали руку. Тогда онъ спросилъ, какой они губерніи и уѣзда. Получивъ отвѣтъ, онъ сказалъ: „малороссы"—и спросилъ, гдѣ они учились? Они отвѣтили: „у дяди попа". Далѣе онъ разспрашивалъ, какъ зовутъ и прозываютъ, гдѣ ихъ отецъ?"—„Кажуть, що на войни поляки убылы"—отвѣтили они на послѣдній вопросъ. Этими отвѣтами В. Князь остался, видимо, доволенъ, потому что велѣлъ накормить ихъ. Они отправились съ дежурнымъ въ назначенную комнату. Сестрѣ онъ сказалъ: „Пенсіонъ вашъ выйдетъ своимъ порядкомъ, а прогонныя деньги вы получите изъ здѣшняго казначейства. Вамъ дадутъ сейчасъ бланки. За полученіемъ же единовременнаго жалованія или пенсіи вамъ скажутъ куда обратиться. Вашихъ дѣтей дежурный сейчасъ же отвезетъ въ Царское Село въ назначенное имъ мѣсто". И, дѣйствительно, они отправились вмѣстѣ съ офицеромъ въ каретѣ. Послѣ подачи

прошенія въ комитетъ раненныхъ она получила единовременное жалованье мужа и прожила въ Петербургѣ болѣе года, гдѣ успѣла похлопотать о принятіи дочери Надежды въ Патріотическій Институтъ, но она была потребована только чрезъ годъ послѣ пріѣзда сестры въ Стольное. Тогда она вторично отправилась съ нею въ Петербургъ и прожила тамъ два года.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ПАМЯТИ П. П. ГУЛАКА-АРТЕМОВСКАГО.

(род. 16 янв. 1790 г., ум. 1 окт. 1865 г.).

1-го октября исполняется 30 лѣтъ со дня смерти одного изъ видныхъ въ свое время представителей малорусской словесности, *П. П. Гулака-Артемовскаго*. Передавать общеизвѣстные факты изъ его біографіи нашему спеціальному журналу не приходится, а новыхъ фактовъ мы пока не имѣемъ никакихъ. Равнымъ образомъ, не будемъ мы давать никакого свода тѣхъ отзывовъ о его учено-литературной дѣятельности, которые читатель легко отыщетъ въ разныхъ печатныхъ сочиненіяхъ, а особенно въ книгахъ г. Петрова „Очерки Исторіи Украин. Литер. 19 вѣка" и г. Дашкевича въ извѣстномъ его разборѣ этихъ „Очерковъ" (Отчетъ о 29-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова). Между тѣмъ, по поводу исполняющагося тридцатилѣтія со дня смерти этого человѣка, мы желали-бы что-нибудь посвятить его памяти, присоединившись такимъ образомъ, хоть въ скромной формѣ, къ тому болѣе торжественному чествованію этого дня, которое, какъ мы слышали, готовится въ Харьковѣ. Думаемъ мы, что наибольшимъ выраженіемъ дани нашего уваженія къ имени и дѣятельности П. П. Гулака-Артемовскаго будетъ опубликованіе въ печати имѣющагося у насъ маленькаго, но очень цѣннаго матеріала.

Намъ приходилось уже нѣсколько разъ упоминать [1]) о томъ, что М. А. Максимовъ въ началѣ 60-хъ годовъ задумалъ написать статью о малорусской словесности, въ видѣ полемики съ П. А. Кулишомъ, по поводу высказанныхъ имъ мнѣній о значеніи И. П. Котляревскаго, Г. Ф. Квитки-Основьяненка и др. въ дѣлѣ развитія новѣйшей малорусской литературы [2]). Статья эта закончена не была, а сохранилась только въ черновыхъ обрывкахъ, съ частію которыхъ, касавшеюся мнѣнія Максимовича о Котляревскомъ и Квиткѣ, мы и познакомили интересующихся этимъ вопросомъ. Теперь, при случаѣ, считаемъ вполнѣ умѣстнымъ напечатать еще одинъ отрывокъ— о Гулакѣ-Артемовскомъ, гдѣ Максимовичъ, желая стать на защиту Котляревскаго, между прочимъ разбираетъ высказанное Кулишомъ въ предисловіи къ альманаху „Хата"мнѣніе о роли въ украинской словесности Гулака. Вотъ этотъ отрывокъ.

Представивъ Энеиду Котляревскаго первою неудачею Украинскаго слова, чуть не погибшаго отъ хохоту читателей, г. Кулишъ продолжаетъ: „такъ велыка жъ была въ ёму живая сыла, и заразъ (?!) вырятовавъ ёго иншій поэтъ, Гулакъ, напысавши тымъ-же складомъ, що й Котляревськый, невелычку поэмку *Панъ та Собака*. Засміялысь тогди иншимъ смихомъ панове земляки, може, трошки и на кутни... Воно бъ уже нибы й на ладъ навернулось було наше дило; колы-жъ судылось лыхій доли ще разъ перейты намъ дорогу въ-порожни! Пиддурылы пана Гулака, тогди ще молодыка молодого, де-яки людци лукави, лакеюватыи,—ударывъ объ землю да й розбывъ винъ свою бандуру. Замовклы голосныи струны; почавъ поэтъ нашъ языкомъ граты да й грае соби на здоровье ажъ доси, бо есть такіи люде, що й

---

[1]) См. къ пятидесятилѣтію со дня смерти И. П. Котляревскаго („Кіев. Стар." 1888 г., № 11) и Григорій Федор. Квитка, какъ малорусскій писатель, передъ судомъ критики (Кіев. Стар. 1893 г., № 8).

[2]) См. Слово на новый выхидъ Квитчиныхъ повистей (СПБ. 1858) и предисловіе къ альманаху „Хата" (СПБ. 1860 г.).

на то дило наймають. На свити потрибенъ и той, хто будуе, и той, хто руйнуе; чимъ-же потакачъ не робитныкъ?"..(XVIII стр.).

Мнѣ не извѣстна біографическая подробность, упоминаемая въ этомъ немилостивомъ приговорѣ Харьковскому поэту-профессору. Что же касается до аллегоріи о разбитой бандурѣ, то она родилась отъ недавней перемѣны во взглядѣ самого г. Кулиша; ибо не далѣе, какъ года за три, вотъ что сказано было въ его эпилогѣ [1]):

„Гулакъ-Артемовскій, составляющій переходъ къ нему (Квиткѣ) отъ Котляревскаго, написалъ нѣсколько *превосходныхъ* комическихъ и сатирическихъ стихотвореній, которыя мы знаемъ наизустъ „(стр. 245). Отъ чего-же нынѣ г. Кулишу послышался такой высокій строй въ первой сказкѣ Гулака, что всѣ остальныя его стихотворенія показались уже пустячною игрою языкомъ? Отъ чего нынѣ показалось ему, будто въ одной этой сказкѣ попало было на ладъ дѣло малороссійской словесности; а съ прочими стихотвореніями Гулака—лихая доля опять перешла ей дорогу порожнякомъ, также какъ и съ Энеидою Котляревскаго?... Возьмемъ задачу малороссійской словесности даже такъ, какъ опредѣляетъ ее г. Кулишъ, въ одномъ изъ послѣднихъ предисловій, напечатанныхъ въ его Хатѣ.

„Наша бо словеснисть тилько що молодыи паростки пускае, и нема для неи взору на всёму пысьменному свити. Іи задача— выпробувати свій смакъ на своихъ ридныхъ жерелахъ духовныхъ. Тимъ-то треба съ пыльною увагою дознаватысь, яка мысль, яке чувство ходытъ живымъ глаголомъ зъ двору до двору межъ селянами, яку одежину бере на себе и якъ звываеться по-мижъ щоденными невгамоваными злыгоднями и полохлывымъ счастемъ... „(стр. 96) Тутъ можетъ показаться невѣроятнымъ, что новая малороссійская словесность шестьдесятъ лѣтъ пускаетъ все еще только молодые паростки, и все еще только пробуетъ свой вкусъ на родныхъ источникахъ... Но нельзя же не признать однимъ изъ первыхъ рѣшеній этой безконечной задачи, напримѣръ, Гулакову піесу—„Солопій да Хивря, або горохъ при дорози". И въ нынѣшнее время не десять и не двадцать разъ можно услы-

[1]) Къ „Черной Радѣ".

шать отъ нашего селянина, что онъ живетъ *якъ горохъ при дорози*. Вотъ этотъ *живой глаголъ*, въ которомъ, какъ въ заплатаной, старой свиткѣ, тяжкая мысль и горькое чувство, ходятъ и не исходятъ по дворамъ Украины, Гулакъ давно олицетворилъ въ своемъ юморическомъ стихотвореніи. Оно можетъ показаться сегодня—*превосходнымъ*, завтра—пустозвоннымъ; но ужъ, конечно, нельзя не признать, что оно и по содержанію, и по выраженію своему—также *народно*, какъ и первая сказка Гулакова (Папъ да Собака), и его позднѣйшія двѣ Гораціанскія оды, въ самомъ дѣлѣ *превосходныя*.

Въ томъ же предисловіи г. Кулишъ говоритъ: „Перейматы складъ речи треба намъ тилько въ свого народу, зъ найкращихъ истотъ его; вдыхаты въ себе поэтычню сылу треба намъ тилько зъ свижои натуры нашихъ селянъ. На томъ стоитъ сыла нашои словесности; съ того вона до вику вичнёго молодитыме...“ (стр. 97). Этотъ не новый у насъ способъ подновленія и освѣженія словесности г. Кулишъ доводитъ уже до крайней замкнутости ея въ кругу сельскаго простолюдья. Но кто же у насъ, какъ не Котляревскій и Гулакъ, поставили на томъ силу нашей словесности? Они первые перенимали складъ простонародной рѣчи, усвояли себѣ поэтическіе пріемы и выраженія нашихъ селянъ, и черезъ то дали совершенно *народный* характеръ своимъ произведеніямъ, въ которыхъ и состояла наша новая словесность въ продолженіе первыхъ 35-ти лѣтъ; ибо все остальное, что писано на малороссійскомъ языкѣ въ эти годы, (съ 1798 по 1833) оставляется на заднемъ планѣ, не исключая ни стихотвореній волынскаго пѣвца Падуры, ни нашихъ украинскихъ писателей меньшей руки—отъ комедій Гоголева отца (Василія Аѳанасьевича) до балладъ и басенъ Боровиковскаго. Но художественности не отрицаетъ и самъ г. Кулишъ у произведеній Котляревскаго и Гулака. Во взглядѣ по случаю оповиданій Вовчка, онъ говоритъ: „какъ начинатели новой литературы они далеко *художественнѣе* гремѣвшихъ въ свое время начинателей другихъ литературъ; а *главное*—они грѣлись у родного очага, вокругъ котораго сидятъ чумаки и пахари, ведя свои простыя, скажу по малороссійски, *щирыя* бесѣды; и

какъ-ни мало они написали, но все ими написанное говоритъ намъ о насъ, и говоритъ нашимъ, а не чужимъ складомъ рѣчи...“ (стр. 230). Да, они первые показали собою образецъ тѣхъ именно литературныхъ работъ и выполняли тѣ задачи нашей словесности, какія нынѣ задаетъ г. Кулишъ въ своихъ наставленіяхъ. О Котляревскомъ достовѣрно извѣстно мнѣ отъ старыхъ украинцевъ, что онъ нерѣдко, переодѣтый въ простолюдина, хаживалъ по шинкамъ и сельскимъ сборищамъ, чтобы изучать характерныя черты народа и его рѣчи. Отчего же въ Переднемъ Словѣ своемъ г. Кулишъ, изо всего написаннаго по-малороссійски въ первые 35 лѣтъ новой словесности, только въ одной Гулаковской сказкѣ *Панъ та собака* видитъ ея спасеніе, а во всемъ остальномъ—неудачу? Ясно, что тутъ въ виду уже не художественность, а самое содержаніе или предметъ. Но это уже чрезмѣрная прихотливость и стѣснительная требовательность. Гулакъ написалъ сперва превосходную сатиру на панство; потомъ онъ принимался за другіе предметы, и исполнилъ ихъ такъ-же удачно, особенно двѣ Горацiанскія оды. Значитъ ли это, что онъ разбилъ свою бандуру, послѣ первой сказки, и что его звонкія струны замолкли? Разумный ли былъ бы совѣтъ отъ его сверсниковъ, чтобы онъ, написавши удачную сатиру на панство, оставался все на томъ же предметѣ? „Вильно паниматци у своiй хатци“ — говоритъ украинская пословица.

Зачѣмъ же стѣснять волю художника и всей словесности, какъ свободнаго художества, чтобы у нихъ въ предметѣ было то самое, на чемъ вертится нынѣ собственная мысль, въ нашей хатѣ?... Современная Котляревскому Малороссія не оскорбилась за комическое представленіе малороссіянъ въ его Энеидѣ; и донынѣ есть семидесятилѣтніе украинцы, и даже украинки, которые помнятъ наизустъ чуть не всѣ четыре части ея, и жалѣютъ только, что не удалось имъ прочесть пятой части, изданной въ позднѣйшее время. Г. Кулишъ, въ Переднемъ Словѣ, сравниваетъ и Котляревскаго и разсмѣшенную имъ Малороссію—съ толпою пьяныхъ бабъ, за то собственно, что они посмѣялись надъ комическимъ изображеніемъ украинскаго просто-

людья. Но они также посмѣялись въ Энеидѣ и надъ панствомъ старосвѣтской Украины, въ обычаяхъ которой не было еще такой разрозненности, какъ въ нынѣшнее время, между простолюдьемъ и панствомъ. Г. Кулишъ говоритъ, что едва не погибшее отъ того смѣха надъ Энеидою украинское слово заразъ выручилъ было Гулакъ своею сказкою... *Заразъ*... т. е. черезъ 18 лѣтъ! Но вспомнимъ, что около того времени Котляревскій написалъ свою малорусскую оперу *Наталку-Полтавку*, которая донынѣ любима въ Малороссіи, какъ и его Энеида, и въ которой затронуты тоже не однѣ смѣшливыя струны души. Въ своей пѣснѣ:

Віють витры, віють буйны—

онъ такъ вѣрно перенялъ выраженіе и складъ народныхъ дѣвическихъ пѣсенъ, и она давно стала пѣснею *народною*. Въ ней отозвалась вся любящая и тоскующая душа молодой украинки, явившаяся потомъ въ прекрасномъ образѣ Квиткиной Маруси. И такъ, новая малороссійская словесность вышла изъ рукъ своего первоначальника не съ однимъ смѣхомъ старокозацкаго юмора, но съ слезою любви дѣвической. Этою поэтическою слезою достаточно уже выкупается прежнее литературное преступленіе Котляревскаго противъ новыхъ законовъ эстетики Кулишовой.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Обрядовое постриженіе дѣтей. Обычай этотъ, упоминаемый еще въ лѣтописяхъ, до сихъ поръ бытуетъ на югѣ Россіи. Намъ удалось получить свѣдѣнія объ этомъ обрядѣ изъ губерній екатеринославской, полтавской, харьковской, херсонской, кіевской и подольской, и въ настоящей замѣткѣ мы предлагаемъ сводъ этихъ сообщеній.

По понятіямъ народа, до года стричь волосы «не годится» (Анновка, елисав. у.); если стричь раньше, то волосы дурно будутъ рости (Екатеринославъ); по словамъ другихъ — «до года ны стрижуть, шобъ голова не болила (Глодоссы, елисав. у.)».

Итакъ, въ настоящее время первое постриженіе волосъ совершается въ день первой годовщины ребенка. Обрядъ этотъ совершаютъ не только надъ мальчиками, но и надъ дѣвочками; въ большинствѣ случаевъ его совершаетъ крестный отецъ; въ нѣкоторыхъ же селахъ (Бѣлый Колодезь, волчанск. у.) мальчиковъ постригаетъ крестный отецъ, а дѣвочекъ—крестная мать; въ другихъ (Александровка, елисав. у.)—баба-пупоризка. На церемонію постриженія приглашаются и знакомые (Бѣлый Колодезь), при чемъ родители приготовляютъ обѣдъ и пекутъ пирогъ (Губовка, александрійск. у.); въ нѣкоторыхъ мѣстахъ угощеніе, т. е. водку и закуску, приноситъ крестный отецъ (Антоновка, елисав. у.). При постриженіи ребенка обыкновенно сажаютъ на кожухъ, разостланный на лавѣ шерстью вверхъ; въ с. Великихъ Будищахъ полтавск. у. его разстилаетъ бабка; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на кожухъ сажаютъ только дѣвочекъ, «шобъ скоро косы росли», а мальчиковъ стригутъ на голой лавкѣ, «шобъ не скоро чубъ рисъ» (Глодоссы, елис. у.); иногда крестный отецъ кладетъ монету подъ кожухъ (Екатеринославъ) или бросаетъ ее на кожухъ; дѣлается это для того, «шобъ дитина була богата (В. Будищи полт. у.)».

Въ другихъ мѣстахъ, при постриженіи, ребенка ставятъ въ миску с водкой, «шобъ здоровъ бувъ на ноги» (Александровка, елисав. у. водку эту потомъ выпиваютъ (Губовка, александрійскаго у.). Волосы выстригаютъ обыкновенно пучками крестообразно—на лбу, на затылкѣ и на вискахъ (Екатеринославъ, В. Будищи), иногда, кромѣ того,—и на темени (Александровка, елисав. у.); иногда же выстригаютъ только одинъ пучокъ или же всѣ волосы съ половины головы (Бѣлый Колодезь). Остриженные волосы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пускаютъ по водѣ (звенигородскій у.), въ другихъ—залѣпливаютъ въ тѣсто и запекаютъ, потомъ даютъ ребенку разломать, при чемъ научаютъ его сказать: «погане!» и, наконецъ, пускаютъ на воду, «шобъ здорова голова була» (Александровка); въ третьихъ,—волоса, остриженные у дѣвочекъ, кладутъ подъ стрѣху, чтобы ворона не унесла, потому что тогда волосы не будутъ рости,—а волоса, остриженные у мальчиковъ, нарочно выбрасываютъ, чтобы не скоро росли (Новоархангельскъ). Кумовья дарятъ ребенку вещи и лакомства (Губовка, Новоархангельскъ). По окончаніи обряда пьютъ и закусываютъ, произнося соотвѣтствующія пожеланія, а именно, «щобъ головка кучерява була», «щобъ счаслыве було» и т. п. (Бѣлый Колодезь).

Обычай постриженія волосъ въ первую годовщину извѣстенъ не въ одной Малороссіи. Намъ передавали, что обрядъ этотъ совершается въ Курскѣ. Любопытно, что въ этотъ же періодъ жизни стригутъ въ первый разъ волосы ребенку и евреи (въ гор. Елисаветградѣ); остриженные волосы прячутъ [1]).

В. Ястребовъ.

Черниговскій коллегіумъ въ нач. XVIII в. Въ актахъ перв. полов. XVIII в. нерѣдко встрѣчается упоминаніе о «Черниговскихъ школахъ» (напр.—«бавился въ черниговскихъ школахъ»), но какія это были школы—объясненія мы не находили, пока не встрѣтили въ книгѣ Я. Чистовича (*Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи*, стр. XLIII) нижеприводимаго свѣдѣнія, относящагося къ

---

[1]) Считаемъ пріятнымъ долгомъ засвидѣтельствовать искреннѣйшую благодарность всѣмъ лицамъ, любезно сообщившимъ намъ изложенныя выше свѣдѣнія, а именно: И. Я. Акинфіеву, М. К. Васильеву, Л. В. Падалкѣ, М. С. Крыжановской, Е. И. Борисову, А. Школѣ, Е. С. Буховецкой, Д. Воликовскому, Х. І. Самойлику, М. К. Крыжановскому, И. А. Иванову, С. А. Вейсенбергу, И. Н. Панащатенкѣ.

1728 г. и заключающаго въ себѣ донесеніе синоду, отъ мѣстнаго архіерея. Перепечатываемъ это любопытное свѣдѣніе, какъ находящееся въ книгѣ, въ которой его трудно предполагать. «Черниговскій коллегіумъ при катедральномъ монастырѣ открытъ былъ въ 1700 г. по риторику, а сколько было въ немъ учениковъ по сю пору (по 1727 г.) о томъ неизвѣстно, первѣе для того, что оныхъ нигдѣ не записывано; другое же, нельзя и записывати, понеже суть отходные люди, одни изъ другихъ училищъ приходятъ и отходятъ, и которіи кончатъ школу риторику въ училищѣхъ черниговскихъ, отходятъ въ Кіевъ или въ другія епархіи до вышнихъ школъ, и скончивши школы, нѣкоторые монашескій чинъ приняли отъ епархіи кіевской, а другіе въ черниговской, и нынѣ въ профессорствѣ зостаютъ, а другіе проповѣдью слова Божія бавятся, а иные произведены до игуменъ и другія достоинства, а которіи въ свѣтскомъ стану, иные священниками поставлены, а другіе на мирскихъ властяхъ зостаютъ. Пропитаніе же оные ученики имѣютъ, которіи господскіе дѣти, тѣ отъ своихъ домовъ питаются, а неимущимъ своего пропитанія, по силѣ духовнаго регламента съ начала 1723 года съ монастырей и земель церковныхъ дается пропитаніе и на прочія нужныя требованія повсягодніе, сколько имъ контентными быть возможно. Число же тѣхъ учениковъ въ школахъ черниговскихъ сего 1728 года обрѣтается на лицо всѣхъ господскихъ дѣтей и нищихъ (нищетныхъ?) 257, а по окончаніи года, будетъ ли столько или ни, знати не мощно».

А. Л.

Оспопрививаніе до Дженнера и лѣченіе ртутью въ Старой Малороссіи. Честь открытія прививки коровьей оспы, какъ извѣстно, принадлежитъ Дженнеру, опубликовавшему сочиненіе объ оспопрививаніи въ 1796 году.

Но тотъ фактъ, что оспу можно привить искусственно, для ослабленія шансовъ заболѣванія натуральной оспой или, по крайней мѣрѣ, для облегченія теченія болѣзни при заболѣваніи ею, былъ извѣстенъ еще въ древности многимъ восточнымъ народамъ—индусамъ, арабамъ, китайцамъ и персамъ. Вѣроятно, съ востока-же оспопрививаніе проникло и въ Малороссію, гдѣ оно практиковалось простонародьемъ еще въ то время, когда на западѣ Европы къ оспопри-

виванію относились съ большою подозрительностью, можетъ быть, даже и не слышали о немъ.

Свидѣтельство о давнемъ существованіи оспопрививанія въ Малороссіи сохранилъ намъ извѣстный ученый и путешественникъ Екатерининскаго царствованія—*Гмелинъ*.

Такъ какъ книга Гмелина, заглавіе которой мы выписываемъ въ примѣчаніи [1]), теперь—библіографическая рѣдкость, то на насъ вѣроятно не посѣтуютъ за приведеніе этого свидѣтельства полностію:

«Въ Малороссіи уже давно есть обыкновеніе прививать малымъ ребятамъ оспу, о чемъ навѣдался я въ Острогожскѣ отъ многихъ людей, кои очевидными при томъ были свидѣтелями. Купивъ, или скрытнымъ образомъ взявъ хорошей оспы, привязываютъ ее матери дѣтямъ своимъ къ разнымъ частямъ тѣла и оставляютъ ихъ такъ до тѣхъ поръ, пока не усмотрятъ въ нихъ жару, который какъ скоро окажется, то и повязку отнимаютъ. А чтобы оспа высыпала, то дѣлаютъ они посредствомъ сыраго и вареннаго меду, не употребляя при томъ ничего другаго. Дѣти, коимъ привита оспа, ходятъ на вольномъ воздухѣ, ѣдятъ и пьютъ, такъ какъ бы они были совсѣмъ здоровы. У иныхъ хотя оспа и привита, однако не высыпаетъ; другіе умираютъ, а по большей части пробываютъ въ сей произведенной искусствомъ болѣзни совсѣмъ здоровы. Къ особливому служитъ для путешествующаго увеселенію навѣдываться о такихъ обстоятельствахъ, кои могутъ обратить къ себѣ вниманіе публики. Какъ я въ другой разъ былъ въ Острогожскѣ, то нашелъ семидесятилѣтнюю старуху, которая, узнавъ, о чемъ я говорилъ, разсказывала мнѣ, что она за годъ передъ тѣмъ прививала внучкѣ своей оспу, такъ какъ и ей самой нѣкогда привита она была отъ матери.

Не ясно-ли же видно изъ сего, что прививаніе оспы въ нѣкоторыхъ россійскихъ провинціяхъ гораздо прежде, нежели въ другихъ мѣстахъ извѣстно, хотя въ самой Россіи и ничего о томъ не знали?».

Изъ старыхъ народныхъ средствъ, нашедшихъ широкое примѣненіе и въ научной медицинѣ, Гмелинъ упоминаетъ еще о практиковавшемся у малороссовъ лѣченіи ртутью венерическихъ болѣзней.

---

[1]) Самуила Георга Гмелина, доктора врачебной науки, Императорской академіи наукъ, Лондонскаго, Гарлемскаго и Вольнаго Экономическаго обществъ члена Путешествіе по Россіи, для изслѣдованія трехъ царствъ естества. Переведено съ нѣмецкаго. Часть первая. Путешествіе изъ Санктпетербурга до Черкаска, главнаго города донскихъ козаковъ въ 1768 и 1769 годахъ. Въ Санктпетербургѣ при Императорской академіи наукъ 1771 года. (Стр. 140—143).

«Французская болѣзнь, какъ въ Острогожскѣ, такъ и во всей Малороссіи, весьма извѣстна и сильно вкоренилась и достается, такъ сказать, по наслѣдству дѣтямъ отъ родителей. Кто мнѣнія почитаетъ за настоящую истину, тотъ можетъ легко себѣ представить, что сія болѣзнь произошла съ востока, понеже и сибирскія извѣстія согласны съ моими. Многіе не пользуются отъ сей заразы ничѣмъ; и для сей то самой причины безъ сомнѣнія она и усиливается. Другую причину полагаю я въ обыкновеніи, по которому во всей Россіи съ женами совокупляются въ натопленныхъ весьма жарко баняхъ. Иные употребляютъ отъ того отваренный напитокъ изъ сассапариллы и китайскаго корня: но сіе лѣкарство не можетъ назваться главнымъ: ибо они кромѣ его и другія употребляютъ. Меркурій уже изъ давнихъ временъ почитается здѣсь общимъ отъ всѣхъ болѣзней лѣкарствомъ. Взявъ одинъ его золотникъ, разводятъ въ трехъ фунтахъ водки, и больной принимаетъ каждое утро около половины унціи сего состава. Наблюдающіе въ пріемѣ мѣру видятъ отъ того очевидную себѣ помощь; и я самъ имѣлъ разговоръ со многими французскою нечистью страдавшими, и онымъ отважнымъ средствомъ совершенно излѣчившимися людьми. Другіе напротивъ того, кои поступая неосторожно съ симъ лѣкарствомъ, въ весьма великомъ количествѣ его принимали, чувствовали во внутренностяхъ своихъ неизбѣжное дѣйствіе насильственнаго яда, и за неосторожность свою наказаны были отъ части смертію. Находятся и такіе, кои имѣя худую совѣсть, употребляютъ его для своего предохраненія, хотя они и не заражены въ самомъ дѣлѣ прилипчивою сею нечистью. И такъ употребленіе меркурія, которое показалъ г. Баронъ *Свитенъ*, и чѣмъ онъ снискалъ великую себѣ честь, совсѣмъ не ново. И можетъ легко статься, что польза его извѣстна въ Польшѣ и въ Венгріи, чрезъ которыя земли можетъ быть о томъ и въ Вѣнѣ спознали. По крайней мѣрѣ малороссійскіе старики (о прочемъ я уже не говорю) увѣряютъ, что предки ихъ знали о меркуріѣ, употребленіе котораго они отъ нихъ и переняли. Безспорно, что многія лѣкарства, почитаемыя нынѣ за новыя, были и прежъ сего уже извѣстны»...

Л. С.

„Плачъ на бѣдствія украинскія"—старинное еврейское стихотвореніе. Въ виду того интереса, какой могутъ представлять даже мелкіе факты, освѣщающіе моментъ *уманской рѣзни*, мы печа-

таемъ сообщенное намъ і. *Затуловскимъ* въ переводѣ на русскій языкъ одно жаргонное стихотвореніе подъ заглавіемъ «Плачъ на бѣдствія украинскія». Имя автора неизвѣстно, но видно, что онъ жилъ во время самой рѣзни. Литературныхъ достоинствъ въ этомъ «Плачѣ» очень мало: стихотвореніе составлено совсѣмъ безъ размѣра и вообще малограмотно. Еще въ 40-ые годы, по увѣреніямъ старожиловъ, оно пѣлось многими евреями, а дѣти, возвращаясь изъ хедера (школы), распѣвали его хоромъ; теперь оно окончательно позабыто. Найдено оно въ рукописномъ видѣ.

Стихи идутъ въ двойномъ алфавитномъ порядкѣ, т. е. каждой буквой алфавита начинаются два послѣдовательныхъ стиха.

Отче небесный! какъ могъ Ты взирать,
Чтобы евреи украинскіе претерпѣвали столь большія бѣдствія?
    Отвергни отъ насъ большія бѣдствія отъ гайдамаковъ!
    Балтскихъ евреевъ нечестивецъ Сила топилъ, крошилъ и рубилъ.
Бѣдствія столь тяжкія гдѣ слыханы въ мірѣ?
Гонта умерщвлялъ маленькихъ дѣтей, а затѣмъ и деньги грабилъ.
Еврейская кровь лилась ручьями.
Дражденскіе евреи претерпѣли еще болѣе Балтскихъ.
    Сильную рѣзню гайдамаки производили во многихъ городахъ.
    Уманскихъ и Гайсинскихъ евреевъ они истребили до одного.
Маленькихъ дѣтей они тоже кололи и жгли.
Женщинъ связывали и живымъ имъ животы распарывали.
    Большой гнѣвъ обрушился на Жаботынскихъ евреевъ:
    Илизнякъ [1]) ихъ раньше грабилъ, затѣмъ всѣхъ погубилъ.
Правда, и раньше когда-то гнѣвъ великій былъ пролитъ,
Но бѣдствія Хмѣльницкаго противъ нынѣшнихъ—ничто.
    Нашихъ дѣтей гайдамаки зарѣзывали и купались въ крови ихъ.
    Бѣдствіе Тульчинское противъ Тетіевскаго—ничто.
Боже! какъ ты могъ позволить,
Чтобъ каждый еврей своими руками зарѣзалъ свою жену и дѣтей? [2])

---

[1]) Повидимому, здѣсь описка, и слѣдуетъ читать *Желѣзнякъ*, такъ какъ по алфавитному порядку этотъ стихъ долженъ начинатся съ буквы „Ж“.

[2]) Въ письмѣ изъ Константина также разсказывается: въ городахъ Тетіевѣ Липовцѣ и Погребищѣ убиты евреи многими тысячами; нѣкоторые измѣнили своей вѣрѣ и должны были зарѣзать на глазахъ изверговъ жену и дѣтей своихъ въ доказательство искренняго перехода въ христіанство, но затѣмъ все-таки ихъ самихъ убивали.

Собрались всѣ въ синагогахъ и самихъ себя убивали.
Понуждали къ этому невѣсты своихъ жениховъ и жены своихъ мужей.
Начали гайдамаки съ евреевъ Лисянскихъ и Тетіевскихъ,
Ладыженскихъ и Липовецкихъ они затѣмъ уже убивали.
Враги наши понуждали насъ принять ихъ вѣру,
Мераховскихъ евреевъ они пытали огнемъ, пока тѣ не принимали крещеніе,
Женъ нашихъ всегда понуждали къ разврату.
Затѣмъ распарывали имъ животы и живыхъ кошекъ въ животъ зашивали [1]),
Мы совратились съ твоего добраго пути, не обвиняй насъ!
Смѣлянскіе, Савранскіе евреи всѣ погибли ради освященія твоего имени [2]).
По поводу бѣдствія Хмельницкаго учредили постъ 20-го Сивана,
По поводу Гонтовскихъ бѣдствій слѣдовало-бы учредить еженедѣльные посты: есть гораздо больше о чемъ плакать,
Ручьи слезъ текутъ изъ моихъ глазъ.
Погребищенскихъ евреевъ Гайдамаки топили въ колодцахъ.
Праведенъ Ты, Господи! Что творишь, должны мы считать правымъ.
Чекинскіе (?) евреи взяты въ рабство и проданы.
Взывали мы къ тебѣ въ нашемъ горѣ: Услышь!
Красненскіе, Константиновскіе и Калиıскіе евреи избиты ради освященія твоего имени
Владыка міра! какъ могъ ты взирать?
Райгородскіе евреи зарѣзали сами другъ друга.
Господи! Внемли нашему воплю.
Шаргородскаго дюка Браницкаго благослови: онъ за насъ вступился.
Да предстануть предъ тобой злодѣянія Гайдамаковъ, Владыка Міра!
Помогай и спаси тѣхъ, кто за насъ вступился—Аминь!

Изъ Помянника Кіево-Софійскаго Собора. Помянникъ этотъ, подобно другимъ кіевскимъ помянникамъ (Печерской Лавры и Михайловскаго монастыря), относится къ болѣе или менѣе отдаленному

---

[1]) Жестокость распарывать животы у беременныхъ женщинъ, вынимать изъ утробы ребенка и на его мѣсто зашивать живую кошку практиковали гайдамаки во многихъ мѣстностяхъ, какъ сообщается въ книгѣ г. Литинскаго на евр. языкѣ „Лейкойросъ гайгудимъ бeподоліи".

[2]) Умереть ради освященія имени Божія (по евр „Кидушъ Гашеймъ") значитъ: умереть, но не принять другой вѣры.

времени; только полное изслѣдованіе и изданіе его могло бы опредѣлить точно время его начала, конецъ же ему, судя по почерку, былъ сдѣланъ или въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія, или въ первые истекающаго; въ теченіе нѣскольких вѣковъ въ него заносились очень часто имена семей лицъ, игравшихъ видную роль въ исторіи Малороссіи; записи такія важны потому, что составъ этихъ семей не всегда можетъ быть возстановленъ вполнѣ, такъ какъ имена не всѣхъ членовъ ихъ попадали въ тѣ или другія письменные памятники, какіе до сихъ поръ изданы; помянники, такимъ образомъ, хотя отчасти, восполняютъ указанный пробѣлъ; даже не сообщая, къ сожалѣнію, ни малѣйшихъ біографическихъ подробностей о перечисляемыхъ именахъ, они могутъ облегчить до нѣкоторой степени изслѣдователю трудъ возстановленія полноты родовъ, если въ помощь къ помяннику будутъ найдены и документальныя данныя. Въ виду этого мы и предлагаемъ ниже немногія извлеченія изъ вышеупомянутаго помянника, опуская имена іерарховъ и великихъ князей.

„Упокой Господи души усопшихъ рабъ твоихъ во царствіи твоемъ:

Родъ гетмана Юрія Хмельницкаго.	Михаила, Зиновія, Тимофея, младенца Григорія.
Родъ гетмана Іоакима Сомка	Іоакима; убіенныхъ: Аѳанасія, Ананіи.
Родъ гетмана Іоанна Золотаренка.	Іоанна, Василія, Тимофея, Павла.
Родъ гетмана Іоанна Самойловича.	Іоанна, Самуила, боярыни Пелагіи, Симеона.
Рода гетмана Іоанна Скоропадскаго.	Іоанна, Анастасіи, Анны, Андрея.
Родъ гетмана Даніила Апостола.	Павла, Іульяніи.
Родъ Петра Ивановича (въ оглавленіи Помянника пояснено: Калниша).	Іоанна, Андрея, Параскевы, Агафіи, Андрея, Павла, Марка, Василія.
Родъ Даніила Потоцкаго, войта Кіевскаго.	Даніила, Андрея, Акилины, Петра, Агриппины, Кирилла, Симеона, Маріи, Іоанна.
Родъ Мехедихи, войтихи Кіевской.	Зиновіи, Іліи.

Изъ перечисленныхъ родовъ болѣе интереса имѣетъ первый. Запись показываетъ, что родъ Хмельницкаго не былъ древнимъ, если только поминающій не игнорировалъ своихъ бѣдныхъ предковъ, стоявшихъ среди рядоваго козачества, что освободитель Малороссіи имѣлъ одно церковное имя Зиновія, а Богданъ было его свѣтскимъ, не церковнымъ именемъ, если не эпитетомъ. Младенецъ Григорій, по всей вѣроятности, сынъ Тимофея Хмельницкаго, умершій въ раннемъ дѣтствѣ. Нельзя не пожалѣть, что въ помянникѣ рода Хмельницкаго не вписаны женскія имена и мы лишены тѣмъ возможности знать составъ семьи Хмельницкаго съ этой стороны.

Для пополненія списка кіевскихъ войтовъ, въ которомъ много пробѣловъ, любопытна запись именъ „кіевской войтихи Мехедихи".

И. Каманинъ.

Склепы въ Великой Лаврской церкви. Въ январѣ 1797 г. въ Кіево-Печерской Лаврѣ происходили похороны графа Петра Александровича Румянцева-Задунайскаго. При изготовленіи для него могилы въ Великой Лаврской церкви былъ составленъ протоколъ (онъ хранится въ библіотекѣ Лавры, въ связкѣ ставленныхъ грамотъ), который мы и предлагаемъ ниже:

1797 года, мѣсяца генваря 4-го дня, по полудни, въ 6-мъ часу, въ большой Печерской церкви, за лѣвымъ клиросомъ отъ придѣлу святого архидіакона Стефана, старый погребъ, или склепъ, длиною въ четыре аршина, начиная отъ арки за крилосомъ, а шириною въ три аршина съ половиной, въ которомъ погребены тѣла: 1683 года печерскаго архимандрита *Иннокентія Гизіеля* и 1708 года преосвященнаго митрополита Кіевскаго *Варлаама Ясинскаго*, а сего текущаго 1797 года мѣсяца генваря 8-го дня положено тѣло фельтмаршала россійскаго графа *Петра Александровича Румянцева-Задунайскаго*. Входъ сего погреба закритъ 15-го числа того же мѣсяца желѣзными штабами и желѣзною рѣшеткою, на коей положенъ одинъ рядъ сухого кирпича, а другой рядъ съ известью и потомъ известью залито; на верхъ заливки насыпано пескомъ и положена чугунная посадка.

1797 году, генваря 6-го дня, по полудни, въ десятомъ часу, погребены внутренніе части тѣла покойнаго фельтмаршала графа *Петра Александровича Румянцева-Задунайскаго;* при погребеніи коемъ

находился съ довѣріемъ отъ господина генералъ-поручика и кавалера Степана Степановича Апраксина маіоръ Александръ Татариновъ.

1797 года, генваря 13 дня, послѣ полудни въ 7 часу, въ Большой Печерской церкви, при правомъ крилосѣ, у настоятельскаго мѣста открытъ погребъ или склепъ, въ которомъ сыскано четыре долбленые гроба съ истлѣвшими тѣлами, безъ всякихъ надписей; примѣчать можно, что одна чія-то погребена тамъ фамилія; сыскано тутъ же двѣ, на гробахъ поставленныя, простыя, съ замками и ключами, скрини, пустыя, безъ всякой поклажи; входъ сего склепу загражденъ 16 числа того же генваря каменною доскою и кирпичемъ, послѣ пескомъ насыпанъ и посадкою чугунною загражденъ.

Къ сожалѣнію, въ протоколѣ не сказано, съ какою цѣлію производилось вскрытіе склепа 13-го января; несомнѣнно, погребеніе у настоятельскаго мѣста было совершено въ отдаленное время, которое однако трудно опредѣлить вслѣдствіе краткости протокола.

И. Каманинъ.

Борисоглѣбская школа. Вопросъ о количествѣ низшихъ школъ въ Кіевѣ въ прошлые вѣка очень любопытенъ и важенъ, но упоминаній о нихъ мы нигдѣ не находимъ. Указаніе на существованіе школы при Борисо-Глѣбской церкви мы случайно встрѣтили въ стихотвореніи одного изъ ея учениковъ; въ этомъ стихотвореніи авторъ, подписавшійся *«Нижайшій съ школы Борисоглѣбской»* выражаетъ «ясно въ Бози высокопреподобнѣйшему господину отцу Зосимѣ, Кіево-Печерскія лавры архимандриту, все покорное прошеніе» о милостынѣ; стихотвореніе написано довольно складно красивымъ кіевскимъ почеркомъ на плотной бѣлой бумагѣ и хранится въ связкѣ ставленныхъ грамотъ въ библіотекѣ Лавры; оно должно относиться къ 176... годамъ, когда Зосима Вальневичъ былъ Кіево-печерскимъ архимандритомъ.

И. Каманинъ.

Рабочія пѣсни лубенскаго уѣзда, полтавской губерніи, собранныя въ 1890—93 гг. Производство табака въ лубенскомъ уѣздѣ сопровождается извѣстными юридическими и экономическими обыкновеніями и рядомъ пѣсенъ, распѣваемыхъ работницами въ періодъ

найма. Самый наемъ по народнымъ понятіямъ долженъ быть совершенъ непремѣнно въ избѣ нанимающагося. Тотчасъ послѣ крещенія, сюда являются: панъ, паничъ, управляющій, или приказчикъ, съ табачникомъ [1]), и договариваются какъ съ работницей [2]), такъ и съ ея родителями. Наемъ считается совершеннымъ съ принятіемъ задатка отъ 2 до 6 руб., или части его въ размѣрѣ 1 руб., работницей. Принятія задатка достаточно для дѣйствительности договора, особенно если послѣдній заключается въ своемъ, или ближайшемъ селѣ. Въ отдаленныхъ отъ мѣста исполненія договора селеніяхъ дѣвушекъ приглашаютъ еще въ мѣстное волостное, или сельское управленіе, гдѣ оформляютъ договоръ и добавляютъ задатокъ, если раньше онъ былъ выданъ въ неполномъ размѣрѣ. Таковъ общепринятый способъ совершенія договора, но бываетъ и другой: дѣвушка, раньше служившая въ извѣстной экономіи, дѣлается «ватажкомъ», т. е. набираетъ для этой экономіи своихъ подругъ, за что получаетъ отъ хозяина лишнюю награду. Существенныя принадлежности личнаго найма: срокъ [3]) договора и цѣна нормированы обычаемъ—первый, начинаясь съ 25 марта, оканчивается 14-го, или 21-го ноября («съ Благовищання до Пущання, або до Ведення»), вторая доходитъ съ 26 до 30 руб. и чернаго шерстянаго платка, цѣной въ 1 руб. [4]). Кромѣ этого платка, работницы одаряются еще другимъ платкомъ, матеріей на корсетъ, запаской, рушникомъ, или намистомъ. Дальнѣйшая заработная плата выдается рабочимъ къ мѣстнымъ ярмаркамъ: троицкой, спасской и покровской, по 5 руб. на каждую, остатокъ—при окончаніи найма.

Явившись послѣ Благовѣщенья, рабочіе прежде всего очищаютъ къ празднику экономическую усадьбу, дворъ и садъ, засорившіеся зимой, затѣмъ отчасти продолжаютъ заниматься работами посторонними табаководству: мажутъ, чистятъ зерно, прядутъ и шьютъ, главнымъ же образомъ налаживаютъ весь строй табачнаго производства

---

[1]) Табачникъ — главный распорядитель производства, отъ его искусства и энергіи зависитъ успѣхъ предпріятія.

[2]) На плантаціяхъ примѣняется почти исключительно женскій трудъ.

[3]) Отсюда и самое названіе времени найма работницъ и пѣсенъ: строкъ, строкова, строкивьски, або табашни, писни.

[4]) Цѣна мальчику на тотъ же срокъ 28—30 руб. и поясъ, мужчинѣ (косарю) 40—50 руб. съ Троицы по 15 октября, или по 7 руб. въ мѣсяцъ за 4 мѣсяца. Эти цѣны не зависятъ отъ колебанія цѣнъ на табакъ, или отъ количества рабочихъ рукъ на рынкѣ (замѣчаніе Г. Вороного въ брошюрѣ: о причин. таб. кризиса. Кіевъ 91 г., стр. 121, о паденіи заработной платы, въ луб. уѣздѣ—не подтверждается).

такъ, чтобы впослѣдствіи въ горячую рабочую пору не было ни за чѣмъ остановки; мужчины и мальчики поправляютъ рвы и плетни, рубятъ и устанавливаютъ жерди (рештовання) и хворостины (глыци) для развѣски созрѣвшаго табака, а дѣвушки сшиваютъ мѣшки и рядна. Съ первыми теплыми днями сѣютъ табакъ на плантаціяхъ [1]), а когда онъ взойдетъ, то полютъ и очищаютъ посѣвъ отъ комьевъ земли такъ, чтобы ряды взошедшаго табака лежали ровными, зелеными нитями. Густые ряды табака прорываютъ для того, чтобы отдѣльныя растенія могли разростаться привольнѣе во всѣ стороны; а пустыя мѣста засаживаютъ вновь табакомъ. Когда табакъ подростетъ, то въ корнѣ подщипываютъ верхніе и нижніе листья, оставляя всего 5—6 и скидывая вершокъ. Ряды и промежутки между ними очищаютъ отъ сорныхъ травъ мотыками (сапуютъ), а въ іюлѣ,—съ стеблей обрываютъ желтые цвѣты, уничтожающіе крѣпость табака (пасынкуютъ). Въ началѣ августа табакъ рубятъ, сначала выбирая созрѣвшіе корни, затѣмъ идетъ сплошная рубка. Срубленный табакъ нанизываютъ корнями на тонкія хворостины и развѣшиваютъ въ сараяхъ на жердяхъ, а когда онъ высохнетъ, то спускаютъ внизъ и вяжутъ въ небольшія связки (папуши). Съ открытія весны до жатвы трудъ рабочихъ на плантаціяхъ прерывается только краткими остановками для принятія пищи; съ начала жатвы до 1-го сентября дается двухчасовой отдыхъ, вмѣстѣ съ обѣдомъ. Но такія непрерывныя занятія не оказываютъ вреднаго вліянія на здоровье рабочихъ, потому что всѣ указанные процессы обработки табака происходятъ на свѣжемъ воздухѣ, кромѣ кладки, которая производится въ особыхъ длинныхъ избахъ (казармахъ). Здѣсь крѣпкій запахъ спѣлаго табака вызываетъ головокруженіе, даже обмороки, у дѣвокъ, еще не привыкшихъ къ этому запаху.

Основаніе крестьянской пищи—ржаной хлѣбъ—въ экономіяхъ не можетъ сравниться въ хлѣбомъ, приготовляемымъ крестьянами для себя. Экономическій хлѣбъ черенъ, не всегда хорошо выпеченъ, особенно если печется въ большихъ формахъ, въ родѣ пряниковъ. Съ весны, на завтракъ въ $8^1/_2$ часовъ иногда дается рабочимъ только хлѣбъ съ солью, или остатки кислой капусты и огурцовъ, также жид-

[1]) Въ сѣверной части луб. уѣзда, гдѣ издавна сосредоточены табачныя плантаціи и производится табакъ лучшаго качества („Главнѣйш. результ. изслѣдов. Мал. табаководства Ө. Базинера, Кіевъ 55 г., стр. 16—18), посадка табака оставлена,—весь онъ сѣется“.

кая пшенная и ячная каша («кандёръ», «дубовый»), по мѣстамъ кислое молоко. Въ 12 часовъ колоколъ сзываетъ рабочихъ къ обѣду, состоящему изъ борща съ небольшимъ количествомъ сала, въ постные дни олеи, или тарани, также бураковъ, картофеля, изрѣдка чечевицы, которую мѣстная пѣсня называетъ «нещасною». Борщъ подается въ особыхъ ночвахъ («ваганкахъ»). Послѣ него подаютъ пшенную, или ячную кашу, разведенную борщемъ, или съ олеей, саломъ, смальцемъ и молокомъ. Поспѣвающія овощи позволяютъ нѣсколько разнообразить столъ: кашу замѣняетъ печеная, или вареная тыква, горохъ, изрѣдка кукуруза. Фасоль никогда не дается рабочимъ, такъ какъ садится въ ограниченномъ количествѣ и считается отчасти лакомствомъ. На полдникъ прибавляютъ къ хлѣбу лукъ, затѣмъ огурцы, сливы, дыни, арбузы и лѣсныя груши. Ужинъ въ 8—9 часовъ вечера состоитъ изъ гречаныхъ, рѣже пшеничныхъ галушекъ, лапши, похлебки съ картофелемъ, или того же неизбѣжнаго кандёра. Пироги и вареники даются рабочимъ только на заговѣны, да еще развѣ на балахъ, которыми заканчивалась обработка табака еще въ недавнее время.

Къ балу хозяинъ приготовлялъ, бывало, достаточное количество водки, приготовлялъ отборныя блюда: похлебку съ мясомъ, пшеничныя галушки, пироги, кныши, вареники, нѣкоторое количество дешевыхъ деревенскихъ лакомствъ: орѣховъ, рожковъ. Въ Снѣтинскихъ экономіяхъ пекли прежде пряники на меду. Нанималась музыка, дѣвки являлись разодѣтыя какъ на свадьбу: въ цвѣтахъ, «косныкахъ», плахтахъ. Молодежь танцовала до утра. Теперь балы повсюду отмѣнены отчасти вслѣдствіе дороговизны, частью же по замѣченному дурному вліянію ихъ на нравственность, и наемъ оканчивается разсчетомъ дѣвушекъ и отдачей имъ подарковъ.

Во время найма, дѣвушки поютъ слѣдующія пѣсни, на одинъ голосъ.

1.

Ой ты ранку, ранку,
Ховайся у ямку,
А ты пидвечирку
Ховайсь у ганчирку.

(Запис. въ 91 г. отъ кр. х. Яновщины).

2.

Ой дай Боже зъ неба,
Чого намъ треба!
Дай Боже дощъ,
Абы не морозъ.
На панове сино,
Щобъ каменемъ сило.
Хоть недиль на пьять,
Абы погулять!
Хоть недиль на симъ,
Погулять усимъ.

(Въ 92 г., отъ кр. х. Тернавщины).

3.

Ой паночку добродію,
Пускай рано у недилю
Сорочечкы прать,
Головкы чесать.
Сорочка биленька,
Головка гладенька.
Матинка ридненька,
Нашъ панъ соловейко
Пускае раненько,
Пускае и въ день
Молодыхъ людей (2)
До малыхъ дитей,
Молодыхъ дивчатъ
До хлопцивъ гулять.

(Тогда же, отъ нея).

4.

Чужи паны робочи
Держать людей до ночи
Нашъ панъ соловейко
Пускае раненько.
Пускае и въ день
Молодыхъ людей
До малыхъ дитей.

(Въ 91 г., отъ кр. с. Литвяковъ).

5.

Що про пана можно жыть,
Про табашныка—тужыть,

Що про пана, про купця,—
Табашныка подлеця.
Що винъ рано устае,
На работу ганяе.
На работу мы йдемо,
Сухарыкы грыземо,
А зъ роботы идемо
Гирки слёзы лiемо [1]).

(Въ 91 г., отъ коз. с. Литвяковъ).

6.

Наши паны генералы
Нерозсудлывiи.
Хлиба, солы дають мало,
На роботу гонять рано.
Хлиба, солы не щытають,
До роботы пригоняють.
Прыйшло время праздышнее
Намъ хочется погулять (2)
Наши паны не велять.
Наши паны не велять.
Наши паны полягалы,
А мы пiйшлы погулялы,
Небогато прогулялы:
Изъ вечора до пивночи,
А съ пивночи до утра.
Прыходымо по утру,
На насъ розокъ по пучку,
А мы сталы просытыся,—
Воны велять ложытыся.

(Въ 91 г. отъ кр. с. Литвяковъ).

7.

(Варiантъ).

У насъ паны полковiи,
Нерозсудлывiи,
Хлиба, солы дають мало,
На работу гонять рано,
На работу идемо
Сухарыкы грызсмо,

---

[1]) Въ этой пѣснѣ приведены главныя причины оставленія работъ рабочими дурная, недостаточная пища и рѣже – злой, приневоливающій къ работѣ („пригинчій"): табачникъ („тютюнныкъ").

А зъ роботы идемо
Дрибни слезы ліемо.
Якъ прыйде та недилонька,
Намъ хочется погулять (2)
Наши паны не велять.
Якъ обкладемъ панивъ спать,
Сами на всю ничъ гулять.
Хочъ спынушка набыта,
Такъ дѣвушка нажыта.
Хочъ спынушка болыть больно,
Нагулялысь предовольно[1])
(Въ 91 г., отъ кр. х. Яновщины).

8.

Наши паны, якъ жыды
Ненашои виры,
Мы й доси не йилы!
(Въ 91 г., отъ кр. с. Литвяковъ).

9.

Ой матинко вышня,
Десь я й у васъ лышня,
Що вы мене въ срокъ послалы,
Де я не прывышна.
Ты думаешь ненько,
Що тутъ мени добре,
Прыйды, ненько, подывыся,
Яке мени горе!
(Въ 91 г., отъ кр. х. Николаевки).

10.

Уже сонце на лану,
Я й до дому полыну.
Полынула бъ я,
Неволя моя.
Якъ бы моя воля,
Сыдила бъ я дома;
Дома въ холодку
Въ вышневимъ садку.
Шыла-бъ я сорочку
Въ вышневимъ садочку

---

[1]) Оба вар. временъ крѣпостнаго права.

Шыла бъ, вышывала,
Плакала, рыдала.
(Въ 91 г., отъ кр. х. Николаевки);
(У Чуб., т. 3, № 49, стр. 248,—отлична).

11.

Уже сонця трошкы
Кусають насъ мошкы,
Кусають и тнуть,
Робыть не дають.
Уже сонце котытся,
Намъ до дому хочется,
А мы не йдемо,
Прыказу ждемо.
Покы панъ прыкаже,
Пару коней запряже.
Сидай, поганяй,
Боже помогай.
(Въ 91 г., отъ кр. м. Снѣтина).

12.

(Варіантъ I).

Ой паночку нашъ,
Намъ до дому часъ.
Уже часъ давно,
А мы не йдемо,
Прыказу ждемо.
Прыказу нема,
Пойду я сама.
(Въ 92 г., отъ кр. х. Николаевки).

13.

(Варіантъ II).

Ой дядечку нашъ, нашъ,
Намъ до дому часъ, часъ,
А мы нейдемо,
Прыказу ждемо (2)
Одъ дядька свого.
Покы дядько прыкаже,
Пару коней запряже,
Сидай, тай бижы,

Боже поможы!
Сидай, поганяй,
Боже помогай.

(Въ 91 г. отъ кр. с. Литвяковъ).

14.

(Варіантъ III).

Уже сонце котытся,
Намъ до дому хочется.
Хочется давно,
А мы не йдемо,
Прыказу ждемо (2)
Одъ дядька свого (2)
Молодого.

(Въ 91 г., отъ коз. с. Хорошкова, Снѣт. вол.).

15.

Ой дядечку, добродію,
Пусты рано, на недилю,
Сорочечку взять,
Киску росчесать.

(Въ 91 г., отъ кр. с. Литвяковъ).

16.

Що въ чужого табашныка
До дому пора,
А въ нашого . . . .
Щей думкы нема.
Покы . . . почухае
Тай табакы понюхае,—
Той прыйде пора.

(Въ 91 г., отъ кр. с. Литвяковъ).

17.

Ой дядечко добрый,
Пошый кожухъ довгый
И смихъ и бида—
Жинка молода!

(Въ 91 г., отъ кр. с. Литвяковъ).

18.

Недалеко край,
Боже помогай,
Щей до обнижка,
Тамъ перогивъ дижка,
Щей до борозны,
Боже поможы.

(Въ 91 г., отъ кр. х. Николаевки).

19.

Одчыняй пане погребы,
Бо вже сино погреблы.
Погреблы й поклалы,
До полудня спалы.

(Въ 91 г., отъ коз. с. Хорошковъ).

20.

Уже сонце на причилку,
Трясе дядька за печинку,
Трясы, не трясы,
По копи дасы,
А якъ на таку,
Та по пьятаку,
А якъ на долыни,
По чотыри грывни.

(Отъ нея-же, тогда-же).

21.

(Варіантъ).

Уже сонце надъ лыпкою,
Трясе нашъ панъ калыткою,
Трясы не трясы, по копи дасы,
А якъ на таку, той по четвертаку,
А якъ на котору,—той по золотому.

(Въ 92 г., отъ крест. м. Снѣтина).

22.

Уже сонце на причилку,
Бере пана за печинку.
Нехай же бере, не перестае,

И въ донь, и въ ночи,
Въ кутку й на печи.

(Въ 91 г., отъ кр. с. Литвяковъ).

23.

Наша пани нижна
Тры дни на пичъ лизла,
И смихъ и бида—
Пани молода.

(Въ 92 г., отъ кр. с. Литвяковъ).

24.

Наша пани нагидочка,
Ей у неи горилочка,
И сама не пье,
И намъ не дае.

(Въ 91 г., отъ кр. х. Николаевки).

25.

Наша пани велыка
Зарубала индыка.
Сама пожыла
И намъ не дала.

(Въ 91 г., отъ кр. того же хутора).

26.

Наша пани пышна
За ворота выйшла;
Выйшла тай стоить
Обидать идить!
Тай вынесла тры скрыпочки,
А четвертый басъ.
Наши дивкы скокы въ бокы,
А сырота въ плачъ;
Якъ бы мени ридна маты,
То ябъ краще васъ.

(Отъ нея, тогда-же).
(У Чуб., т. 3, стр. 247, № 47, Б.—отлична).

27 [1]).

Зайшло, зайшло сонечко
За зеленый лисъ,
Доробымо до вечера,
Тай нехай вамъ бисъ!
Не прыйдемо бильшъ!

(Въ 92 г., отъ кр. с. Литвяковъ).

28.

Ой паночку нашъ, нашъ,
Вечеряты дашъ, дашъ,
А якъ не дасы,
Завтра й не просы,

(Въ 91 г., отъ кр. хут. Николаевки).

29.

Одчыняй панъ ворота,
Бо йде твоя робота,
Одчыняй, не гай,
Вечерять давай.
Одчыняй панъ фиртку,
Давай намъ горилку,
А якъ не дасы,
Завтра й не просы.

(Отъ нея же, тогда).
У Чуб., т. 3, стр. 234,—сходство отдаленное.

30.

Ой тетеря, тетеря [2])
Чы готова вечеря?
А якъ не готова,
То не сыды дома,
А якъ готовенька—
Сыды веселенька,
Ногы пидобгай,
Вечеряты дай

(Въ 91 г., отъ кр. х. Николаевкѣ).

31.

Колыбъ же намъ Господы до пущання дожыты,
Тай у свого пана рощотъ получыты.

---

[1]) Пѣсни за № 27—29 говорятъ объ оставленіи работъ; вообще дѣвушка считаетъ позорнымъ не выбыть срокъ, почему оставленіе работъ быв. чаще толпой.

[2]) Кухарка.

Становиться, дивчата, тай помолымось Богу,
Помолымось Богу, пидемъ разомъ до дому.
Та пишлы мы до дому не раненько—пизненько,
Тай одчыны ненько перегриты серденько.
Стала ненька одчыняты,
Стала важко здыхаты,
Стала своихъ дитей горько проклынаты.
Де лито робылы, туды йдить зимуваты.
Де лито робылы, та не було чуткы, звисткы,
А на зиму прыйшлы готового хлиба йисты.
Пысалы ляшкы до Полтавцивъ висти:
Та йдить Полтавци до насъ рыбы йисты.
А хлопци—Полтавци назадъ одказалы,
Брешете ляшкы—вы кандеремъ годувалы.

(Въ 90 г., отъ кр. с. Пѣсокъ).

Примѣч. Послѣдняя пѣсня затрогиваетъ любопытный вопросъ о томъ, какой долей заработка пользуется работница? Въ сѣв. волостяхъ дѣвушка получаетъ очень мало; иногда ей дѣлаютъ изъ этихъ денегъ приданое: скрыню, кожушинку, образа, почему дѣвушка старается получить деньги къ ярмаркамъ. Въ окрестностяхъ Лубенъ, работница иногда платитъ только родителямъ за зимовлю 5 руб, а вся заработанная плата остается ей, если не хочетъ платить 5 руб., то должна служить и зиму.

В. Милорадовичъ.

Мелкія извѣстія.

Уничтоженіе остатковъ Ярославова вала въ Кіевѣ. Кіевскія газеты (Кіевлянинъ въ № 208 и Жизнь и Искусство въ №№ 215, 229, и 236) на своихъ страницахъ помѣстили статьи, въ которыхъ выражается сожалѣніе объ уничтоженіи древняго Ярославова вала въ Кіевѣ, поводомъ къ чему послужило слѣдующее: по представленію кіевскаго губернскаго акцизнаго управленія, министерство финансовъ въ іюнѣ текущаго года пріобрѣло отъ Рокачевскаго, для устройства оптоваго виннаго склада, необходимаго при введеніи въ Кіевѣ съ будущаго года казенной продажи питей, усадьбу на углу Кудрявскаго (Обсерваторнаго) и Подвальнаго переулковъ, въ которой находился сѣверный уголъ (бастіонъ) крѣпостнаго вала, извѣстнаго подъ названіемъ «Ярославова вала». Какъ излагаетъ г. Кибальчичъ въ статьѣ, напечатанной въ газетѣ «Жизнь и Искусство», эта усадьба въ глубокой древности представляла городокъ или городище доисторическихъ обитателей Кіева, въ чемъ убѣждаютъ археологическія находки,

сдѣланныя нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при прокладкѣ и расширеніи Подвальнаго переулка, и въ настоящемъ году, при расчисткѣ усадьбы для устройства виннаго склада, а также рѣзко обрисовавшаяся древнѣйшая насыпь (основаніе) упомянутаго вала, отдѣляющаяся отъ позднѣйшей (Ярославова сооруженія) тонкою полосою черной земли. Такимъ образомъ, въ мѣстности этой усадьбы остатки древняго городища послужили основаніемъ для крѣпостнаго вала, которымъ во времена вел. кн. Ярослава былъ обнесенъ весь старый Кіевъ и который доходилъ до 10 саж. высоты и до 15 саж. ширины (въ основаніи).

Уничтоженіе старокіевскихъ земляныхъ укрѣпленій началось въ первой половинѣ текущаго столѣтія, вслѣдствіе необходимости возведенія новыхъ каменныхъ построекъ и улучшенія гигіеническихъ условій быстро заселявшагося и отстраивавшагося города. Въ усадьбѣ, о которой идетъ рѣчь, вслѣдствіе нахожденія ея въ захолустномъ узкомъ переулкѣ, гдѣ земля не представляла большой цѣнности при эксплоатаціи въ ряду городскихъ имуществъ, вышеупомянутый валъ уцѣлѣлъ до настоящаго года. Онъ состоялъ изъ сплошной массы сбитой съ пескомъ глины, по крѣпости своей не уступающей твердости кирпича, такъ что, разрушая валъ, строителямъ оптоваго виннаго склада приходилось разбивать его желѣзными ломами, и то съ большими усиліями. Валъ этотъ имѣлъ со стороны Подвальнаго переулка, обращеннаго къ Подолу, до 12 аршинъ высоты, а со стороны того же переулка, обращеннаго къ Глубочицѣ, отъ 3 до 10 аршинъ; внутри вала была довольно обширная котловина, которая возвышалась надъ уровнемъ Подвальнаго переулка на 1½ или 2 саж. и въ которой, подъ прикрытіемъ валовъ, могло вмѣщаться значительное количество древняго войска. Положеніе этого бастіона древней крѣпости, говоритъ г. Кибальчичъ, неприступность къ нему со стороны долины р. Глубочицы, по которой издревле протекала дорога изъ Галиціи, а также связь этого бастіона съ валами и бастіонами, окружавшими старый Кіевъ, свидѣтельствуютъ о важномъ значеніи его въ исторической топографіи Кіева; это былъ какъ бы передовой фортъ укрѣпленнаго стараго Кіева, откуда удобнѣе, чѣмъ съ какого-нибудь другого пункта, можно было распоряжаться войсками при защитѣ города и предупреждать населеніе о появленіи непріятеля съ той или другой стороны огромной долины Глубочицы и другихъ отдаленныхъ мѣстъ.

Съ пріобрѣтеніемъ усадьбы министерствомъ финансовъ истекшимъ лѣтомъ, существовавшій въ ней старинный садъ былъ вы-

рубленъ, заборы и постройки снесены, и затѣмъ сотни рабочихъ, вооруженныхъ желѣзными ломами и кирками, стали поспѣшно разбивать Ярославовъ валъ и отвозить огромныя, по нѣсколько пудовъ, глыбы этого вала въ Обсерваторный оврагъ и въ другія сосѣднія усадьбы. Въ настоящее время валъ уже снесенъ, затѣмъ на площади усадьбы сдѣлана большая выемка земли въ уровень съ Подвальнымъ переулкомъ, и такимъ образомъ послѣдній остатокъ древняго старокіевскаго укрѣпленія, построеннаго Ярославомъ, сѣверный его бастіонъ, вмѣстѣ съ находившимся подъ нимъ валомъ древнѣйшаго городища,—уничтоженъ и стертъ съ лица земли.

Сносъ вала и городища въ уровень съ Подвальнымъ переулкомъ обнаружилъ площадь, состоящую изъ глины, перемѣшанной съ пескомъ, въ обрѣзахъ которой, при копаніи канавъ подъ фундаменты проэктированнаго зданія виннаго склада, были обнаружены коричнево-красныя волнообразныя прослойки, указывающія на древнѣйшее происхожденіе горы. Въ этомъ же древнѣйшемъ слоѣ, мѣстами рыхломъ и состоявшемъ изъ чистаго бѣлаго песку, въ канавахъ, приготовленныхъ для фундаментовъ, были замѣчены обрѣзы ямъ разнообразной формы и величины, заключавшихъ въ себѣ черную землю, перемѣшанную съ другими предметами, и уходившихъ далеко въ почву, почему ямы эти не могли быть вполнѣ изслѣдованы.

Одна изъ ямъ, открытыхъ въ остаткахъ древняго городища, имѣвшая въ діаметрѣ отъ 5 до 6 аршинъ, заключала въ себѣ нѣсколько тысячъ роговъ животныхъ, отпиленныхъ и подостренныхъ на подобіе короткихъ кинжаловъ, которые, повидимому, представляютъ собою боевыя орудія доисторическаго человѣка, относящіяся къ переходной эпохѣ отъ каменнаго къ желѣзному вѣку. Рядомъ съ этою ямою, была замѣчена другая яма, имѣвшая въ своемъ четырехъ-угольномъ основаніи отъ 5 до 6 аршинъ и заключавшая въ себѣ множество человѣческихъ костей, перемѣшанныхъ съ костями лошадиными. По мнѣнію г. Кибальчича, первая яма была, быть можетъ, складомъ боеваго оружія въ укрѣпленномъ валомъ древнѣйшемъ городищѣ, а вторая представляетъ собою общую боевую славянскую могилу.

Кромѣ того, въ усадьбѣ при вышеописанныхъ раскопкахъ и на мѣстахъ свалокъ земли, вывезенной изъ усадьбы, были найдены разные другіе предметы, которые г. Кибальчичъ раздѣляетъ на двѣ группы, относя къ первой изъ нихъ первобытные и доисторическіе предметы, добытые изъ земли городища, открытаго подъ Ярославовымъ валомъ, а ко второй—предметы, находившіеся въ Ярославо-

вомъ валу и части площади бастіона, относимой къ болѣе позднему наслоенію. Къ первобытнымъ древностямъ относятся орудія изъ роговъ животныхъ, кремневые скребки, кусокъ кремня отъ большаго круга съ слѣдами употребленія его, какъ шлифовальнаго орудія, точильный камень и глиняная бусина съ прямолинейнымъ орнаментомъ. Къ болѣе позднимъ доисторическимъ предметамъ г. Кибальчичъ относитъ другой точильный камень, сосудъ изъ черной глины, сдѣланный безъ помощи гончарнаго станка, бронзовый топорикъ и глиняный сосудъ въ видѣ ставана, а къ эпохѣ исторической относятся остальные предметы, какъ-то: бусы изъ глины, шифера, янтаря, кости, металла и разноцвѣтной композиціи, бронзовые браслеты, мѣдный медальонъ, мѣдная монета (какъ полагаютъ—великаго князя Владиміра), бронзовый наконечникъ стрѣлы, тигель для сплава драгоцѣнныхъ металловъ, формы изъ шифера для отливки ювелирныхъ издѣлій, кусокъ бронзовой серьги, бубенчики изъ мѣди, клейма изъ кости для украшенія посуды съ клеймомъ на днѣ въ видѣ грифа, кусокъ заостренной палочки изъ слоновой кости (быть можетъ—орудіе для письма и чертежей), разные остатки предметовъ изъ бронзы и мѣди, зубы дикаго кабана и проч.

Болѣе подробныя свѣдѣнія о всѣхъ этихъ предметахъ, съ приложеніемъ снимковъ ихъ, читатель можетъ найдти въ вышеупомянутой статьѣ г. Кибальчича, въ газетѣ «Жизнь и Искусство».

Предстоящая въ Кіевѣ выставка историческихъ памятниковъ. Какъ сообщаютъ кіевскія газеты, состоящая подъ предсѣдательствомъ кіевскаго генералъ-губернатора коммиссія по учрежденію въ Кіевѣ историческаго и художественно-промышленнаго музея, предполагая въ будущемъ 1896 году совершить закладку означеннаго музея, постановила открыть къ тому же времени въ Кіевѣ выставку историческихъ памятниковъ и художественныхъ предметовъ, пригласивъ къ участію въ семъ дѣлѣ различныя сословія и учрежденія юго-западнаго края, а также отдѣльныхъ лицъ, могущихъ содѣйствовать успѣху выставки, какъ личнымъ трудомъ по устройству ея, такъ и присылкою имѣющихся у нихъ цѣнныхъ, по историческому или художественному ихъ значенію, предметовъ. Съ этою цѣлью отъ имени коммисіи разосланы приглашенія, и отъ нѣкоторыхъ учрежденій и лицъ уже получены благопріятные отвѣты. Присланные для выставки предметы, впредь до окончательнаго размѣщенія ихъ, будутъ храниться въ университетѣ св. Владиміра подъ охраною особо къ тому довѣренныхъ отъ коммиссіи лицъ.

Отзывъ французскаго писателя о Кіевѣ. Путешествовавшій по Германіи и написавшій интересное сочиненіе о нѣмцахъ, а затѣмъ съ 1892 года три раза бывавшій по долгу въ Россіи (главнымъ образомъ въ Москвѣ и среднихъ губерніяхъ), молодой французскій писатель Жюль Легра (Legras), авторъ сочиненія «Sielhouettes de femmes russes», недавно издалъ въ Парижѣ книгу: «Au pays russe», въ которой даетъ слѣдующій любопытный отзывъ о Кіевѣ: «Москва отличается торжественной красотой и подчиняетъ васъ великолѣпіемъ и разнузданностью колорита; красота Кіева очаровываетъ; она не оглушаетъ, а нѣжно охватываетъ сердце. Кажется, что подъ этимъ городомъ плаваетъ атмосфера изящества и пріятности, которую чувствуютъ самые нечувствительные. Откуда эта странная прелесть? Въ Россіи есть и другіе города, стоящіе надъ широкой рѣкой и плодородной равниной; но ни одинъ все-таки не даетъ того тонкаго впечатлѣнія, которое производитъ святой Кіевъ. Кажется, что немножко симпатичной и мягкой малороссійской живости вошло въ ихъ столицу и проявляется въ этой зелени съ бѣлыми пятнами, въ этихъ церквяхъ съ горящими золотыми куполами, въ этой голубой рѣкѣ, которая далеко тянется по роскошной долинѣ, въ этомъ блестящемъ небѣ, милостивомъ и кроткомъ. Горизонтъ, состоящій изъ нѣжныхъ расплывающихся оттѣнковъ, уходитъ, ни за что не задѣвая; воздухъ легокъ, жизнь спокойна и весела. Здѣсь далеки отъ той жадности, которая выстраиваетъ вокругъ современныхъ городовъ армію фабрикъ, но далеки также отъ апатичной примиренности сѣверной Россіи. Кіевъ—городъ улыбокъ и пѣсенъ вполголоса: слишкомъ шумное веселье, равно какъ и печаль, выступали бы пятнами въ его изнѣженно-изящной рамѣ». (Новое Время).

Лекціи о русской и малороссійской музыкѣ въ Брюсселѣ. По сообщенію «Петербургской Газеты», недавно въ Брюсселѣ директоръ одного изъ мѣстныхъ музыкальныхъ кружковъ и переводчикъ многихъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, Вальнеръ, въ салонѣ піанистки de-Smet читалъ лекціи о русской и малороссійской музыкѣ, которыя привлекли массу слушателей и имѣли большой успѣхъ. Всего было прочитано три лекціи, изъ которыхъ о малороссійской музыкѣ шла рѣчь только въ первой лекціи.

Предполагаемое изданіе памятниковъ старинной южно-русской литературы. Въ Львовѣ приготовляется къ печати систематическое

собраніе памятниковъ старинной южно-русской литературы, а именно—апокрифовъ, легендъ, притчей, повѣстей и т. п., вращавшихся среди южно-русской публики и сохранившихся въ южно-русскихъ, а особенно въ червонорусскихъ рукописяхъ. Изданіе будетъ состоять изъ четырехъ томовъ, и каждый изъ нихъ будетъ заключать въ себѣ: а) общее предисловіе, въ которомъ будетъ показано значеніе собранныхъ въ книгѣ памятниковъ, б) описаніе рукописей, изъ которыхъ заимствованы тексты, в) самые тексты съ историко-литературными поясненіями и библіографическими указаніями, г) словарь важнѣйшихъ словъ, употребляемыхъ въ текстахъ, д) указатель собственныхъ именъ и д) указатель темъ и предметовъ.

Галиція и Буковина въ изданіи «Oesterreich in Wort und Bied». Какъ видно изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ однимъ изъ львовскихъ журналовъ, трудъ составленія того отдѣла, который посвящается Галиціи въ давно предпринятомъ (по почину покойнаго принца Рудольфа) нѣмецкомъ изданіи «Oesterreich in Wort und Bied», былъ распредѣленъ между слѣдующими лицами: проф. Дуниковскій—описаніе Галиціи, Шайноха—геологія, Деметриневичъ—археологія и доисторическая эпоха, проф. Нат. Левицкій—исторія Руси до 1410 г., проф. С. Смолька—исторія Польши до 1340 г., М. Бобжинскій—дальнѣйшая исторія Галиціи, В. Лозинскій—городъ Львовъ, Ростафинскій—городъ Краковъ, Ол. Барвинскій—нравы и обычаи русиновъ, Матусякъ—нравы и обычаи мазуровъ, Сегель—нравы и обычаи галиційскихъ евреевъ, Германъ—нѣмецкая колонизація, проф. Верхратскій—діалектологія русинская, проф. Огоновскій—литература русинская (какъ уже сообщалось въ «Кіевской Старинѣ, этотъ сотрудникъ скончался), проф. С. Тарновскій—литература польская, Болазъ Антоневичъ и Соколовскій—искусство, Бѣлицкій—музыка, Пекосинскій—сфрагистика, Пилятъ—экономія и статистика, гр. Дѣдушицкій—домашніе промыслы. Рукописи должны были быть доставлены къ концу 1894 года, а въ настоящемъ году надлежало приступить къ печатанію ихъ. Иллюстраціи приготовляютъ главнымъ образомъ Фалатъ и Кохановскій.

Для отдѣла Буковины въ сотрудники приглашены: Семичиновичъ-Штайфого—для описанія края, Сомбатій—для доисторической эпохи, Дм.Ончіюль Полекъ и Цигляверъ—для мѣстной исторіи, Ключенко, Сбиръ, Моріанъ, Монастырскій, Кайндль, Данъ, Полекъ

и Ромстоферъ—для этнографіи, Сбиръ, Калужняцкій и Вольконъ-для литературы, С. Ончіюль—для изложенія религіозныхъ греко-православныхъ основъ, Воробкевичъ—для музыки, Захаръ, Эклъ, Кляйнвехтеръ, Вотлицкій и Кольбенгаеръ—для экономіи и промысловъ. Рукописи должны быть изготовлены къ концу настоящаго года.

ПОПРАВКИ.

Въ предыдущей (сентябрьской) книжкѣ «Кіев. Стар.» вкрались опечатки въ статью: «Іоаннъ Вышенскій, его жизнь и сочиненія» на стр. 226, строка 16-ая, *напечатано*: 1569, *должно быть 1589.*

стр. 233, стр. снизу 11-ая «достигла», *д. б.* «*достигала*».

стр. 235, стр. 20-ая: «ἐλευθερῶν», *д. б.* «ἐλευθερώσων».

стр. 237, стр. снизу 8-ая: «памятники», *д. б.* «*памянники*».

стр. 241, стр. 23-ая: «буддійскаго прошлаго вліянія», *д. б.* «*б. пришлаго вл.*».

БИБЛІОГРАФІЯ.

Stanisław Ciszewski. Krakowiacy. Monografia etnograficzna. Tom I. Kraków. 1894. 8⁰, str. 383.

Названная книга представляетъ собою начало обширнаго труда, задуманнаго г. Цишевскимъ. Можемъ смѣло сказать, что даже въ польской этнографической литературѣ, значительно превосходящей русскую, какъ по качеству, такъ и по количеству сборниковъ, этотъ новый трудъ займетъ почетное мѣсто. Въ первомъ томѣ мы находимъ рядъ преданій, сказокъ—чисто фантастичныхъ, бытовыхъ и «моральныхъ», какъ назвалъ ихъ собиратель; затѣмъ слѣдуютъ сказки о звѣряхъ и, наконецъ, загадки и разныя замысловатыя задачи для испытанія догадливости и сообразительности. Въ концѣ приложенъ азбучный указатель предметовъ, упоминаемыхъ въ помѣщенныхъ здѣсь сказкахъ и загадкахъ. Собиратель, видимо, положилъ не мало труда на составленіе этого сборника. Ему пришлось вдоль и поперекъ изслѣдовать всю территорію, занимаемую племенемъ краковяковъ: но этотъ трудъ не пропалъ даромъ: дальнѣйшіе томы «Krakowiaków» сдѣлаютъ извѣстнымъ весь собранный г. Цишевскимъ матеріалъ; сюда войдутъ: во II т.—обрядно-бытовой календарь, описаніе родинъ, крещенія, свадьбы, погребенія, игръ и забавъ и всевозможныя повѣрья, живущія въ средѣ краковьяковъ. Третій томъ составятъ пѣсни. Въ четвертый войдутъ антропологическія наблюденія, статистическіе и лингвистическіе матеріалы, къ нему будетъ приложена и этнографическая карта съ указаніемъ границъ разселенія краковяковъ.

Собиратель не брезговалъ варіантами, и мы находимъ у него порой по нѣсколько сказокъ одного содержанія; такимъ образомъ ни

одна подробность не ускользаетъ отъ читателя, изучающаго народныя сказки. Съ другой стороны, это обиліе матеріала даетъ возможность изучить краковскій говоръ во всѣхъ мельчайшихъ оттѣнкахъ, о сохраненіи которыхъ г. Цишевскій заботится очень усердно. Мы могли бы поставить въ вину г. собирателю лишь одно обстоятельство—полное отсутствіе указаній хотя бы на польскіе варіанты сказокъ, появившіеся въ другихъ изданіяхъ; но онъ предвосхищаетъ наши нареканія своимъ заявленіемъ въ предисловіи, ссылаясь на слова извѣстнаго издателя Wisły г. Карловича, который находитъ, что, если мы будемъ требовать подробнаго комментарія къ издаваемому матеріалу, то послѣдній будетъ совершенно исчезать въ безконечномъ комментаріи. На это можемъ возразить: изданія въ родѣ извѣстнаго труда Cosquin'a «Coutes Jorraines», разумѣется, пока являются роскошью, но—необходимо указаніе хотя бы на параллели изъ словесности той же народности, которая дала матеріалъ для настоящаго сборника. Во всякомъ случаѣ—пожелаемъ г. Цишевскому удачно и быстро закончить свой прекрасный трудъ.

В. П.

Пережитки древняго міросозерцанія у бѣлоруссовъ. Этнографическій очеркъ А. Е. Богдановича. Гродна. 1895, стр. III + 186. 12°.

Наша этнографическая литература вообще не особенно богата; при томъ большую часть книгъ и статей не станетъ читать большая публика, обычный средній читатель; все это—сборники сырого матеріала, едва обработаннаго и представляющаго интересъ лишь для спеціалистовъ. Книжка г. Богдановича, печатавшаяся отдѣльными статьями въ «Научномъ Обозрѣніи» за 1894 годъ, представляетъ интересъ, какъ опытъ обобщенія фактовъ изъ жизни бѣлоруссовъ и отчасти жителей Полѣсья и объясненія многихъ изъ нихъ по теоріи Тэйлора и антропологовъ его школы. Въ прошломъ году мы однажды останавливались на подобномъ же опытѣ г. Довнара Запольскаго и указывали на его достоинства и недостатки. Этихъ послѣднихъ въ книжкѣ г. Богдановича, меньше, хотя все-таки есть. Обратимся сначала къ содержанію книжки.

Этнографическіе матеріалы, которыми воспользовался авторъ, собраны главнымъ образомъ въ центральной Бѣлоруссіи, въ уѣздахъ: борисовскомъ, игуменскомъ, минскомъ, слуцкомъ и новогрудскомъ

минской губерніи; сѣнновскомъ и оршанскомъ—могилевской и лепельскомъ—витебской. Авторъ разсматриваетъ и объясняетъ только тѣ преданія, повѣрья и обряды, въ которыхъ, по его мнѣнію, отразилось древнее міросозерцаніе. Всѣ записи сдѣланы авторомъ лично, что придаетъ имъ несомнѣнную цѣнность, но важнѣе всего то, что самъ г. Богдановичъ—уроженецъ Бѣлоруссіи и по своимъ служебнымъ занятіямъ стоитъ близко къ народу. Введеніе даетъ общую характеристику бѣлорусса, довольно не лестную для него; авторъ рисуетъ очень живо еще недавнюю зависимость бѣлорусса отъ пана и его довѣренныхъ и въ связи съ экономическимъ положеніемъ крестьянства ставитъ его умственное убожество и темноту. Первая глава трактуетъ о пережиткахъ фетишизма, и таковыхъ оказывается не мало. Во второй главѣ сгруппированы пережитки анимизма, въ третьей—пережитки олицетвореній, въ четвертой—солнечнаго культа. Пятая и шестая главы даютъ очеркъ демонологіи бѣлорусса; седьмая и восьмая—заключаютъ въ себѣ указаніе и объясненіе способовъ лѣченія, основанныхъ на суевѣрныхъ представленіяхъ; тутъ же о колдовствѣ, о колдунахъ и о различныхъ суевѣріяхъ, гнѣздящихся въ средѣ бѣлорусскаго крестьянства. Въ заключеніе—къ книжкѣ приложенъ толково составленный предметный указатель.

Теперь обратимся къ нѣкоторымъ частностямъ, внушающимъ сомнѣніе въ достовѣрности выводовъ г. Богдановича. Во первыхъ, онъ почти постоянно либо вовсе не указываетъ, откуда что беретъ, а если объ этомъ говоритъ, то почти всегда изъ вторыхъ рукъ: таковы цитаты изъ древнерусскихъ обличительныхъ словъ на суевѣрія.

За симъ, не смотря на заявленіе въ предисловіи, что руководителями автору служили: Тэйлоръ, Спенсеръ, Мечниковъ—мы находимъ удивительныя вещи въ текстѣ: такъ напр., на стр. 11 въ примѣч. г. Богдановичъ приводитъ давно оставленное мнѣніе Аѳанасьева о переряживаньи въ звѣриныя шкуры (которое будто бы «знаменовало облака, видъ свой мѣняющія, а дѣвка—алчущую землю»); на стр. 15—ссылка на мнѣніе «нѣкоторыхъ ученыхъ», будто бы «Зничь» (*существованіе* котораго теперь *даже* подвергнуто сильному сомнѣнію)—«самостоятельное божество, носившее высшее названіе Вѣчнаго Отца»! На стр. 64-й встрѣчаемся съ Чуромъ и съ оригинальнымъ объясненіемъ слова отчураться; на стр. 125 появляется Даждьбогъ, воспоминаніемъ о которомъ является обычай храненія ржи съ воткнутой въ нее свѣчей; на стр. 127 авторъ заявляетъ, что у древнихъ славянъ «мы встрѣчаемъ *бѣлъ-боговъ* и *черно-боговъ* (!) и т. д.—

однимъ словомъ миѳическая теорія, доведенная до абсурда и неимѣющая никакихъ фактическихъ данныхъ (напр. черно-богъ и пр.), царитъ въ книгѣ г. Богдановича, претендующей на научность.

Далѣе: на стр. 131 приводится преданіе о созданіи земли Богомъ и чортомъ: авторъ передаетъ его, не обмолвившись ни словомъ о массѣ разысканій и параллелей въ апокрифической литературѣ, считая это преданіе возникшимъ, очевидно, на бѣлорусской почвѣ. Авторъ на стр. 27 выражаетъ недовѣріе къ разсказамъ о провалахъ и исчезновеніи подъ землей *церквей*, полагая, что это «какъ то не вяжется съ христіанскимъ воззрѣніемъ, чтобы церковь, святыня, проваливалась»... Онъ предполагаетъ, что существовали ранѣе разсказы о провалившихся капищахъ языческаго времени, и потомъ эти преданія перенесены на церкви; достаточно сравнить съ этимъ массу легендъ великорусскихъ, чтобы отвергнуть домыслы г. Богдановича (см. легенды о Кидишѣ, Китежѣ-градѣ, Энц. Сл. Брокгауза и др. тамъ и литерат.). Авторъ ищетъ объясненія поклоненію скрипящимъ деревьямъ, хлѣбу и т. д. (стр. 29), пробуетъ объяснить поклоненіе послѣднему—воспоминаніемъ, или символизаціей Даждь Бога (стр. 125); это все излишнія мудрствованія; достаточно сравнить съ указаннымъ хотя бы гипотезы и выводы Mannhardt'a, Bastian'a, Тэйлора, повидимому извѣстнаго автору «Пережитковъ», и другихъ ученыхъ, хотя бы русскихъ, пользовавшихся обширнымъ матеріаломъ по растительной миѳологіи, гг. Сумцова, Мандельштама, чтобы не прибѣгать къ старой теоріи миѳологовъ, окончательно потерявшихъ кредитъ въ современной этнографіи.

Авторъ, видимо, мало знакомъ и со сборниками—даже бѣлорусскія игры онъ знаетъ только по своимъ наблюденіямъ, иначе онъ обстоятельнѣе остановился бы на игрѣ «Женитьба Цярэшки», представляющей большой интересъ для этнографа и соціолога. (См. лучшее ея описаніе у П. В. Шейна. Матеріалы т. I, ч. I). Все это лишаетъ книжку г. Богдановича того значенія, которое она могла бы имѣть, будучи написана серьезнѣе. Но все-таки за ней остается два большихъ достоинства—интересный матеріалъ и удобочитаемость, благодаря которой она найдетъ вѣроятно широкій кругъ читателей.

В. Перетцъ.

Извѣстія Таврической Ученой Архивной Коммиссіи. № 22. Симферополь. 1895 г. 8°. 133 стр.

Настоящая книжка Извѣстій заключаетъ въ себѣ слѣд. статьи: 1) Ордера кн. Пл. Ал. Зубова правителю таврической области, за 1795 г. *(продолж.)*. 2) Изъ дѣлъ Николаевскаго портоваго архива (Ордера кн. Потемкина, донесеніе капит. Клобукова о нефти, найденной на Кубани, въ Крыму, письма правителя таврической области Жегулина, отношенія кн. Зубова). 3) Историческій очеркъ крымско-татарскаго землевладѣнія *(продолж.) Ф. Ф. Лашкова*. 4) Документы по исторіи крымско-татарскаго землевладѣнія. 5) Раскопки кургановъ въ д. Тавкель-Найманъ, евпатор. у. 6) Письма управляющаго имѣніемъ Саблы, симферопольск. у., Я. Дахнова, писанныя во время войны 1854—1856 г. 7) Свѣдѣнія о дѣятельности Таврич. архивн. коммиссіи въ 1894 г.—Изъ перечисленныхъ статей главною является, конечно, изслѣдованіе г. Лашкова о крымско-татарскомъ землевладѣніи, о которомъ мы намѣрены подробнѣе поговорить послѣ окончанія этой работы [1]). Здѣсь же отмѣтимъ только два документа, напечатанные между ордерами кн. Зубова. Оба они настолько интересны для исторіи Малороссіи, что мы перепечатываемъ ихъ полностью.

Первый документъ заключаетъ въ себѣ *прошеніе мичмана Плевковскаго, поданное 3 января 1795 г. гр. Зубову* съ ходатайствомъ отвести ему и зятю его Андріяну Чепѣ, изъ пустопорожнихъ земель въ мелитопольскомъ уѣздѣ, десять тысячъ десятинъ земли, причемъ основаніемъ къ этому ходатайству указывается то обстоятельство, что «маленькая деревнишка его, называемая Чепурковка, пирятинскаго уѣзда, опустѣла почти совершенно чрезъ побѣги крестьянъ». Въ прошеніи своемъ Плевковскій пишетъ:

„Не много осталось мнѣ наслѣдія послѣ покойнаго отца, но въ продолженіе времени воспитанія моего въ морскомъ корпусѣ, у безпомощной вдовы, матери моей, и того поубавилось гораздо. Маленькая деревнишка наша, лежащая кіевскаго намѣстничества, въ пирятинскомъ уѣздѣ, называемая Чепурковка, опустѣла почти совершенно чрезъ побѣги въ екатеринославскую и таврическую губерніи. Лишиться до 25-ти душъ тому, кто имѣлъ и всѣхъ 50-тъ, много ли же ихъ останется? Но скудными сими остатками должна жить мать, быть отдѣлена сестра, вышедшая замужъ и мнѣ при маломъ жалованьѣ помогать. - И никому ничего ибо остальные, оплачивая подати за бѣжавшихъ и изъ недоимки еще не выходятъ. Въ сей всенижайшей (?) избирая всевозможнѣйшее, я прошу вашего сіятельства не оставить насъ милостію

---

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1895 г., февраль.

вашею. Величайшую мы въ томъ имѣть будемъ (милость?) естьли мнѣ и зятю моему кол. асес. Андреяну Чепѣ[1]) повелѣно будетъ дать никѣмъ незанятой еще земли, лежащей въ уѣздѣ мелитопольскомъ, вершину Бѣлозерки Янчокракъ (sic) или на Молочныхъ Водахъ—*десять тысячъ десятинъ*. И какъ бѣглецы оные не въ прокъ и тѣмъ, кто ихъ и въ помянутыхъ губерніяхъ принимаетъ, и они и тамъ, выигравши льготные года, также бродятъ, то, сіятельнѣйшій графъ по уваженію разоренія нашего, не оставьте снабдить меня, если кто уполномоченъ отъ меня будетъ открытыми и въ екатеринославскую и таврическую губерніи ордерами о поимкѣ и отдачѣ оныхъ, коихъ бы могли тамъ и поселить на вышепросимой землѣ. Столь велика надежда на милость ваш. с—ва, сколь велика и скорбь наша, потерявъ людей. Столь и благодарно вамъ будетъ, и все семейство наше, сколь чувствительно мы о помощи просимъ. (Слѣдуютъ „*имена бѣглымъ*").

Побѣги крестьянъ изъ Малороссіи, преимущественно въ Новороссію, были прямымъ слѣдствіемъ указа 3 мая 1783 г., которымъ узаконялось, что «каждый изъ поселянъ долженъ остаться въ своемъ мѣстѣ и званіи, гдѣ онъ по послѣдней ревизіи написанъ, а въ случаѣ побѣговъ послѣ изданія сего указа (съ поселянами слѣдовало) поступать по общимъ государственнымъ установленіямъ». Послѣ этого указа, какъ извѣстно, и начались *побѣги*, такъ какъ до указа «поселяне» могли свободно оставлять своихъ «помѣщиковъ».

Другой документъ не менѣе любопытенъ. Онъ заключаетъ въ себѣ «записку» архимандрита Феодосія *о жизни черноморскихъ козаковъ и обращеніи съ ними ихъ чиновниковъ*, составленную въ апрѣлѣ 1795 г. по порученію екатеринославскаго губернатора Каховскаго.

Приводимъ этотъ документъ.

„Феодосій, архимандритъ двухъ пустыней, курского намѣстничества—Софроніевской, екатеринославского—Григоріевской, по приглашенію покойнаго екатеринославскаго губернатора Каховскаго, отправлялся въ мѣста, обитаемыя черноморскими козаками, ради освѣдомленія о жизни ихъ и обращеніи съ ними чиновниковъ ихъ, и тамъ нашелъ неудовольствіе козаковъ на судью Головатаго и полковника Юзбаша, исправляющаго въ Таманѣ должность градоначальника, а въ уѣздѣ исправника: 1) Что слѣдующій имъ изъ казны провіантъ отпущается большою частію смѣшенной съ пескомъ и тутъ не въ полной пропорціи. 2) Употребляются они, козаки, въ собственныя ихъ работы и къ скотоводству, и на мѣсто платежа награждаютъ ихъ побоями; снося всѣ тѣ работы на собственномъ своемъ содержаніи; съ богатыми же и капиталистами козаками поступаютъ они такимъ образомъ: по вскрытіи весны подъ видомъ службы государевой, отлучаютъ ихъ отъ домовъ, а между тѣмъ всѣ ихъ рыбныя ловли пріостанавливаютъ ради большаго прибытка отъ своихъ собственныхъ. 3) Близъ Екатеринодара, на границѣ съ владѣніемъ черке-

[1]) Извѣстный собиратель матеріаловъ для исторіи Малороссіи. Едва ли не онъ же, Чепа, и писалъ приводимое прошеніе, въ которомъ замѣтна умѣлая манера писанія дѣловыхъ бумагъ, а за эту манеру Румянцовъ и цѣнилъ Чепу.

скимъ, учреждена тѣми черкесами мѣна хлѣба, соли и другихъ товаровъ, но бѣдные по части сей удовольствія лишены: ихъ чиновники къ тому не допущаютъ ради того, чтобы весь нужный имъ товаръ, а наиболѣе хлѣбъ, покупали у нихъ гораздо высокими цѣнами. 4) Винный откупъ по всему занимаемому ими мѣстоположенію судья Головатый, безъ всякаго ихъ согласія, которой желали бы они взять, отдалъ постороннему откупщику, но неизвѣстно, куда получаемыя за оной деньги слѣдуютъ. 5) Рыбная ловля на Черномъ протокѣ, приносимая (приносящая?) ежегодно доходу до осьмидесяти тысячъ рублей, по слухамъ мнѣ дошедшимъ, якобы имъ, Головатымъ, продана подъ предлогомъ, что будто-бы весь оной доходъ употребляется на войско. 6) Сверхъ сего полковникъ Юзбашъ, пріѣхавъ въ Еникоде, чинитъ безчеловѣчные побои козаку, въ чемъ я самъ свидѣтель, когда дошло сіе до свѣдѣнія оберъ-коменданта, и отъ него за нимъ посланъ былъ, онъ, Юзбашъ, уѣхалъ. 7) По такимъ обстоятельствамъ, гдѣ я ни проѣзжалъ мѣста ими обитаемыя, вездѣ слышалъ отъ козаковъ, что они, ежели всѣ кратко мною здѣсь описанныя стѣсненія имъ не будутъ отъ нихъ удалены, то коль скоро послышатъ они о приближеніи въ Анапу, проживающихъ теперь въ портѣ атаманской прежнихъ запорожцевъ, перейдутъ и сами туда. Но напротиву того ежели обрящутъ они себѣ покой, обѣщаются и клянутся служить ея императорскому величеству и отечеству до послѣдней капли крови. Все сіе объявляю я его превосходительству г. генералъ-маіору, правителю екатеринославского намѣстничества и кавалеру Іосифу Ивановичу Хорвату по самой истинѣ. Подлинную подписалъ архимандритъ Феодосій".

Исторія переселенія бывшихъ запорожцевъ на восточный берегъ Чернаго моря подробно разсказана Бентковскимъ въ его статьѣ—*Заселеніе Черноморіи съ 1792 по 1825 годъ* [1]). Изъ этой статьи мы узнаемъ, что переселеніе запорожцевъ въ Черноморію совершилось подъ главнымъ руководствомъ кошеваго Чепѣги и судьи Головатаго. Послѣдній ѣздилъ съ депутатами въ Петербургъ и выхлопоталъ тамъ, въ дополненіе къ пожалованнымъ землямъ, еще и другія богатыя милости. Переселеніе на Кубань совершилось главнымъ образомъ въ 1792 и 1793 гг. «Войск. судья Головатый,—говоритъ Бентковскій,—человѣкъ энергическій и грамотный въ полномъ значеніи слова [2]), что доказывается уцѣлѣвшими его собственноручными письмами, былъ повидимому главнымъ распорядителемъ переселенія Черноморскаго войска и исполнителемъ предначертаній императрицы; по крайней мѣрѣ больше Чепѣги оставилъ (онъ) слѣдовъ своей дѣятельности»... Переселившись въ Тамань лѣтомъ 1793 г., Головатый тутъ оставался до весны 1794 г., неустанно распоряжаясь о размѣщеніи въ Черноморіи продолжавшихъ пребывать сюда запорожцевъ. Осенью (7 ноября)

---

[1]) Въ Памятной книжкѣ Кубанской области на 1881 г. стр. 1—125.

[2]) Головатый учился въ Кіевской академіи.

1796 г. [1]) Головатый умеръ, въ персидскомъ походѣ. Записка арх. Феодосія составлена въ апрѣлѣ 1795 г. и заключаетъ въ себѣ обвиненія въ злоупотребленіяхъ, которыя, значитъ, практиковались Головатымъ въ томъ же 1794 г., когда запорожцы только что размѣщались по Черноморіи. Кажется, что взводимыя на Головатого здѣсь обвиненія сильно раздуты, причемъ исходили они едва ли не отъ войск. писаря Котляревскаго, который былъ антагонистомъ и Головатаго, и Чепѣги († 1797 г.). По смерти этихъ чиновниковъ, Котляревскій въ запискѣ, поданной императору Павлу, обвинялъ ихъ обоихъ въ затрудненіяхъ и лишеніяхъ запорожцевъ при переселеніи, происшедшихъ отъ непредусмотрительности Чепѣги и Головатаго, причемъ говоритъ, что оба они «нѣкоторыхъ козаковъ *четыре года* затрудняли переселеніемъ съ мѣста на мѣсто...» Четыре года Головатый едва самъ прожилъ въ Черноморіи... Наконецъ, черноморецъ Туренко («Кіевск. Стар.» 1887 г.) разсказывая, въ 1838 г., первоначальную исторію Черноморія, прославляетъ заслуги Головатаго по устройству благосостоянія черноморскаго войска, указывая, что «Головатаго стараніемъ отдана на откупъ въ іюль 1794 г. купцу Яшнину продажа вина», что его же стараніемъ отданы рыболовные заводы на южной косѣ на откупъ керченскимъ артелямъ»... А Туренко могъ быть и живымъ свидѣтелемъ дѣятельности Головатаго...

А. Л.

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ. Часть первая томъ третій. Письма 1851—1860 г г. Поѣздка въ Малороссію и проч. Москва 1892. 8°.

Еще въ 1888 г. начато было изданіе писемъ И. С. Аксакова, писанныхъ къ его отцу изъ разныхъ мѣстъ, куда бросала судьба А—ва. Переписку онъ велъ оживленную и весьма пространную, замѣнявшую, по словамъ его самого, дневникъ. Въ послѣднемъ томѣ этого изданія, дошедшемъ къ намъ только теперь, напечатаны письма изъ Малороссіи, изъ которыхъ мы и сдѣлаемъ нѣсколько извлеченій, чтобы показать, какое впечатлѣніе производила Малороссія пятидесятыхъ годовъ на такого

[1]) По другимъ свѣдѣніямъ—28 января 1797 г.

отзывчиваго человѣка, какимъ былъ И. С. Аксаковъ. Въ 1853 г. И. С. А—въ получилъ отъ Географическаго общества порученіе отправиться на годъ въ Малороссію для обозрѣнія и описанія главнѣйшихъ ярмарокъ. Отправившись осенью того же года для исполненія этого порученія, А—въ первыми своими украинскими впечатлѣніями подѣлился съ извѣстнымъ А. И. Кошелевымъ, которому въ к. ноября 1853 г. писалъ изъ Сумъ „про обаяніе Малороссіи“; но пріѣхавъ въ Харьковъ, онъ уже пишетъ:

«Это впечатлѣніе (обаяніе) теперь совершенно изчезло, во первыхъ потому, что я убѣдился, что Харьковская губернія совсѣмъ не Малороссія»... Затѣмъ А—въ дѣлаетъ характеристику совмѣстно живущихъ тамъ «хохловъ» и «русскихъ» и заключаетъ эту характеристику такъ: «здѣсь какая-то безобразная помѣсь въ быту крестьянскомъ, въ быту мѣщанскомъ, въ быту купеческомъ и даже въ быту дворянскомъ. Забавно видѣть презрѣніе здѣшнихъ купцовъ и чиновниковъ къ малороссійскому нарѣчію, когда сами они говорятъ по-русски невыносимо для московскаго уха!... О малороссійской народности знаютъ здѣсь менѣе, чѣмъ въ Москвѣ»...

Не найдя Малороссіи въ харьковской губерніи, А—въ, повидимому, нашелъ ее въ Полтавѣ. Пріѣхавъ сюда въ февралѣ 1854 г., А—въ записываетъ въ свой дневникъ:

«Въ четвергъ обѣдалъ я у Бодянскаго [1]), угостившаго меня варениками и сливянкой... Малороссовъ чиновниковъ здѣсь гораздо болѣе, чѣмъ русскихъ, почти все малороссы. Русскіе занимаютъ большею частью самыя высшія должности. У насъ въ Россіи рѣдкій дворянинъ, богатый и получившій образованіе, соглашается служить у себя на родинѣ, въ глуши. Не манитъ къ себѣ родина. Когда я говорю служить, то разумѣю дѣйствительную службу, не по выборамъ.— Малороссія вѣчно привлекательна для малоросса: она имѣетъ до сихъ поръ въ себѣ что-то самостоятельное, своеобычное; удалиться въ Малороссію не то, что уѣхать въ глушь саратовскую, а удалиться въ другой край, въ другой міръ, какъ бы въ другое государство. Не говорю уже о ея природѣ, о ея климатѣ»...

Попавъ весною того же года въ Елисаветградъ, А—въ писалъ оттуда отцу:

---

[1]) Родственникъ Осипа Максимовичъ Б—аго.

«Буду пробираться въ Кіевъ—черезъ Чигиринъ, Золотоношу; словомъ, хочу заглянуть въ самое гнѣздо козацкое... Мнѣ именно интересно посмотрѣть поближе весь бытъ деревенскій лѣтомъ»...

«Много слышалъ я о Кіевѣ, но онъ превзошелъ всѣ мои ожиданія! Я еще до сихъ поръ не могу настоящимъ образомъ придти въ себя и отдать себѣ ясный отчетъ во всѣхъ испытанныхъ ощущеніяхъ: и красота самаго Кіева, и весна—съ разливомъ Днѣпра, съ молодою свѣжею зеленью, съ милліонами соловьевъ, съ благоуханіемъ, отвсюду несущимся,—и пещеры съ своими будто-бы вѣчно бодрствующими мертвецами, и слѣды древности на каждомъ шагу, напоминающіе весеннюю пору въ исторіи Руси, ея первую, раннюю молодость, Русь еще княжескую, не царственную!—все это такъ разнообразно дѣйствуетъ на человѣка, что, кажется, мало одинъ разъ побывать въ Кіевѣ!—Я пріѣхалъ сюда въ среду утромъ, на солнечномъ восходѣ»...

«Теперь отъ Броваръ (овъ) до самого Кіева—шоссе, слѣдовательно песковъ нѣтъ. Густая зелень деревъ по обѣимъ сторонамъ шоссе мѣшала видѣть Кіевъ издалека; впрочемъ, уже на 15 верстѣ—тамъ, гдѣ разступились деревья, сверкнули главы и кресты церквей. Наконецъ, за нѣсколько верстъ до Кіева, деревья исчезли и вся великолѣпная панорама Кіева раскрылась предо мною, отражаемая синими водами Днѣпра и ярко освѣщенная солнцемъ»...

«Отправился обѣдать къ Юзефовичу, который созвалъ на обѣдъ довольно много гостей—по случаю моего пріѣзда. Тутъ я познакомился и съ Ригельманомъ, и съ Судьенко, и съ статистикомъ Журавскимъ, и со многими другими... Послѣ обѣда мы долго сидѣли въ саду—въ виду роскошнаго клена, въ обхватъ толщины, и при пѣніи соловьевъ. Потомъ перебрались къ Ригельману»...

«Я много разсказывалъ Ригельману про Трутовскаго и у него есть проэктъ—предложить Трутовскому отъ себя, отъ Галагана, Тарновскаго [1]) и отъ другихъ богатыхъ малороссовъ сумму денегъ, достаточную для артистическаго путешествія по Малороссіи. Я думаю, Трутовскій не откажется; взамѣнъ денегъ онъ можетъ представить въ ихъ пользу свои рисунки»...

Поѣхавъ лѣтомъ 1854 г. въ Яновщину, навѣстить мать Гоголя, А—въ пишетъ:

---

[1]) Василій Васильевичъ († 1866 г.)—отецъ извѣстнаго собирателя предметовъ малорусской старины.

«Ѣхали мы чудесными мѣстами, освѣщенными луною, но большею частью ѣхали мы между хлѣбовъ. Знаете-ли вы хлѣбный запахъ? Я его никогда не обонялъ въ Россіи. Это такой живительный запахъ, что, вдыхая его въ себя, кажется, вдыхаешь въ себя силы и здоровье. Да и вообще хорошо лѣтомъ въ Малороссіи! Такъ пріятно видѣть эту сочность почвы, эту щедрость, благость, доброту природы»...

Въ іюлѣ того же года А—въ отправился къ Галагану (Г. П.) въ его Сокиренцы, посѣщеніе которыхъ описано отцу особенно подробно:

«Нанявъ лошадей у еврея, отправился я (изъ Ромна) въ Сокиренцы... Галаганъ встрѣтилъ меня самыми радушными объятіями. Семейство его состоитъ изъ матери его, урожденной граф. Гудовичъ, жены, урожденной Кочубей, сестры—замужемъ за гр. Комаровскимъ Павломъ и изъ самого гр. Комаровского. Тамъ же нашелъ я Ригельмана и художника Жемчужникова (Л. М.), сына сенатора, брата нашего правовѣда [1])... Взглянувъ на домъ и на садъ, я сказалъ Галагану, что онъ не панъ, а лордъ Галаганъ, что его очень смутило и заставило горячо оправдываться. Въ самомъ дѣлѣ я думаю, и герцогъ Девонширъ былъ бы доволенъ здѣшнимъ мѣстомъ. Вообразите, что подъ англійскимъ садомъ и подъ паркомъ 140 десятинъ, 80 подъ садомъ и 60 подъ паркомъ. И какой садъ, какой паркъ! Я не видалъ ничего лучше и думаю, что только въ Англіи можно найти что-нибудь подобное и даже лучше. Этотъ садъ былъ устроенъ еще его отцомъ, съ помощью какого-то знаменитаго садовника, изъ великолѣпнаго стараго лѣса. Садъ расположенъ съ необыкновеннымъ знаніемъ дѣла. Я не имѣлъ до сихъ поръ никакого понятія о наукѣ или, лучше сказать, объ искусствѣ садоводства. Садовникъ долженъ быть истиннымъ художникомъ и носить въ душѣ своей чувство красоты»...

А что за деревья! Благодаря необычайной растительности прилуцкаго уѣзда,—всѣ деревья гиганты, дубы, липы, клены въ нѣсколько обхватовъ ширины. Есть дубы, которымъ независимо отъ растительности, дающей имъ большіе размѣры, считается лѣтъ подъ 300! Такихъ высокихъ, этакихъ могучихъ дубовъ я нигдѣ не видалъ [2]). Есть кленъ, подъ которымъ можетъ помѣститься цѣлый батальонъ. Отъ одного края вѣтвей до другаго 42 шага, въ поперечникѣ! Садъ

---

[1]) Поэта Алексѣя Михайловича.

[2]) Въ Диханькѣ Кочубеевъ—дубы еще *могучѣе*.

такъ огроменъ, что въ немъ много урочищъ съ народными названіями. Въ одномъ дубѣ, обхвата въ три ширины, образъ, уже давно и неизвѣстно кѣмъ сюда поставленный. Онъ уже не однажды вросталъ въ дубъ, т. е. его затягивало корою дуба,—и должны были вновь вырубать его. Жаль одного. Воды мало, рѣки нѣтъ, есть прудъ, и большой, но по саду онъ малъ».

«Садъ содержится отлично, и Галаганъ поспѣшилъ объяснить, что содержится не панщиной, а наймомъ.—Домъ огромный, настоящій замокъ, содержится богато, но особенной роскоши въ немъ нѣтъ. Вся роскошь въ саду. Весь тонъ и строй жизни въ этомъ домѣ благочестивый, скромный и даже строгій, вся семья очень набожна. Галаганъ внушаетъ мнѣ характеромъ своимъ, направленіемъ и поступками искреннее, глубокое уваженіе. Его убѣжденія вамъ извѣстны, они дѣлаютъ его постоянно серьезнымъ и даже грустнымъ. Среди этой роскоши онъ постоянно занятъ одною мыслью,—извлечь всю возможную пользу изъ своего положенія для другихъ, сдѣлать какъ можно болѣе добра, оправдать свое богатство передъ своею совѣстью. Онъ не распоряжается еще всѣмъ имѣніемъ, но по возможности, потому что главною госпожею его мать, старается объ облегченіи участи крестьянъ и о достиженіи со временемъ полнаго для нихъ освобожденія. Отношенія крестьянъ къ помѣщику въ Малороссіи хуже, чѣмъ въ Россіи у самаго лучшаго помѣщика, но это другой вопросъ, очень пространный, о которомъ какъ-нибудь послѣ, если будетъ можно. Мать Галагана очень замѣчательная женщина. Лишившись мужа еще въ малолѣтствѣ дѣтей, она вела все огромное хозяйство и воспитала дѣтей. Она очень умна, образована, чрезвычайно привѣтлива и любезна, добра, ласкова съ людьми и крестьянами, набожна, но въ тоже время аристократка въ душѣ и деспотка. Все дѣлается по ея волѣ, по ея приказанію, отдаваемому кроткимъ, ласковымъ голосомъ, съ пріятнымъ, хотя и старымъ лицомъ,—никто никогда не смѣлъ и не смѣетъ ослушаться этой худощавенькой, любезной старушки. Я говорю любезной, потому что она именно любезна, напоминаетъ любезность стариннаго свѣтскаго общества.—Здѣсь Жемчужниковъ—молодой художникъ съ большимъ талантомъ, страстно любящій Малороссію, уже три года ее посѣщающій. Онъ рисуетъ масляными красками, но genre его нѣсколько другой, чѣмъ у Трутовскаго. Онъ посвящаетъ себя эпизодамъ изъ козацкой исторіи, хочетъ рисовать картины къ украинскимъ думамъ, распѣваемымъ бандуристами. Должно признаться, что онъ добросовѣстно изучаетъ козацкую поэзію, знаетъ почти всѣ

думы наизусть и, вполнѣ владѣя малороссійскимъ языкомъ, шатаясь по Малороссіи, завелъ знакомство съ бандуристами и много собралъ самъ пѣсенъ и думъ. Впрочемъ, въ Малороссіи это легче, чѣмъ въ Россіи; здѣсь художникъ, рисующій видъ природы, не удивитъ никого, не потому, что это явленіе случалось часто, но потому, что пониманіе изящныхъ искусствъ доступнѣе Малороссу самому простому и онъ самъ способенъ любоваться красотою цвѣтка по цѣлымъ часамъ. Я видѣлъ масляную картину Жемчужникова, изображающую бандуриста слѣпого съ мальчикомъ на дорогѣ: вдали тянутся заборы, ползетъ экипажъ на гору, и, заслышавъ шумъ, бандуристъ заигралъ на бандурѣ и запѣлъ. Картина хороша, по крайней мѣрѣ мнѣ нравится, и Галаганъ и всѣ малороссы ею очень довольны. Я невольно подумалъ, что при томъ серьезномъ, печальномъ даже расположеніи духа извѣстныхъ мнѣ богатыхъ малороссовъ, genre Трутовскаго, мало знакомаго съ исторіею Малороссіи и равнодушнаго къ ея прошедшему, не удовлетворитъ ихъ...

«Пѣсни въ народѣ хорошо сохранились, и я не думаю, чтобы онѣ могли дойти до такой степени путаницы и нелѣпицы, какъ большая часть пѣсенъ, которыя поетъ великорусскій народъ. Здѣсь поющій обращаетъ вниманіе на содержаніе и на смыслъ пѣсни, между тѣмъ въ Россіи самая протяжность звуковъ мѣшаетъ обратить вниманіе на слова пѣсни. Ямщикъ проѣдетъ семь верстъ прежде, чѣмъ успѣетъ кончить совсѣмъ первый стихъ пѣсни: *не бѣлы то снѣги въ полѣ забѣлѣлися.*»—«Что это за прелесть пѣсни малороссійскія въ собраніи Метлинскаго. Онѣ всѣ записаны изъ устъ народа. Столько въ нихъ художественной красоты, оконченности, граціи; все это относится вообще къ области чувства, исчерпано въ нихъ со всей глубиной тончайшими оттѣнками и переливами. Вообще эти пѣсни показываютъ высокое душевное образованіе въ народѣ. Что касается до извѣстныхъ мнѣ пѣсенъ духовнаго и философскаго содержанія, то онѣ ниже великорусскихъ. Какая удивительная гармоничность, музыкальность стиха, напримѣръ, въ этой пѣсни, гдѣ дочь, выданная замужъ въ чужую сторону, разсказываетъ про посѣщеніе своей матери:

Ище сонце не заходыло,
Щось до мене да приходыло?
Приходыла моя матюнка,
Приходыла моя ридная,
Порадонька моя вирная.

Вона въ мене не обидала,
Тилки мене да одвидала;
Вона въ мене не полуднала,
Тилки мене приголубыла;
Вона въ мене не барылася
Тилки сила, пожурылася...»

На этомъ мы оканчиваемъ наши выписки, полагая, что по малой распространенности названной книги, онѣ будутъ прочтены съ любопытствомъ въ виду личности автора.

А Л

Вовтор. 4. День былъ свѣтлій, тихій, холодній, ночъ такъже свѣтла отчасти, але холодна и тиха. У Клима взялемъ 10 р., тіе, якіе давалъ я на медъ въ Криски. У Клима жъ денги остались отъ Івановни сегодня отобраніе, а именно 52 р. да 50 ефимковъ. Родители у гетмана обѣдали, а мы въ дому, у вечеру билъ у мене ректоръ кіевскій Дубневичъ.

Середа. 5. День былъ таковъ же, якъ и прежніе, ночъ такъ же холодна, однако жъ зъ отлигою. Манѣфестъ присланъ, что бывшій фелтмаршалъ князь Василій Володимер. Долгорукій, такъ же князь Юрій Долгорукій, князь Боратинскій и Столѣтовъ, порутчики ꙣвардіи, въ силки послани разніе, за нѣкоторіе свои вини и приступленія. Семенъ Шохъ, староста крисковскій, отехалъ до Крисіокъ, а оттуду до Кролевца пруского зъ тютюномъ и ганишемъ, которого будетъ именно: тютюну пуда 250, а ганишу пуд. 250; далъ я ему на плату фурманамъ 166 ефимковъ, а на покупки 70 чер., да на дорогу ему 5 ефимковъ да 1 р., да ему за службу торочную 9 ефимковъ. И съ нимъ поехалъ Климъ, виправить его, да Алексѣй—здать ганишъ съ табакомъ. Ему жъ дана інструкцѣя въ нѣкоторихъ пунктахъ, о чемъ нижей.

Крещеніе. Четвер. 6. День былъ хмарний и ночъ съ отлигою малою, тихіе, толко жъ холодніе. Сегодня были на Іорданѣ, а обѣдали у гетмана, где Стефана Уманца гетманъ съ Турꙣеневимъ наставляли въ сотники, а отложили на завтрейшій день. Я сидѣлъ зъ п. Михайломъ и въ дами долго игралисмо.

Пятокъ. 7. День былъ и ночъ съ стужею тихіе, а ночъ свѣтла. Рано былъ я зъ род. у гетманскомъ дворѣ, по службѣ, обѣдалиемо въ дому, у вечеру ездилемъ до п. Михайла играть въ дами. Повторнимъ разомъ принялъ я отъ капитана ꙣвардіи Воейкова Петра ржи 73 четверти; да у людей его Воейковыхъ купилъ я ржи жъ четвертей 30 и четверичковъ 6 по 23 а., за все заплатилъ 21 р. и 21 к.

Субота. 8. День былъ и ночъ зъ стужею, хмарни, тихіе. Обѣдалисмо въ дому зъ родителми, а передъ обѣдомъ жена и дѣти поехали въ Чернѣговъ, на веселле дочери небожчика п. Григорія

швакгра; у вечеру ездилъ я до Тургенева и доволно у него просидѣлъ, въ шахмати играли зъ нимъ и виигралъ я, при брату п. Михайлу Скоропадскомъ.

Неделя. 9. День былъ хмарний и ночъ тиха сперва, а потомъ зъ вѣтромъ полуденнимъ и зъ отлигою. Рано ездили къ гетману, где по службѣ кушали, а у вечеру ездилъ я до Тургенева и Кишкина, и посидѣвши у нихъ, повернулся назадъ. Кишкинъ, подъ часъ обѣда у стола гетманского, посилалъ до Львова сторони моего Вѣжевского, дабы его за карауломъ солдацкимъ не держано, но онъ Львовъ велѣлъ ему отказать, что завтра де буду въ судѣ и велю онаго на цепъ взять. Писма зъ Москви получилъ отъ Желяза и чайникъ глиняний зъ теребилцемъ.

Понеделокъ. 10. День былъ хмарній, снѣгъ ишолъ черезъ увесь день и черезъ ночъ, и зъ того много снѣгу у первое випало, а передъ свѣтомъ пересталъ. Сегодня слухалиемо зъ п. бунчужнимъ дѣла Лисовскихъ, обѣдалемъ тамъ же въ дворѣ, у вечеру былъ зде у насъ хоружій енер. и Петракей.

Вовтор. 11. День былъ хмарний, тихій, зъ однакою жъ отлигою, и ночъ такова жъ. Обѣдалемъ у гетманского столу, а пріехавши домой имѣлъ гостей: писара печерского Савѣцкаго да комендапта Кишкина. Писано отъ гетмана до коменданта, дабы Вѣжевского моего не содержано подъ карауломъ салдацкимъ и канцеляристъ Левандовскій относилъ, толко жъ ничого не здѣлалося. Сеей ночи Парасечка, дѣвочка Литвинова дочъ, умре отъ оспи, черезъ 6 недель утерпѣнной. Песаръ печерскій подарилъ мнѣ тестаментъ бѣло опре...... Стар. крисковскій зъ Крисіокъ пошелъ въ дорогу.

Среда. 12. День былъ и ночъ хмарніе, тихіе, зъ среднимъ морозомъ. Въ дому увесь день былъ я, никуда не ездилъ, а рано били у мене Кондзеровскій и Костенецкіе оба. П. гетманъ ездилъ зъ охотою. Писалъ писмо въ Москву до Желязи и 2 червоныхъ послалъ до прежнихъ 4-хъ, итого всѣхъ 6 чер., а теперъ писалъ купить осятровъ 3, лососей 2, икры пудъ, стерлядей 10, да бутилокъ плетенихъ порожнихъ 40, зъ затичками, а затичокъ корен-

нихъ въ аптецѣ фунтъ, да зъ манѣфактури тясеми на ренсъ (?) чорней или темнокофейной аршинъ 16.

Четвер. 13. День былъ холодний велми первей, а потомъ хмарний изъ снѣгомъ, ночъ холодна жъ, также и хмарна, тиха. Сегодня рано ездилемъ зъ паномъ гетманомъ на охоту, санками, и обѣдалемъ у столу его, и въ карти въ п. Михайла игралемъ съ нимъ, Валкевичемъ и Покорскимъ. Писалемъ до брата Марка, чтобъ онъ зехалъ у футоръ мой Артополотскій и вигналъ оттоль статокъ и коне чужіе, жебы не или сѣна, и взять сказку у дворника моего тамошнего подъ штрафомъ кіевимъ, даби онъ не смѣлъ ничіего статку кормить сѣномъ.

Пятокъ. 14. День былъ хмарний, але велми холодній, ночъ хмарна жъ, холодна и тиха. Купилемъ овса для коней четвериковъ 2, а зъ Сваркова четверть привезено сегодня. Ректоръ кіевскій Дубневичъ обѣдалъ у насъ съ родителми, а у вечеру посѣщалъ мене братъ п. Михайло и Чуйкевичъ.

Субота. 15. День зъ снѣжкомъ и ночъ сходна во всемъ вчорайшимъ, толко ночъ погоднѣйшая, безъ снѣгу. Рано ездилемъ въ городъ, обѣдалемъ въ дому съ родителми, братъ Семенъ зъ женою отехалъ. Отецъ Мойсей приездилъ просить родителя въ куми дочери своей зъ гетмановою. Іванъ Мануйловичъ, асаулъ енер., показалъ сказкою, что онъ не вѣдаетъ почему мой служитель Павелъ Вѣжевскій взятъ за арестъ, а его совѣту не было. Другій облѣкъ дала на 200 р. и 12 червоннихъ Овдоття Ивановна объ отдачѣ такихъ денегъ въ пріидучомъ 1733-мъ году, сего жъ числа.

Неделя. 16. День былъ свѣтлій, солнечний, тихій и холодній велми, ночъ свѣтла жъ, тиха, зъ крѣпчайшимъ морозомъ. Дочъ у отца Мойсея крещена, воспріиматели—родитель зъ п. гетмановою, и у него обѣдали самъ панъ гетманъ и протчіе, а я оттоль пойшовши, обѣдалемъ зъ п. Михайломъ. Климъ, повернувшись зъ Крисіокъ, привезлъ вѣдомость ганишу и тютюну въ Кролевецъ пруській посланного зъ старостою крисковскимъ, которій зъ Крисіокъ пошолъ 11-го генваря. Черезъ Платковского, канцеляр. войскового, писалъ до Желязи и до сестри, которой дочери послалемъ Новий Завѣтъ.

Понеделокъ. 17. День и ночъ весма сходніе зъ вчорайшими. Отдалемъ Хамкиновому брату за жито 60 р. по писму Леона, а денги дани отъ Івановни, за ефимки взятіе 52 р., а осталніе зъ баулчика далемъ. Обѣдалемъ въ дому зъ родителемъ, а передъ обѣдомъ родителка отехала въ Овдоколле и братъ Лука. У вечеру ездилемъ до брата п. Михайла, где игралемъ у карти съ нимъ, Валкевичемъ и Покорскимъ, зъ проиграшомъ. Ханенко, судди стар., позичилъ у мене книжку писанную Synod glicioso limit. (?) и отдалъ.

Вовтор. 18. День былъ такій же, якъ вчора, тоесть свѣтлій, тихій, збытъ холодний, ночъ холодна жъ зъ вѣтромъ, а потомъ хмарна зъ отлигою. Хамкиновому брату осталніе денги отдалемъ 100 р., позичивши сегодня у брата п. Михайла и въ закладъ ему червон. 50 давши. Обѣдалемъ въ дому зъ братомъ Іваномъ, у вечеру ездилемъ до брата п. Михайла, где игралъ въ карти съ нимъ и съ прежними игроками.

Середа. 19. День хмарний зъ вѣтромъ первей, а потомъ тихъ и зъ отлигою, ночъ хмарна, тиха и зъ отлигою. Івановна отдала 12 червонныхъ прошлолѣтнихъ черезъ Клима. Били на молебнѣ у церквѣ ст. Николая, о возшестіи на престолъ е. в., а обѣдалемъ въ дому. Повернулся Лобасъ зъ Москви и привезлъ писмо къ род. отъ Желязи и отъ Старжинского ко мнѣ. Ездилемъ до брата п. Михайла, зъ которимъ игралемъ въ карти зъ виграшемъ.

Четвер. 20. День хмарний отчасти и отчасти свѣтелъ, ночъ хмарна жъ, а день и ночъ зъ отлигою. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ ездилемъ до брата п. Михайла, зъ которимъ и зъ Валкевичемъ и Покорскимъ игралъ въ карти зъ виграшемъ. Принялъ Климъ за рибу 31 р. отъ глух. прасолей.

Пятокъ. 21. День такъ же и ночъ хмарніе зъ отлигою и зъ снѣжкомъ маленкимъ, и зъ вѣтромъ. Меду купилисмо шестдесятнихъ пудовъ 13 и фунтъ 53, за что Климъ заплатилъ зъ денегъ у себе имѣющихся 23 р. 48 к. зъ денгою. Полковникъ Афанасій Прокопіевъ Радищевъ въ судъ енер. членомъ пріехалъ въ Глуховъ. Игралисмо зъ прежними игроками въ карти зъ проиграшомъ моимъ.

Субота. 22. День хмарний, а после туманъ зъ снѣжкомъ и зъ дощикомъ, такова жъ и ночъ, а къ свѣту снѣгъ густий. Рано ѣздилемъ въ городъ и обѣдалемъ у столу гетманского зъ протчіими, а по обѣдѣ, повернувшись, у лазнѣ милемся въ дому. Челобитную на Лвова, о Вѣжевскомъ, повторную подалемъ до рукъ гетмана.

Неделя. 23. День былъ зъ силною метелицею и зъ вѣтромъ, къ вечеру тихо, у ночѣ свѣтло и зъ морозомъ. Рано былъ у церквѣ ст. Анастасіи, обѣдалъ у себе зъ Валкевичемъ и Стожкомъ, у вечеру у п. Михайла играли въ карти зъ виграшомъ. У вечеру у п. Михайловой хатѣ зъ Валкевичомъ и Покорскимъ, при Демяну Оболонскомъ (*далѣе зачеркнуто*).

Понеделокъ. 24. День былъ хмарний зъ маленкимъ снѣжкомъ, но холодний, къ вечеру холоднѣйшій, ночъ свѣтла, тиха, зъ жестокимъ морозомъ. Сегодня рано ездилъ я въ городъ, въ гетманскій дворъ, где и обѣдалемъ, а по обѣдѣ зъ п. Михайломъ ездили до Андрея Миклашевского, гдѣ играли въ карти зъ проиграшомъ моимъ. Яковъ Дуброва да Климъ Пѣщанскій ходили у склепъ, въ городъ, и важили тамъ обрѣтаючійся воскъ, которого по ихъ вѣдомости показалось грудъ 25, а въ нихъ ваги—24 пуда и 33 фунт. и пол.

Вовтор. 25. День былъ свѣтлій, тихій и ночъ такова жъ, зъ жестокимъ морозомъ. Сегодня былъ рано я у гетманскомъ дворѣ, обѣдалъ у себе. У вечеру были у мене: бунчучний Борзна, п. Михайло, сотникъ срѣбр. Троцина, Миклашевскій Андрей, Грицъ Гамалѣя, Ханенко и Лизогубка конотопская зъ Валкевичемъ, и розговарували сторони спору между Лизогубкою и Миклашевскими будучого, а по отездѣ ихъ игралисмо въ карти зде зъ виграшомъ моимъ.

Середа. 26. День и ночъ были сходніе вчорайшимъ, зъ жесточайшимъ же морозомъ. Сегодня рано былъ я у гетманскомъ дворѣ, обѣдалемъ въ дому зъ родителкою, которая зъ Овдоколля пріехала, передъ обѣдомъ, зъ братами Семеномъ и Лукою, а по обѣдѣ пріездили ко мнѣ бунчучний енер., братъ п. Михайло и проч. зъ Миклашевскими обома, Андреемъ и Стефаномъ, а потомъ Андрѣева

Лизогубка зъ Валкевичомъ для миру, толко жъ миръ не сдѣлался для того, что она, Лизогубка, требовала уконтентования себѣ за добра рубановскіе, а именно: Рубановку очистить отъ другихъ сестеръ да Калашиновку придать и лѣсъ Мирицю и 800 руб., или вмѣсто Рубановки—млинъ Десятуху, въ Стародубѣ будучій, зъ Калашиновкою и Марицею, албо Сѣнное, чего Миклашевскіе не уступали, а уступали то жъ что и другимъ сестрамъ, а зверхъ того 200 р., албо Рубановку очистить ей Лизогубцѣ отъ другихъ сестеръ, перенимались на себе, и тако розехались. А мы играли въ карти зъ маленкимъ виграшомъ моимъ и п. Михайловимъ болшимъ. Димитрію Іванову, да Константію Іванову, братамъ Липчанамъ, да товаришеви ихъ Івану Кирилову Пѣперу, ґрекамъ нѣжинскимъ, позичилемъ на годъ 330 чер.; они, Димитрій и Александеръ, лѣчили.

Четвер. 27. День и ночъ были такіе, якъ и вчорайшіе, свѣтліе, тихіе зъ жесточайшимъ морозомъ. Обѣдали гетманъ, род. и протч. и я, Радищевъ и Кишкинъ у Мануйловича, асаули енер., а у вечеру играли въ карти у п. Михайла.

Пятокъ. 28. День и ночъ сходніе прежнимъ были во всемъ, свѣтліе, тихіе и збытъ холодніе. Праздновали сегодня день рожденія ея величества и подпіяхомъ у столу гетманского, а потомъ играли у карти у п. Михайла. Жена зъ Чернѣгова повернулась зъ дѣтми. Холодовичъ, сотникъ воронѣжскій, повернулся зъ Москви и зъ нимъ Янушкевичъ, писаръ бывшій чернѣговскій, также Желазо, слуга род., и Старжинскій.

Суббота. 29. Къ веснѣ. День и ночъ зъ отлигою, однако жъ холодноватіе, отчасти свѣтліе и отчасти хмарніе. Обѣдалисмо въ дому, а по обѣдѣ братъ п. Семенъ отехалъ зъ братовою въ Кролевецъ, на веселле отца Александра Маковского, дочъ свою за Борсука отдаючого, а я у вечеру ездилъ въ городъ до п. Михайла, где игралъ у карти зъ проиграшомъ. Нога лѣвая стала болѣть у мене. Димитрію Иванову (?).

Неделя. 30. День и ночъ были хмарніе зъ отлигою, толко жъ холодноватіе сперва, а потомъ тепломокроватіе. Обѣдалисмо у столу гетманского, а по обѣдѣ поехалисмо зъ старшиною енер. и полков-

никами противъ генерала Семена Григоріевича Нарѣшкина, которого верстъ за 3 отъ города спотkалисмо и припровадили его въ его квартеру, домъ п. судіиной сестри, откуду зайшолъ я къ себѣ зъ Андреемъ Миклашевскимъ, Ханенкомъ и поехалъ до брата п. Михайла, зъ которимъ игралъ въ карти и ничего не виградъ. Іванъ Якушевичъ, писаръ пол. чернѣг., отдалъ мнѣ мой долгъ 20 р.

Понеделокъ. 31. День былъ и ночъ похмурніе, тепломокріе, а къ свѣту морозець. Сегодня рано былисмо зъ родителемъ у генерала Нарѣшкина, а оттоль у гетмана, обѣдали въ дому. По обѣдѣ знову ездили до брата п. Михайла, съ которимъ посидѣвши, повернулемся назадъ. Генералъ Нарѣшкинъ ездилъ до гетмана, где отдалъ грамоту зъ иностраннихъ дѣлъ колегіи къ гетману писанную, въ которой показано то, чтобъ гетману опредѣлить маетности на старшину зъ тѣхъ, которіе былъ гетманъ опредѣлилъ прежде до указу, а именно: обозному — 400 дворовъ, судямъ — по 300 дворовъ, подскарбѣю до прежде даннихъ добавить, чтобъ било також 300, асауламъ, хоружому и бунчучному — по 200 дворовъ, а писареви енер. владѣть тими, которіе и прежде били въ его владѣніи, писареви судовому — 30 дворовъ, на канцеляріи войсковую и судовую — 100 дворовъ, великороссійскимъ тромъ суддямъ по 50 дворовъ. Черезъ Горленка, отправляючогося въ Москву, писалемъ до Каратаева о писмѣ моемъ до Платковского посланномъ и о тестаментѣ сестрѣ и о 2-хъ червонниxъ, черезъ того жъ посланнихъ, и чтобъ онъ за тіе червонніе купилъ 2 осятра, а за осталніе бутилокъ плетенихъ порожнихъ.

Февруар. м-ць. Вовтор. 1. День и ночъ были сходніе вчорайшимъ во всемъ и къ свѣту морозець же поболшій. Родителка отехала въ Роменъ рано затимъ, что Івась брата Андрѣя на оспу захоровалъ, которую опровожала жена, а повернувшись обѣдалисмо вкупѣ зъ родителемъ; у вечеру ездилемъ до п. Михайла, где игралъ въ карти зъ проиграшомъ. Юско посланъ въ Роменъ и далѣе по футорахъ, которому и приказъ данъ и 2 гривни на дорогу, также и Ярема посланъ въ Оболонне, взять оттуду подводи и ехать до

до Пироговки по дерево. Афонка отъ сестри Толстой былъ у мене и писмо подалъ.

Середа. 2. День былъ холодноватъ, свѣтелъ, тихъ, ночъ зъ морозомъ вел., ясна и тиха. Былъ я у гетманскомъ дворѣ и обѣдалъ, а по обѣдѣ играли у карти у п. Михайла зъ прежними игроками, зъ прибыллю; у вечеру у мене играли оніе жъ зъ моимъ проиграшомъ. Климъ Пѣщанскій отъ человѣка Воейкового Татаринова отобралъ ржи четвертей 70, по подрадной допрежде взятой, и се потрете, итого всего принято у насъ жита—четвертей 229, а еще доводится 71 четверть.

Четвер. 3. Сей день былъ сходенъ зъ вчорайшимъ, ночъ такъ же тиха зъ неболшимъ вѣтромъ, свѣтла и холодна. Праздновали тезоименитство ея імператорскаго величества Анни Іоановни; на молебствіи были гетманъ и Нарѣшкинъ, генералъ, стрелба пушечная и зъ дробного ружжя—солдати, а потомъ обѣдали у гетмана всѣ, и подпіяхомъ, а у вечеру игралисмо въ карти у п. Михайла, зъ виграшомъ моимъ полторарубелнимъ.

Пятокъ. 4. День сперва показался зъ морозцемъ, а потомъ зъ вѣтромъ западнимъ, мокроватъ и зъ дощикомъ густенкимъ, ноччю вѣторъ же силний и мокротний, отчего сталъ снѣгъ знатно таяти. Рано былъ я у генерала Нарѣшкина, которому Старжинскій указъ отдалъ въ дѣлѣ сестриномъ зъ маіоромъ и Казѣмировимъ. Обѣдалисмо у себе зъ родителемъ, а по обѣдѣ поехалемъ въ Тулиголови и пріехалемъ смеркомъ, а ехалъ полъ 3 часа. За сѣно велѣлемъ заплатить ризнику каменскому за 100 воз. 8 р. да вихторовскому мужику за гай, на зрубъ, 6 р.

Субботa. 5. Сей день былъ вѣтряний очинъ, мокрий зъ дожчемъ отъ ранку и снѣгъ сталъ знатне таяти, ночъ зъ силнѣйшимъ вѣтромъ, къ свѣту морозецъ. Обѣдалемъ въ Тулигол. зъ братомъ Іваномъ и Заруцкимъ, Яковомъ Дубровою, а по обѣдѣ пріехалемъ въ Глуховъ, где явился зъ Астрахани повернувшійся крисковскій мужикъ Гаврило Гребенниковъ, котормй привезлъ мнѣ денегъ 317 р. за вино и табакъ проданний.

Неделя. 6. День былъ свѣтлій, холодний, ночъ тиха, свѣтла и холоднѣйша. Рано былъ я у Нарѣшкина, оттоль у гетмана, где и обѣдалемъ, по обѣдѣ былъ въ дому. Уснувши, знову ездилемъ въ городъ играть въ карти зъ п. Павломъ и паномъ Михайломъ, безъ проиграшу. Александеръ Левицкій поѣхалъ въ Нѣжинъ и взялъ облѣкъ, данний мнѣ отъ Дмитрія ꙃрека для подпису на ономъ товарищей его въ 339 чер., въ чомъ мнѣ и росписку далъ, что мѣетъ назадъ привезти и отдать мнѣ, подписанний товарищами.

Понеделокъ. 7. День былъ свѣтлій, вѣтряний и холодний, ночъ сперва хмарна и отчасти потомъ свѣтла, толко зъ силнимъ вѣтромъ между полуднемъ и западомъ. Рано былъ я у генерала Нарѣшкина, гдѣ род. билъ, также Павелъ миргород. и п. Михайло и суддѣ великор. и малор. Оттоль поворнувшись, обѣдалемъ въ дому, а по обѣдѣ ездилемъ до полковника Радищева и оттоль до п. Михайла, где игралисмо въ карти зъ моимъ проиграшомъ 40 а. (?).

Вовтор. 8. День былъ свѣтлій, тихій, отчасти и вѣтрянъ, также таяло отъ слонца, около полдня знатно, къ вечору морозъ и черезъ всю ночъ. Рано ездилемъ до гетмана и п. Михайла, где и обѣдалемъ, а по обѣдѣ игралемъ у карти зъ проиграшомъ рубля. П. Павелъ миргород. отехалъ въ свой домъ.

Середа. 9. День былъ свѣтлій, зъ ранку холоденъ зъ морозомъ, а потомъ отъ слонца теплій, къ вечеру знову морозецъ, ночъ свѣтла, тиха и холодновата жъ. Родитель обѣдалъ у гетманскомъ дворѣ, а мы въ дому, а по обѣдѣ, у вечеру, ездилемъ до п. Михайла, зъ которимъ и прежними игроками у карти игралъ зъ виграшомъ полъ 2 р.

Четвер. 10. День и ночъ были противъ вчорайшихъ во всемъ сходніе. Сегодня рано былъ я у гетманскомъ дворѣ, обѣдалъ у себе, а по обѣдѣ ездилъ до п. Михайла, где съ прежними жъ игроками у карти играли, зъ виграшомъ моимъ 2 р. и 70 к. Грамота до гетмана прийшла по челобиттю Лвова, подполковника, на мене посланномъ въ колегію, чтобъ въ судѣ енер. допросить мене и свѣдителей сторони ссори между нами бывшой зъ Лвовимъ. Старостѣ тулиголов. Романови новое опредѣленіе около винниицѣ сказалемъ,

чтобъ пятую долю мѣшать овса до жита, а носатку новую жъ далемъ, такую якъ у п. Кондзеровского, на якую борошна молотого давать 11 четверичковъ московскихъ подъ греблю, (т. е. безъ верха) а дванадцятий солоду житного. Да ему жъ, после калкуляцѣи, въ первое далемъ на росходъ 4 р., да на куплю свиней въ сажъ 10 р.

Пятокъ. 11. День былъ зъ утренникомъ студеннимъ и свѣтелъ, потомъ хмаренъ, а теплъ отъ слонца, ночъ тепловата жъ, а къ свѣту морозець маленкій. Рано ездилемъ въ городъ, въ гетманскій дворъ, где при мнѣ пріехалъ п. Петро, полковникъ лубенскій. Греку, жителеви нѣжинскому, Михайлу Юреву сыну Шіутѣ, который зде въ Глуховѣ шинкуетъ въ дворѣ нашемъ глуховскомъ винномъ, позичилемъ червонних золот. 110, да 55 р. Шутови, теслѣ, позичилисмо денетъ 3 р. по полъ 12 зол. на чверт.

Субота. 12. День былъ зранку зъ морозцемъ, а около полдня снѣгъ, а потомъ дожчъ ишолъ невеликій и черезъ всю ночъ. Обѣдалисмо всѣ у генерала Нарѣшкина, гетманъ, генералъ лейтенантъ Шереметевъ, приговорившійся Воейковъ Петръ, секундъ маіоръ gвардіи Турgеневъ, Кишкинъ, Мякининъ, Радищевъ, Лвовъ подполковникъ, Жураховскій и Хрипуновъ, старшина генералная и мы зъ п. Михайломъ и п. Петро луб., и подпіяхомъ, а потомъ у кадрилѣю играли.

Неделя. Запусти. 13. День мокротний и ночъ, зъ знатнимъ растаяніемъ снѣгу, а после полночи морозець зъ малимъ снѣжкомъ, вѣтеръ у день былъ между полуденний, а потомъ сталъ преклянятись къ западу и потомъ утихъ. Сегодня службы Божой слухалемъ у ст. Николая, по службѣ на водкѣ былъ у Мякинина, а обѣдалъ у гетманскомъ дворѣ, отколь ездилемъ до Шереметева генерала, отездившого въ Полтаву. Потомъ повернувшись, игралемъ у кадрилѣю.

Понеделокъ. 14. День былъ хмарний и вѣтряний, сперва показался морозець, а потомъ роставало; ночъ зъ силнимъ полунощнимъ холоднимъ вѣтромъ, икъ свѣту утихъ вѣтеръ, а морозъ жестокій показался. Александеръ пріехалъ и билъ у мене, отдалъ мнѣ облѣкъ мой, а взялъ свою росписку и далъ мнѣ око тютюну. Обѣдалисмо

зъ родителемъ и швакгромъ п. Яковомъ Полуботкомъ у себе, а у вечеру ездилъ до Нарѣшкина, генерала, где зъ нимъ, зъ п. Петромъ и зъ п. Михайломъ игралемъ у карти.

Вовтор. 15. День былъ отчасти хмарний, а отчасти свѣтлій, и роставало, а въ ночѣ виняснившойся—морозъ и вѣтеръ полунощній. Обѣдалемъ у гетманскомъ дворѣ, по обѣдѣ игралемъ зъ п. Петромъ, п. Михайломъ и п. Петровою у кадрилѣю, зъ виграшомъ 55 к.

Середа. 16. Санная дорога, перемена. День былъ хмарний, потомъ около обѣда снѣжокъ мокрий, а потомъ сухій до вечора и черезъ ночъ малий ишолъ, зъ чего новая санная стала дорога. Тургеневъ, полковникъ, бывшій у Глуховѣ во минѣстрахъ при гетману, отехалъ въ Москву, а въ дѣлѣ между мною и Львовимъ имѣючемъся не засвѣдителствувалъ ничого. Обѣдалемъ зъ род. у генерала Нарѣшкина, а по обѣдѣ зъ нимъ же, такъ же зъ п. Петромъ и п. Михайломъ, игралемъ у кадрилѣю, зъ проиграшомъ 83 к.

Четвер. 17. День былъ похмурний, холодний зъ вѣтромъ полунощнимъ, ночъ тожъ холодна, отчасти хмарна и велми вѣтряна, къ свѣту тихо стало. Рано ездилемъ до гетмана, оттоль до генерала Нарѣшкина зъ полков. луб., а у гетмана банкетъ былъ, где генералъ и многіе, и я, обѣдали, а у вечеру игралисмо у кадрилѣю зъ виграшомъ 23 а. моимъ. Унѣверсалъ данъ родителеви гетманскій на села на рангъ его подскарбѣя, въ сотнѣ роменской, кролевецкой и погарской, чтобъ всѣхъ било на 300 дворовъ.

Пятокъ. 18. День былъ таковъ же и ночъ, якъ и вчорайшіе зимніе. Ездилемъ рано до Сваркова, а ехалъ часъ еденъ, туда и оттоль столко жъ, а обѣдалемъ у Турковского, писара енералного; игралъ у п. Михайла зъ п. Петромъ и женою его, зъ виграшомъ 5 а.

Субота. 19. День былъ таковъ же хмарний, поболшъ, поменшъ свѣтлій, холодний, тихій, ночъ свѣтла сперва, потомъ мало хмарна, тиха и зъ морозцемъ. Рано былъ я у дворѣ гетманскомъ, обѣдалъ въ дому, по обѣдѣ прійшолъ до генерала Нарѣшкина, где игралъ зъ нимъ, зъ п. Петромъ и п. Михайломъ въ кадрилѣю, зъ про-

играшомъ рубля. Данило Забѣла пріехалъ зъ Москви зъ грамотою о своихъ жалобахъ, имъ же нѣсть числа [1]).

Неделя. 20. Сиропустная. День былъ хмарній, тепловатъ, роставало знатно въ день, ночъ то жъ хмарна, тиха, сперва тепломокровата, а потомъ зъ морозцемъ. На службѣ я зъ женою былъ у ст. Анастасіи и обѣдалъ у столу гетманского, а по обѣдѣ ездилемъ зъ п. Петромъ и п. Михайломъ до Радищева два насъ, а всѣ три до Кишкина, до генерала Нарѣшкина, до Мануйловича асаули, до Борзни, суддѣ енер., и оттоль до п. Михайла, где игралисмо у кадрилѣю зъ проиграшомъ одной копейки.

Понеделокъ. 21. День былъ и ночъ весма сходніе зъ вчорайшими. Купилемъ отъ gрека нѣжинского Өеодоса парчи красной золотой 13 локоть, богатой, по 4 р. и 20 к., да алого katoвацу 13 локот. по 8 гривенъ.

Вовтор. 22. День и ночъ хмарніе, въ день зъ отлигою малою, въ ночѣ морозець невеликій, а къ свѣту болшій. Алексѣй Полуденскій отправленъ въ Роменъ, а съ нимъ послалъ я до Якова Дуброви пакетъ, а въ немъ калкуляція Кучарского старостъ сухонос. и перерв., да калкуляція Несторовичова, дворника гамалѣевского, и писалемъ къ Якову, чтобъ онъ зехалъ для ревизѣи, да къ нему жъ послалемъ 30 р. для роздачи на сѣно въ Перервинцяхъ, да къ нему жъ послалемъ сукна ցранатового, тузѣнку 6 локоть и полъ чвертки, старостѣ перервинскому. А Алексѣеви приказъ данъ о продажѣ сѣна 15 скиртъ и о роздачѣ на сѣно на 50 р. около футора и о куплѣ бакуну 10000, а тютюну 5000 папушъ.

Середа. 23. День и ночъ были сходніе вчорайшимъ, а къ свѣту противъ четверга поболшій гораздъ морозъ. На службѣ былисмо у ст. Николая, а по службѣ у гетмана, и домой пріехалисмо, гдѣ и обѣдали. Обискался рецептъ доктора Бидлова, который присланъ сюда въ Глуховъ до покойници п. Михайловой, для лѣченія ея, въ болѣзни ея приключившойся ей по рожденію, кашлю жестокомъ болю въ правомъ боку, діаргеи и пря... (Слѣдуетъ рецептъ).

---

[1]) См. Опис. Стар. Малороссіи, II, 396—411.

Подполковникъ Никифоръ Львовъ, по учинившойся ссорѣ со мною въ прошломъ декавр. м-цѣ, въ дворѣ гетманскомъ, билъ чоломъ на мене въ колегію иностраннихъ дѣлъ, будто я его бранилъ, називая бездолникомъ и безчестилъ, и по тому его чолобиттю прислана грамота до гетмана, въ якой при концу такъ написано: и въ нашой колегіи иностраннихъ дѣлъ рѣшено послать къ тебѣ, подданному нашому, нашу императорского в—ва грамоту, велѣть оного Маркова въ вишеписанной брани и безчестіи въ Глуховѣ, въ генералномъ войсковомъ судѣ, допросить и если въ чемъ противъ челобиття его Львова оной Марковъ станетъ запиратся, допросить свѣдителей и то дѣло изслѣдовать по нашимъ императорского в—ва указомъ и сочиня исъ того дѣла екстрактъ, прислать для разсмотренія и рѣшенія въ нашу колегію иностраннихъ дѣлъ.

Четвер. 24. День и ночъ были сходніе прежнимъ, и также къ свѣту жестокій морозецъ. На службѣ у ст. Николая, оттоль у п. Михайла, и домой пріехавши, обѣдалисмо всѣ обще, кромѣ жени, которая... Чотири воловика, а два подъ конѣ паробковъ футорнихъ повезли жита 18 четвертей въ Криски, а оттоль сюда забрать горѣлку. Родителеви на рангъ подскарбѣя енер. до 147 дворовъ еще придано, въ кролевецкой сотнѣ Андрѣевка—дворовъ 30, въ погарской—Суворовъ дворовъ 43, да Марковское—9, въ полку луб., сотнѣ роменской—Бобрикъ 35, Калиновка 5, Житное 9, Кропивинцѣ 5, Салогубовка 4, Уюное 7, Гавриловка 7, итого 153, всѣхъ съ прежними 300 дворовъ.

Пятокъ. 25. День былъ холодномокрий, хмарний и тихій, ночъ такова жъ, а къ свѣту морозецъ. Не ездилемъ никуда, толко у церквѣ ст. Анастасіи на службѣ былъ, да купили овса два четверики безъ малого чого, нинѣшной мѣри, по 1 р. и 40 к. Отецъ Никифоръ у вечеру былъ и исповѣдалъ домъ нашъ.

Субота. 16. Сей день и ночъ холодномокріе, хмарніе, тихіе, безъ морозу. Причащались род. и жена и дѣти въ Михайловской церквѣ, и обѣдали въ дому, и никуда не ездили. Тарасецъ явился теперъ по нѣсколку дняхъ и прощенъ.

Неделя. 27. День былъ зранку зъ снѣжкомъ и потомъ зъ дощикомъ, тихій, полухмарний и тепломокрій, зъ растаяніемъ знатнимъ, ночъ хмарна жъ, тиха и къ свѣту морозъ. Рано были зъ род. у енерала Нарѣшкина, оттоль у церквѣ ст. Михаила, оттоль у гетманскомъ дворѣ, где и обѣдалисмо, и я до вечора просидѣлъ зъ п. Михайломъ.

Понеделокъ. 28. День зранку былъ зъ морозцемъ, а около полдня стало роставать, къ вечору снѣгъ пошолъ, а потомъ дожчъ, которій и чрезъ ночъ, мало не всю, почасти показивался, при вѣтрѣ полуденномъ, отчего знатне роставало. Въ дому зъ родителемъ обѣдалисмо, а по обѣдѣ пріездилъ п. Михайло, зъ которимъ ездилемъ къ нему и у него долго въ ночъ просидѣлемъ. Рано через Тараса подана челобитная въ судѣ енер. отъ Вѣжевского, почему оной Вѣжевскій приговоромъ судящихъ отпущенъ зъ подъ аресту, въ которомъ сидѣлъ невино съ приказу Львова недель 10.

Вовтор. 29. День былъ по болшой части хмарний, нѣжели свѣтлій, зъ невеликимъ вѣтромъ полуденнимъ, тепловатъ, отчего роставало велми, ночъ свѣтла зъ морозцемъ къ свѣту, и хорошимъ. Сегодня не ездилемъ въ городъ, а обѣдалисмо у себе зъ род., по обѣдѣ п. Михайло пріехалъ ко мнѣ, зъ которимъ ездилемъ до генерала и тамъ игралисмо въ ліомбаръ зъ проиграшомъ 40 к. Писалемъ до братовъ п. Семена о присланню буланного дриganта отъ Івана Кучеровского, въ Перервинцѣ, а до Марка о томъ, чтобъ онъ писалъ отъ себе до Якова Дуброви о зъеханню его въ Сух. и Перер., а самъ бы братъ щиталъ гамал. дворника, (т. е. дворника х. Гамалѣевского).

М-ць мартъ. Середа. 1. День былъ свѣтлій и около полудня тепловатъ, ночъ свѣтла и зъ морозомъ. Обѣдалисмо въ дому, а родитель у генерала Нарѣшкина, а по обѣдѣ у вечеру ездилемъ до п. Михайла, зъ которимъ до полночи просидѣлемъ.

Четвер. 2. День былъ холоднѣйшій отъ вчорайшого, такъ же свѣтлій, тихій и ночъ свѣтла зъ морозомъ. Сегодня я по дѣлу моемъ со Львовимъ подполковникомъ, которий на мене въ колегію иностраннихъ дѣлъ челобитствовалъ и оттоль прислана грамота до гет-

мана, чтобъ въ безчестіи, якоби отъ мене Львову показанномъ, допросить мене въ судѣ енер., въ оний судъ сискиванъ былъ, толко допросъ на завтрейшій день отложенъ. Оттоль билемъ на службѣ у ст. Николая, а у вечеру зъ п. Михайломъ ездилемъ до генерала, где до самой полночи игралемъ въ ломбаръ.

Пятокъ. 3. День былъ холодний, вѣтряний зъ метелицею, рано, а потомъ тихъ, однакъ холоденъ, хмаренъ, такъ же и ночъ отчасти свѣтла, тиха и зъ морозцемъ. Ездилемъ въ судъ енер. къ допросу противъ чолобиття Львова и не допрашиванъ былъ затимъ, что Львовъ не допустилъ мнѣ такъ отвѣтствовать, якъ гласитъ его чолобиття, але такъ, якъ онъ хотѣлъ. Жена поехала въ Тулиголови меду ситить.

Субота. 4. День былъ хмарній и мокрохолодний, и ночъ такова жъ. Сегодня рано ездилемъ въ судъ для допросу противъ того жъ челобиття Львова, на котораий мнѣ говорить не допустили Львовъ и Радищевъ того, что чинилось и хто кого бранилъ. О помѣшателствѣ отъ Львова мнѣ чинячомся въ допросѣ, подавалъ я челобитную, однако жъ непринялъ Радищевъ и немогучи зъ Борзною присовѣтовать—принимать ли мой отвѣтъ такій, въ которомъ бы я все что до того касаетца показалъ, или ни, пошли затимъ до гетмана и спрашивались, и слишали, что надлежитъ, и оттоль до генерала отехали за тимъ же вопросомъ, где они, я и многіе обѣдали. У вечеру ездилемъ до п. Михайла и посидѣвши, повернулемся домой. Вишнамѣненную челобитную, якой въ судѣ не принято, подалъ я гетману.

Неделя. 5. День былъ и ночъ во всемъ сходніе, хмарніе, мокріе зъ вѣтрецомъ полуденнимъ. Былъ на службѣ у ст. Анастасіи, обѣдалемъ у себе, а у вечеру игралемъ въ ліомбаръ у генерала зъ п. Михайломъ, зъ проиграшомъ 14 к. генералу, а п. Михайлу 20 к.

Понеделокъ. 6. День былъ и ночъ во всемъ вчорайшимъ сходніе, хмарніе, мокріе зъ туманомъ, чрезъ увесь день протягшимся. Сегодня въ судѣ енер. допросъ мой противъ челобиття подполковника Львова окончилъ пунктами въ слѣдуючой силѣ: 1) декабря

12 дня, 1731 году, въ воскресний день, послѣ обѣднѣ, какъ пришли отъ церкви за господиномъ гетманомъ, въ хороми его, подполковникъ Львовъ обще зъ полковникомъ Тургеневимъ и зъ другими штапъ и оберъ офѣцери, былъ я; 2) и г. гетмана маіоръ Хрипуновъ въ томъ, что по дѣлу его зъ женою бившого суди Чарниша чинится продолженіе не просилъ, а просилъ, чтобъ екзекуція, которую имѣнімъ движимимъ и недвижимимъ ея, Чарнишевой, за долгъ мужа ея здѣлано, не была скасована; 3) господинъ гетманъ съ подполковникомъ Львовимъ о его Хрипунове дѣле не розговаривалъ, а розговаривалъ съ нимъ маіоромъ, на то его прошеніе, отвѣтствуя, что такой екзекуцѣи по правомъ бить не доводится; 4) притомъ генер. суда кр—ію, что будто дѣло его Хрипунова зъ женою Чарнишовою рѣшено неправо, не порицалъ, для того, что въ то время о рѣшеніи и разговору не было, а былъ разговоръ о екзекуцѣи; 5) его, Львова, безделникомъ и другими бранними словами не називалъ, а было такимъ способомъ: когда повѣренний князя Якова Крапоткина, маіоръ Хрипуновъ, сталъ просить господина гетмана объ екзекуцѣи, какъ висше показано, тогда и я такимъ же порядкомъ, якъ и маіоръ Хрипуновъ, подшедъ до господина гетмана, началъ просить отъ имени сестри своей, бившого судіи Чарниша жени его, вдови Чарнишевой, даби отдачи собственного ея имѣнія за долгъ мужа ей не чинено; въ ту пору онъ, Львовъ, сталъ кричать на мене—што тебѣ за дѣло, на что я ему учтиво отвѣтствовалъ, что мнѣ дѣло такое, что оная вдова Чарнишева мнѣ двоеродная сестра и просила мене, чтобъ я въ обидѣ ея той, что за долгъ мужний собственное ея движимое и недвижимое имѣніе заарештовано и неимѣетъ чимъ себе зъ малими дѣтми прокормить, просилъ вмѣсто ея г. гетмана, въ непритутствіи ея, за ея вдовствомъ и сиротствомъ, даби показана была ей милость, чтобъ тая екзекуцѣя ея имѣнія была знята. Противъ чего онъ, Львовъ, со гнѣвомъ брань крикнулъ на мене, сказивая: лжишъ ты, веть ты ея не повѣренный, и на такую его брань я умолчалъ, а отвѣтствовалъ повторне ему зъ учтивостію, что я не лгу, ибо она, сестра моя, какъ словесно, такъ и писменно просила мене, чтобъ я не толко

15. Отвѣтъ П. С. Милорадовича.

Государиня моя Анастасія Степановна. Писмо ваше съ Боровичъ, сего маія отъ 20 числа, принесенное ко мнѣ чрезъ неизвѣстного мнѣ мужика полуботковского, я сего маія 23 числа получилъ, съ которого усмотрѣлъ, что вовся напрасно и несправедливо вы приписываете мнѣ, будто отъ меня произшедшую нѣякуюсь вамъ обиду, для того, что не только вы, но и всѣ честные люди совершенно знаютъ, что я болше двадцати лѣтъ, какъ при жизны жены моей, такъ и по смерти еи, отдавалъ вамъ всякое почтеніе, чему свидѣтель есть Богъ, и ни малѣйшей причины не подалъ козлобленію вашему на меня и несносной обидѣ моей сей, которую я нынѣ притерпѣваю, именно жъ: прошедшого марта 27 числа, когда я пріѣхалъ къ вамъ, въ Боровичи, за дочерью моею и еѣ не засталъ, ибо вы ее предъ пріѣздомъ моимъ за день, тоесть 26 марта, отправили въ Смячъ, въ домъ брата своего г. Фридрикевича, увѣдомясь предварително отъ него о пріѣздѣ моемъ къ вамъ въ Боровичи, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ вамъ, по совѣту своихъ братовъ, дочери моей мнѣ не отдавать, и такъ скоропостижно дочь мою съ Боровичъ выслали, что она изъ невѣсткою вашею постыднымъ образомъ изъ Петровой Слободы, на мужичьихъ саняхъ пріѣхала, крикочись, убѣгая отъ отца своего въ Смячь. Я узнавши явное обманство, не могъ однакожъ отъ сердоболія удержатся, желая видѣть дочь свою и взять ее съ собою, принужденъ былъ поѣхать въ Смячъ, марта 28 числа, гдѣ надъ чаяніе мое, еще вящую обиду и безчестье получилъ, по вашему общему совѣту съ братами вашими; и когда я примѣтилъ, что братъ вашъ Степанъ Степановичъ и съ женою своею дочь мою кроютъ и заперли въ комнату свою, то принужденъ былъ сквозь двери звать ее, и когда она мнѣ дверей отворитъ не хотѣла, то я въ окошко вторично звалъ ее, на что дочь моя мнѣ персонално отвѣчать не устыдилась сими словами: что она состоитъ не въ моей воли, меня не слушаетъ и со мною не поѣдетъ, что повторялъ тое жъ самое и братъ вашъ Степанъ Степановичъ съ женою своею, которая совѣтовала ему, чтобъ меня связали. И между тѣмъ, какъ я дочь свою искалъ, приступили ко мнѣ мужики болше двадцати человѣкъ, кромѣ приказчика смяцкого и служителей дворовыхъ. Наконецъ, я увидѣвши себя отъ васъ, братовъ и невѣстки вашей, и отъ дочери моей, презрѣннымъ, обруганнымъ и посмѣяннымъ, съ печалію моею отъѣхалъ, и принужденъ искать прибѣжища и удоволствія въ правителствѣ. Вотъ ваши и

братовъ вашихъ самоволные поступки, не имѣющіе предразсужденія ни по божіимъ, ни по гражданскимъ законамъ, и будучи вы сами зъ братами своими начинщики такова произшествія, которого еще поныпѣ не слышно было, и сіе все обращаете на обиду будто вамъ учиненную, чему всему причиною вы съ братами своими. Извѣстно жъ вамъ симимъ сіе, что въ прошедшемъ 783 году, въ мѣсяцѣ іюнѣ, писмомъ своимъ просили вы меня, чтобы я дочь свою отискалъ въ Воронковѣ, съ дому брата моего Андрея Степановича, гдѣ она обучалась въ мадами, и прислалъ бы къ вамъ для обученія хозяйства, на что я согласясь, отправилъ ее къ вамъ; изъ того времени живши у васъ, приведена въ развратъ и непослушаніе отца своего, какъ выше сказано. Чтожъ пишите въ писмѣ своемъ, что вы должны стараться о дочери моей, то на сіе вамъ обявляю: никакой законъ васъ попечительницею не опредѣлилъ дочери моей, живу сущу отцу еи, а должны вы прислать ее ко мнѣ, отцу еи, и исполнить законъ божій и гражданскій, равно и дочь моя, которая согрѣшила противъ заповѣди божіей, обманула, презрѣла и привела себя въ непослушаніе и непочтеніе отца; и сіею поступкою еи я обруганъ, обезчещенъ вами, должна пріѣхать ко мнѣ, принесши покаяніе, а ежели сего не учинитъ, то пребудетъ на ней всегда божіе неблагословеніе. Болѣе сего я писать къ вамъ не нахожу и пребываю васъ, государынѣ моей, покорнѣйшій слуга Петръ Милорадовичъ. 25 мая.

16. Настасіи Степановны къ зятю.

Государь мой Петръ Степановичъ. Между тѣмъ, какъ судьбѣ угодно было дочери вашей опредѣлить мужа Ивана Степановича Лашкевича, съ которымъ 23 числа сего маія обвѣнчалась, я отозватся къ вамъ съ моимъ совѣтомъ поспѣшаю, прося васъ—дѣтей вашихъ, по долгу христіянства и человѣколюбія, благословить, принявъ въ отеческое ваше благопризрѣніе, не лишить ихъ вашего милостиваго покровительства.

И при томъ не угодно ли выданные позвы, а отъ оныхъ послѣдующее неспокойствіе для меня, отъ васъ заводимое, прекратить, не попуская хлопотамъ, злобѣ и враждѣ далѣе угнѣздится во времена нынѣ нашихъ съ вами немолодыхъ лѣтъ, къ которымъ я отнюдь не сродна; естли же мнѣ вступить и въ процесъ, которой вовся не важенъ, а вамъ не авантаженъ, то чтобы онъ не произвелъ вамъ или наслѣдникамъ вашимъ, впредь невозвратнаго раскаянія и потери, ибо я во всякомъ случаи при моей правотѣ и равнодушіи предъ Бо-

томъ и предъ публикою, въ совѣсти моей не погрѣшу, бывши отъ васъ крийне огорченною и обиженною.

Вы разсудивъ по сему, что для васъ и для дѣтей вашихъ полезнѣе, увѣдомте вамъ усердствующую. 29 мая.

Въ то время, какъ П. С. Милорадовичъ переписывался съ тещею и дочерью, категорически заявляя имъ, что онъ не согласенъ «въ выборѣ» С. И. Лашкевича «для многихъ и важныхъ причинъ», теща рѣшала этотъ вопросъ утвердительно и безъ согласія зятя, находя, что лучшаго жениха внучкѣ ея ожидать нечего. Изъ печатаемыхъ ниже бумагъ видно, что согласіе на бракъ, и невѣстою, и ея бабушкою, выражено было жениху уже въ концѣ января 1789 г., причемъ согласіе было и юридически оформлено.

Засимъ печатаются письма Н. С. Лашкевича, изъ которыхъ одно писано къ бабушкѣ невѣсты, а остальныя—*къ невѣстѣ*, когда Лашкевичъ сталъ уже *женихомъ*.

Письма эти обнимаютъ время отъ конца января 1789 г. до вѣнчанья, въ концѣ мая. Нѣкоторыя изъ нихъ не обозначены временемъ, почему можетъ быть хронологическій ихъ порядокъ вполнѣ и не соблюденъ. Писемъ *невѣсты* не сохранилось.

17. Милостивая государыня матушка, Анастасія Степановна! Безъпредѣлное мое къ вамъ почтеніе велитъ конечно принесть совершеннѣйшую благодарность за отмѣнныя ваши мнѣ благотвореніи, кои вѣчно пребудутъ безъцѣнни для меня. Благопріятной отвѣтъ вашъ, коимъ вы изволили удостоить, содержащій въ себѣ все мое счастіе, которой вънѣстѣ подкрѣпляетъ жизнь мою, безъ чего она была бъ въ тягость! Видя изъ письма батюшки Степана Степановича (Леонтовича), сколько изволилъ содѣлать для меня благодѣянія м. г—рь Григорій Григорьевичъ (Фридрикевичъ), хотя я имѣлъ намѣреніе письмено благодарить за такое мнѣ пособіе къ достиженію желаемаго щастія, но щитаю сію жертву несоразмѣрну за его ходатайство къ устроенію моей судьбы, а старатся буду лично изявить ту мою признательность. Когда рокъ будетъ меня до того угнѣтать, что и на послѣдній вашъ отзивъ къ его превосходительству не будетъ отвѣтъ содержать ничего лестнаго въ мою пользу, то въ такомъ случаѣ позвольте, м—вая г—ня матушка, просить въ отраду моего мученія явиться въ Боровичи, ибо уже и силы мои мнѣ измѣнили противополагать терпѣнію, и сего отъ васъ ожидаетъ съ нетерпѣливостью посвятившій все время жизни своей къ вашимъ пове-

ленiямъ и честь имѣетъ поручить себя въ ваше покровительство, пребывая съ истиннымъ высокопочитанiемъ и глубочайшею преданностiю, вашъ, м. г—ни матушки, покорнѣйшiй слуга Иванъ Лашкевичъ. Я не воображалъ, чтобъ м. г. Василь Степановичъ по сiе время былъ у васъ, мнѣ очень предъ нимъ совѣстно, что не здѣлалъ ему должнаго моего почтенiя. Теперь же васъ, м. г—ня, покорно прошу оное отъ меня засвидѣтельствовать. Г-нъ Аренсъ мнѣ сказалъ, что вы изволили требовать газетъ; жалѣю, что почта такъ неисправна, я на сей мѣсяцъ еще не получилъ, а за прошлый мѣсяцъ посылаю теперь, а новые, какъ скоро получу да и впередъ мною получаемые, когда прикажете, буду имѣть честь вамъ оные доставлять въ самой возможной скорости. Къ м. г—рю Степану Степановичу для того не пишу, что онъ изволилъ меня увѣдомить, что намѣренъ отлучится къ сестрицѣ, то я уже у васъ его не щитаю. (*Брахловъ, 27 янв., 1789 г.*).

18. Милостивая государиня Настасья Петровна! Въ какомъ я теперь восхищенiи духа говорю съ вами мысленно! Ахъ! жестокая судьба, за что я такъ строго наказанъ, для чего лишенъ я для меня перваго и послѣдняго щастiя! Сижу въ сей горестнѣйшей сылкѣ и не могу слѣдовать волѣ моей, въ томъ состоящей, чтобъ зрѣть—что на свѣтѣ мнѣ драгоцѣнѣе. Сколько такое удаленiе противъ моего желанiя,--причиняетъ муки и ужаснѣйшей тоски! Силъ моихъ нѣтъ того вамъ изяснить. Посредѣ всѣхъ сихъ окружающихъ рвенiй, много мнѣ служитъ утѣшенiемъ вашъ прiятнѣйшiй отвѣтъ, которой одинъ удобенъ въ теперешнѣй моей печали возстановлять на малое время мое спокойствiе. Счастливымъ почтусь, чѣмъ однакожъ и ласкаю себя надеждою, что и впредь не буду отриновенъ пользоватся тою милостiю, въ коей полагаю все мое благополучiе. Присемъ честь имѣю быть съ совершеннѣшимъ къ вамъ высокопочитанiемъ, вашъ м. г—ни покорнѣйшiй слуга Иванъ Лашкевичъ. (*Брахловъ, 27 янв., 1789 г.*).

19. М. г—ня, Настасiя Петровна! Превыше силъ моихъ было продолжать далѣе молчанiе и быть въ неизвѣстности о вашемъ благостоянiи; изобразить вамъ не могу, сколько мнѣ вчерась причинилъ радости прiездъ батюшки Степана Степановича, отъ котораго я имѣлъ щастiе слишить и наслаждатся всѣмъ тѣмъ, что изволили вы поручить мнѣ сказать. О! сколь всегда для меня важно и прiятно имѣть свѣдѣнiе о вашемъ драгоцѣннѣйшемъ здравiи, которое есть и навѣки пребудетъ душею жизни моей. Поминутно здѣсь питаюсь

мисленно, представляя живо вашъ для меня оживотворяющій образъ, и только успокаеваюсь отъ ужасной моей скорби, происходящей отъ разлуки. По выездѣ моемъ изъ Смячи, тщетно я старался возставить себѣ покой, и потому не могъ уже заѣхать въ Боровичи, въ мѣсто, гдѣ бы мнѣ всякой шагъ удвоялъ печаль и напоминалъ бы мнѣ грусть, что я не вижу того сокровища, кое мнѣ превращало изъ Боровичъ рай. Итакъ, я разставшись къ великому моему несчастію съ вами въ Смячи, томимъ неописанною тоскою, (отъ коей не освобождаюсь никогда, пока счастливая судьба не возвратитъ мнѣ паки зрѣть васъ, для того одного и живу), приехалъ я въ Брахловъ тогожъ дня въ 11-ть часовъ ночью. Сколь потера моя велика, что не могу имѣть теперъ того первѣйшаго щастія, чтобы стократъ вашу для меня найдрагоцѣннѣйшую руку облобызать и воздать должнѣйшую жертву моей вамъ благодарности, за вашъ отвѣтъ, которого удостоенъ видѣть у Степана Степановича батюшки въ копіи. Съ какимъ удовольствіемъ сердца моего я его читалъ и перечитивалъ, и всегда новымъ обятъ былъ удовольствіемъ и несказаннымъ веселіемъ. Душа моя напоѣвалась, благодаря ангела, указывающаго зрѣть путь къ моему блаженству, но щитаю всѣ сіи выраженіи мои недостаточними къ поясненію той моей чувствительности, коею я къ вамъ преисполненъ, и въ томъ одномъ полагаю мое благополучіе, и тѣмъ однимъ во всю жизнь мою заниматся буду. Предѣлу нѣту моего желанія быть предъ лицемъ вашимъ и лично вамъ пояснить всю ту признательность, коей уже и могущества моего нѣтъ и не достаетъ сказать на бумагѣ. Прошу я у матушки позволенія, если позволятъ къ тому обстоятольства и время, указать мнѣ явится въ Боровичи. О когдабъ мнѣ получить сіе лестное позволеніе, не медлилъ бы ни минуты—къ мѣсту моего покоя летѣть. Прещастливымъ считаю сей листъ, что онъ дойдетъ къ прекраснѣйшимъ вашимъ ручкамъ, кои мисленно цѣлую тысячу разъ и притомъ имѣю счастіе подвергнуть себя въ вашу милость и пребытъ съ непоколебимъ высокопочитаніемъ и совершеннѣйшею преданностію вашъ, м. г—ни, покорнѣйшій и вѣрнѣйшій слуга, Иванъ Лашкевичъ. М. г—нѣ тетушкѣ Софіѣ Васильевнѣ прошу засвидѣтельствовать мое преданнѣйшее почтеніе и притомъ честь имѣло препроводитъ у сего маленькое письмецо отъ батюшки Степана Степановича. *(Брахловъ, 25 февраля, 1789 г.)*.

20. М. г—ня Настасія Петровна! Какое было мнѣ удовольствіе, пріятность и отрада отъ бурныхъ для меня здѣсь дней, когда

я удостоился полученіемъ отъ васъ наидражайшаго вашего письма, коего каждое слово сопровождалъ съ черезъвычайною радостію, слезми. Могу ль не признать себя щастливѣйшимъ изъ смертныхъ, къ какому несравненному жребію по соизволенію всевышняго Творца, ангелъ мой! меня предуготовляетъ, и вижу явно возрастающій столпъ моего непоколебимаго благополучія. Но ахъ! гдѣ мнѣ взять бодрости духа, сопротивлятся препонамъ, возбраняющимъ дойтить ко моему благоденствію; я тотъ, которій не имѣю уже власти надъ собою, и нѣтъ во мнѣ прежнихъ силъ, чтобъ я могъ отогнать царствующую мрачную надо мною ночь:—сокрытъ день отъ меня, когда я осужденъ до самаго праздника не видѣть васъ. О! строгій приговоръ, но какъ перемѣнить, когда обстоятельства наши того требуютъ, продолженіе оныхъ меня найжесточайше ужасаетъ. Положилъ я намѣреніе, для моего покоя, писать къ вамъ еженедѣльно, равно льщу себя надеждою, что больше себя васъ любящій и всѣмъ, жизнію вамъ жертвующій будетъ столько щастливъ, что соизволите его удостоивать вашими наиприятнѣйшими отвѣтами. Не утаевайте отъ меня, м. г—ня Настасія Петровна, каковы вы въ своемъ здаравіи,—развѣ я еще не могъ довольно увѣритъ васъ, сколько ваше благосостояніе безъцѣнно для меня. И утѣште меня вашимъ наилюбезнѣйшимъ отзывомъ! Въ заключеніе жъ всего, цѣлую ваши дражайшіе ручки и честь имѣю повергнуть себя во всегдашнюю вашу милость, пребывая къ вамъ съ совершеннѣйшимъ высокопочитаніемъ и отличнымъ и глубочайшею навѣки преданностію. Вашъ, м. г—ни, покорнѣйшій и вѣрнѣйшій слуга Иванъ Лашкевичъ. *(Брахловъ, 6 марта)*.

21. М. г—ня Настасія Петровна! Разогнана унылость изъ души моей и зрю возвращенную мнѣ тишину! Теперь совершенно удостовѣренъ о вашемъ найдрагоцѣннѣйшемъ для меня здравіи, коего маленькой шагъ ко вреду вашему, клянусь, стоитъ жизни моей. Такъ мнѣ велятъ чувствоватъ неограниченная моя къ вамъ любовъ, почтеніе и вѣчная привязанностъ,—чего ничто на свѣтѣ не можетъ истребитъ, предъ вамы уже повергнулъ я сердце мое и душу на вѣкъ! Позвольте мнѣ изъявить вамъ найчувствительнѣйшую мою благодарность и облобызатъ мысленно прекраснѣйшіе и любезнѣйшіе ваши ручки стократъ: я имѣлъ счастіе получить на сихъ днахъ ваши два письма найпріятнѣйшихъ для меня, и оные, не выпущая изъ рукъ, всечастно цѣлую. И ни съ чѣмъ не могу сравнятъ радость при каждомъ моемъ взглядѣ на то начертаніе, кое я проходя глазами, мню, что я васъ вижу и съ вами говорю. О! вооображеніе, питающее

меня, почто оно скоро преходитъ, но приходя въ чувство, познаю горчайшую мою судьбу и обрѣтаю себя здѣсь!—тогда вдругъ начинаю чувствоватъ угнетающій меня рокъ и всю жестокость моей сильнѣйшей тоски, поминутно меня снѣдающей. Да и что можетъ быть жесточае лишенну быть дневного свѣтила, ангела моего! и что только есть для меня найпочтительнѣе въ свѣтѣ. Охъ! едва ль могу перенесть сіе ужасное время, разлучающее насъ, коего каждой часъ показывается днемъ. Поистиннѣ почитаю себя здѣсъ погребеннимъ. Къ крайнему моему изумленію, извѣщенъ я отъ батюшки Степана Степановича о бытности почтеннѣйшаго вашего родителя въ Чернѣговѣ и что онъ изволилъ изъяснятся съ какимъ—сь пріятелемъ о его намѣреніи—дать вашу руку какому то лифляндцу. Трепещу о такихъ мисляхъ его пр—ва, и конечно бъ ничто не могло бъ быть удобнымъ къ изгнанію моего сильнѣйшаго страху о таковыхъ его предположеній, когда бъ вдругъ не встрѣтилась мнѣ ваша твердость и святость слова, что все къ совершеннѣйшему моему счастію довольно узналъ и воображаю, что неудобно никому на свѣтѣ прервать цѣпь нашихъ обѣтовъ, къ томужъ имѣвъ счастіе бытъ руководствуемы силнѣйшими нашими благотворителями и заступниками, отъ коихъ, если могу достигнутъ наверхъ моего благополучія, то одно остается мнѣ—падши къ стопамъ м. г—ни матушки Настасіи Степановны, испроситъ найважнѣйшаго ея для меня благословенія. Если же бы паче всякаго моего чаянія, чего однакожъ я никогда не воображаю, и отъ чего Господь да сохранить, чтобъ могло послѣдоватъ по опредѣленію его пр—ва, то мнѣ ничего бъ не осталосъ бы тогда къ утѣшенію, какъ только былъ бы я готовъ тотъ же часъ понесть съ собою во гробъ ненарушимой ни для кого и ни для чего на свѣтѣ мой данной вамъ обѣтъ и разстался бъ съ жизнію, вамъ отъ меня посвященной. Но нѣтъ, мнѣ кажется, что небо должно уже надо мною сжалится и неужели я по сіе время не могъ его убѣдитъ моими тягчайшими вздохами! И зачѣмъ былобъ ему угодно оказать надо мною опытъ столь свирѣпаго наказанія! При всемъ томъ долго бъ я волновался подобными смущеніями, естли бы душа столь добродѣтельная и благовоспитанная, какова ваша естъ, при всемъ природномъ дарѣ, не столь мнѣ была извѣстна, и коей я примѣру не знаю, и всѣ наидостойнѣйшія качества въ ней же я обрѣлъ, возпрещаютъ прикратить мысленно мое рвеніе, но какъ положеніе мое теперешнее заставляетъ тѣни мнѣ своей боятся, то если вамъ мой покой и жизнь нужны, м. г—ня Настасія Петровна! то вы конечно не оставте меня

вывесть изъ мечтательнаго страху того, который щитаетъ себѣ за щастіе тысячу разъ цѣловать ваши прекраснѣйшіе и дражайшіе для меня ручки въ мысляхъ, примите сіе мое чувство, въ коемъ зрю одно мое утѣшеніе и отраду, въ жалостнѣйшемъ моемъ состояніи. Наконецъ, препоручая себя въ вашу твердость души и непоколебимую любовь, чего одно напоминаніе возвышаетъ духъ—волею, честь имѣю пребыть съ непреложнымъ къ вамъ и вѣчнымъ обожаніемъ и найсовершеннѣйшею преданностью, до послѣдней минуты жизни моей, вашъ, м. г—ни, покорнѣйшій и вѣрнѣйшій слуга Иванъ Лашкевичъ. Матушка и сестрицы м. г—нѣ свидѣтельствуютъ ихъ должнѣйшее и усерднѣйшее почтеніе. *(Брахловъ, 14 марта)*.

22. М. г—ня Настасья Петровна! Важнѣйшій и наипріятнѣйшій предметъ въ жизни моей есть тотъ, и навѣки пребудетъ непоколебимъ, и всею мысліею и душею обладающій,—поминутно созерцать васъ, найдражайшаго ангела моего, коего образъ найкрѣпчайше впечатотлѣнъ въ сердцѣ моемъ. А потому, какое можетъ быть мнѣ удовольствіе сладчае, что хотя и удаленъ тѣлесными глазами видѣтъ васъ, но мысленно и душею къ вамъ теперь лечу, принося жертву моей чистѣйшей благодарности за присланной наипрекраснѣйшій монументъ вашего достофальнаго рукодѣлія, за что позвольте мнѣ, м. г—ня Настасія Петровна, облобизать ваши наидражайшія мнѣ руки тисяча тысячу разъ. О! сколько кратъ несравненно щастливъ бы я былъ, еслибы я могъ совершенно знать, когда свѣтъ блеснетъ наипрекраснѣйшихъ вашихъ очей на меня! Охъ! едваль я дожду того для меня радостнѣйшаго времени, чтобъ болѣе еще вамъ воздать наискреннѣйшей благодарности и признательности лично и исполнить то въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ теперь душевно восхищаюсь и чего нѣтъ уже на свѣтѣ лестнѣе для меня—сказать вамъ чувство сердца моего. Теперь честь имѣю подвергнуть себя въ вашу непремѣнную любовь, наконецъ, цѣлуя ваши дражайшіе ручки, пребывая съ такой непоколебимостью и совершеннѣйшимъ высокопочитаніемъ къ вамъ навѣки, вашъ, м. г—ни, вѣрнѣйшій и покорнѣйшій слуга Иванъ Лашкевичъ.—Вѣнокъ розъ, выросшій и исплетенной для васъ въ сердцѣ моемъ, который прошу покорно удостоить вашимъ принятіемъ, чѣмъ ущастливите меня, желающаго да пребудетъ неувѣдаемо ваше драгоцѣннѣйшее здравіе подобно симъ розамъ. Пишутъ ко мнѣ изъ Москвы, что теперь по большой части дѣвицы, имѣя обыкновеннимъ образомъ волосы причесанные, носятъ на головѣ такіе вѣнки. Вамъ, м. г—нѣ, матушка и сестрицы мои прино-

сятъ ихъ чувствительнѣйшее благодареніе за ваше о ихъ напоминаніи, а при семъ свидѣтельствуютъ покорнѣйшее почтеніе. *(Брахловъ, 21 марта)*.

23. М. г—ня Настасья Петровна! Несравненно болѣе почелъ бы я себя счастливѣйшимъ, когда бъ былъ удостоенъ отъ нынѣ воскресшаго сказать вамъ, наипрекраснѣйшему ангелу души моей, Христосъ воскресъ, при изявленіи той радости и обряду, которой мы заимствуемъ и царствующаго съ самаго того дня, когда свѣтъ озаренъ воскресшимъ. Но если теперь и лишаюсь того счастія, чтобъ лично вамъ изъяснить празденство нашего общаго веселія, то мысленно обращаю къ вамъ, найпочтеннѣйшему предмету всего моего благополучія, и коего не имѣвъ въ сердцѣ моемъ, жить, божусь вамъ, не могу, цѣлую тысячу кратъ. О мысль наипріятнѣйшая, но почто, Боже мой! не надолго ослѣпляетъ зракъ мой, и къ вящему моему сѣтованію, вижу, что только одной мечтой питаюсь, и тутъ вдругъ является вся жестокость судьбы моей: восемь недѣлъ уже протекло, о пренесносная тяжесть тоски, ахъ! нѣтъ ничего злѣе, и я васъ не вижу, свѣтила глазъ моихъ, безъ коего весь свѣтъ мнѣ мракъ. Наслаждаюсь, куда не посмотрю, явно могу примѣтить, сколько наставшее торжество содѣлало радости на всѣхъ лицахъ; одинъ я изключенъ изъ того лику и ничто здѣсъ не удобно разогнать тоску мою горестнѣйшую, да и какъ можно тѣлу безъ души и сердца ощущать какое либо удовольствіе. О душа и сердце, онѣ давно уже удостоины жить въ храмѣ вашемъ, да живутъ они вовѣкъ. О коль завидна ихъ участь! Мнѣ жъ ничего болѣе не остается принесть въ жертву предъ симъ мною обажаемымъ храмомъ, какъ только навѣкъ посвятить къ вашимъ стопамъ остальные жизни моей дни, при всей моей отъ васъ, наидрагоцѣннѣйшаго ангела души моей, отдаленности. А посему самому несноснѣйшему положенію, еще одно воображеніе почти лишаетъ меня чувствъ, о чемъ прошу Всемогущаго да оборонитъ онъ васъ его десницею. Если угодно будетъ пріехать его пр—ву и прикажетъ вамъ съ собою ѣхать въ Жукотки, о Владыко! какіе могутъ страшнѣйшіе слѣдствія воспослѣдовать. Клянусь вамъ, что желающій похитить мое благополучіе и всю надежду моего благощастія, что все въ однѣхъ васъ полагаю, тотъ долженъ меня напередъ умертвить, на что охотно готовъ былъ бы себя предать, и сего то одного и конечного требуетъ отъ меня моя безъпримѣрная къ вамъ любовь и святость ненарушимаго на вѣки слова. Но тутъ разсудокъ велитъ мнѣ пріостановиться. Правда! Я долженъ ему повино-

вается, въ семъ случаѣ и признать, что вы совершенно въ хорошей крѣпости обитаете, и повелители оной несумнѣнно благонадежные, коимъ я за счастіе первѣйшее въ жизни моей всегда поставляюсь ввѣрить васъ, наипрекраснѣйшую душу души моей, купно съ жизнію моею, коей я не пощажу въ ихъ глазахъ, если бы то могла случиться какая превратность, отъ чего, Боже милостивый, да сохранитъ насъ. При чемъ имѣвъ счастіе завѣритъ васъ, что до послѣдней минуты жизни моей таковы чувства во мнѣ не могутъ истребиться, цѣлуя вашу прекраснѣйшую ручку тысяча тысячу разъ, имѣю честь препоручитъ вамъ себя въ вѣчную любовъ, пребывая къ вамъ съ непоколебымъ навѣкъ высокопочитаніемъ и найглубочайшею преданностію вашъ, м. г—нѣ, вѣрнѣйшій и покорнѣйшій слуга Иванъ Лашкевичъ. Приносятъ вамъ, м. г—нѣ, наиусерднѣйшее поздравленіе сего свѣтлѣйшаго праздника матушка и сестрицы мои. *(Брахловъ, 8 апрѣля).*

24. М. г—ня Настасья Петровна! Еще по сихъ поръ отъ ужасу кровь въ жилахъ моихъ замираетъ. Легко ли и удобно ли рожденной съ толь нѣжными чувствами, неслыханное насиліе отъ родителя своего должно было притерпѣть. О Боже мой! почто сей ударъ устремленъ на васъ, найдрагоцѣннѣйшаго и найпочтеннѣйшаго ангела души моей! и за что я, столь достойной понесть всю свирѣпость наказанія судьбы, обойденъ! И я одинъ причиною всего вамъ случившагось огорченія и обиды. Ахъ и чѣмъ только могу пополнить ваше безпокойство, проходя мысленно вашъ страхъ и изумленіе, въ какомъ вы тогда находились, постигнуть не могу и возблагодарить силъ моихъ нѣтъ Всемогущему за подкрѣпленіе вашего найдрагоцѣннѣйшаго здравія, на васъ ниспославшаго къ противустоянію подобной наглости. Но что долженъ я заключить о томъ страшнѣйшемъ поступку, когда одно напоминаніе меня приводитъ въ замѣшательство ума. По мѣрѣ сего долженъ я заключать и о зрителяхъ такого позорища, коимъ развѣ жизнію моею могу возблагодарить сохранителямъ вашей жизни, тутъ же и моей, не бывъ тамъ купно съ вами, сострадаю и обида вамъ была бъ мнѣ найнесноснѣйшая, и я должнымъ бы себя нашелъ загладить кровію моею, и ничто не моглобъ меня удержать отъ сего намѣренія. Увы, Боже мой, что можетъ смертельнѣе быть мнѣ, что тотъ даръ, кой я получаю отъ всемогущей твоей десницы и человѣкъ стремится оного меня лишить. Нельзя сего перемѣнить, а лучше старающійся опредѣленію судьбы нарушить Богомъ мнѣ начертанной, если онъ столько бодръ, пусть меня умертвитъ! Вотъ одинъ конецъ его и моего покою, но духъ

мой не будетъ трепетать предъстать суду Всевышняго! Теперъ, припадая къ стопамъ вашимъ, предъ коими давно я повергъ жизнь мою, чувствую конечно и сей знакъ вашей ко мнѣ милости, преизбыточествующей до послѣдней минуты духа моего, во мнѣ останется и поколѣ живъ, восхищать меня не престанетъ! И се то естъ залогъ вашей неподражаемой добродѣтели, любви и вѣрности ко мнѣ, чего всего не имѣвъ, неудобно было вамъ не склониться родителю столь страшному. Время вамъ покажетъ, драгоцѣннѣйшему и почтеннѣйшему ангелу души, сколь признательностъ моя къ вамъ неограниченна, коей теперь не могу болѣе изъявить, но мысленно цѣлую прекраснѣйшіе ваши ручки тысяча тысячу кратъ. Безъмѣрно мнѣ оскорбительно и тяжело, приведшему васъ къ сумнѣнію; сіе случилось, увѣряю васъ, безъ всякой моей на то воли, но не порицайте меня, жизнь души моей, будто въ несохраненіи моихъ обѣтовъ; божусь вамъ Богомъ, что никто ихъ лучше меня не соблюдетъ, обожая до смерти васъ и приемля за первенственное себѣ благощастіе посвященіемъ мнѣ вашей жизни, и для сохраненія сего пресущественнаго блага не пощажу себя до послѣдней капли крови моей. Приятнѣйшаго не можетъ быть удовольствія и отрады, какъ я теперъ отъ васъ, души жизни моей, извѣщенъ, прекраснѣйшаго ангела, что вы совершенно здоровы, съ коимъ и мое здоровье сопряжено и безъ коего я жить ни минуты не могу; но вкушая сладость сего маленького нареканія отъ васъ и весьма милостиваго противъ моего къ вамъ преступленія, и до безъконечности чувствую пріятностъ оного, что все сіе проистекаетъ отъ чистѣйшей вашей ко мнѣ любви и вѣрности. Въ заплату чего завѣряю васъ, прекраснѣйшаго ангела души моей, что нѣтъ ничего въ свѣтѣ мнѣ важнѣйшаго и любезнѣйшаго, какъ ваше сердце и рука, и предъ вами жертвую всѣмъ и жизнію моею, и безъ васъ мнѣ и секунда моглабъ быть тягостнѣйшимъ бремьемъ (sic) и одно ваше маленькое прискорбіе заставить меня умереть, отъ чего Боже всемилостивый да сохранитъ насъ, на его святую волю надежда, потомъ, да защитятъ насъ всемогущнимъ своимъ подкровомъ наши благотворители, коимъ потщимся принесть всемѣрную благодарностъ, предая себя въ непоколебимую вашу любовъ и вѣрностъ, лобызая тысяча тысячу кратъ ваши прекраснѣйшіе ручки, прошу любить и незабывать того, который за васъ готовъ умереть. Честь имѣю быть къ вамъ съ вѣчнымъ высокопочитаніемъ и совершеннѣйшею преданностію, вашъ, м. г—ни, вѣрнѣйшій и покорнѣйшій слуга Иванъ Лашкевичъ. М. г—ня! Кланяются вамъ со

всевозможнымъ почтеніемъ и преданностію, матушка и сестрицы мои, желая вамъ найлучшаго въ свѣтѣ здравія и благополучія. *(Брахловъ, 18 апрѣля).*

25. Ma mignonne, ma vie, mon ange, какой пресильной тоской поминутно я страдаю, мой любезнѣйшій другъ, Настасья Петровна, mon trés fidelle coeur! Только и утѣшенія въ грусти моей, когда получаю пріятнѣйшую вашу цидулку, за что вамъ, душа моя, жизнію своей плачу, примите ея, надежда моя и сокровище, и располагайте ею, какъ вы хотите. Давно вы ею владѣете, теперь только для васъ ея щажу! Какое чувствую удовольствіе отъ одного воображенія предъбудущей своей наисчастливѣйшей участи, о чемъ поминутно Бога прошу, чтобъ только дождать и недалъ бы изчезнуть отъ тягчайшей печали, происходящей отъ разлуки. Красота моя, упованіе мое, не забывайте меня! Цѣлую васъ, душенька моя, сто тысячъ разъ, и божусь вамъ, что во все время, что я васъ не вижу, днемъ, поминутно, вы въ глазахъ моихъ живете, а ночью лишь только сомкну глаза, то и вижу. Что быть пріятнѣе можетъ, а о протчемъ, что около меня происходитъ, не вижу ничего и не знаю—для васъ одной, жизнь моя, ангелъ мой, дражайшее мое сердце. А остальные дни вѣку моего посвящаю и тѣмъ мысленно занимаюсь, цѣлаго свѣта не могу сравнитъ съ вашею рукою прекраснѣйшею, кою ежеминутно цѣлую и щасливѣйшимъ себя поставляю, что вы, душенька, любите меня и не перемѣните никогда, за сіе готовъ отректись всѣхъ блистательныхъ мечтъ сего міра. *(Безъ числа).*

26. Любезнѣйшая обладательница души, сердца и жизни моей, любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой Настасья Петровна! Тогда только и покой духа моего вижу и волненіе мыслей отъ меня удаленно, когда берусь за перо съ вами говорить, наипрекраснѣйшій свѣтъ очей моихъ, миленькая моя Настенька, божество мое! И какъ мнѣ можно отъ васъ, душечка моя, таить мое положеніе: предъ вами я клялся имѣть съ вами, жизніоночкомъ моимъ, одну мысль, одну волю, одно желаніе, и ваше мнѣ приказаніе пребудетъ мнѣ навѣки законъ, слѣдовательно и не могу скрыть чувства нѣжнѣйшей страсти моей, къ вамъ, коей горѣть до конца жизни буду моей, но божусь вамъ, милушечка моя, что я до такой крайности дошелъ, что совсѣмъ сна не имѣю и отъ сего то я опасаюсь весьма нехорошихъ слѣдствій, но чѣмъ перемѣнить, прекраснѣйшій ангелъ мой?—Знаю и чувствую, что ни о чемъ не долженъ сумнѣваться: ваша вѣрность и любовь есть ко мнѣ безпредѣлны и я поминутно въ мысляхъ васъ, вѣрнѣйшую ду-

шечку Настеньку, вижу и читаю ваши прекраснѣйшіе строки, орошаю ихъ слезамы. Но разлука, о Боже милостивый, разлука—о несносное бремя! Къ тому жъ напоминаніе о зломъ на васъ нападеніи, что далѣ будетъ, не приведи Господь, клянусь вамъ, заплачу моему гонителю жизнію. Поминутно молю Всемогущаго, чтобъ онъ подкрѣпилъ ваше неоцѣнное здравіе для меня и на нашихъ бы покровителей ниспослалъ силу къ защитѣ насъ. Наконецъ, цѣлую васъ, вѣчная обладательница и божество мое, любезнѣйшій другъ, вѣрнѣйшая Настенька, сто тысячъ тысячу кратъ, ваши, жизніоночка, душечку и прекраснѣйшіе и сладчайшіе уста, ножечки и ручки, повелительницу мою цѣлую безпрестанно васъ, драгоцѣннѣйшій ангелъ мой, владычица моя, не забывайте, душечка моя Настенька, что сколько я мысленно васъ цѣлую, то когда Богъ дастъ видѣться, удостоить меня исполнить на самомъ дѣлѣ. *(Безъ числа).*

27. Дражайшее мое божество, прекраснѣйшій ангелъ мой, душа жизни моей Настасья Петровна! Все зависитъ теперь отъ васъ, жизніоночекъ мой, душечка, миленькая моя Настенька, и когда вы меня жалѣете и нужно вамъ продолженіе жизни моей, то сохраните ея для вашего обожателя, которой тогда перестанетъ горѣть къ вамъ нѣжнѣйшею любовію, когда жизнь его прекратится. Изъ письма моего къ батюшкѣ нашему Степану Степановичу можете, милушечка, моя красота, усмотрѣть все обстоятельно, гдѣ я ничего не упустилъ, чтобъ не дать чувствовать сколь до крайности опасно продолжать далѣе медленность и нерѣшимость нашей судьбы окончаніе, которую наши злодѣи все понемножку стараются приводить въ замѣшательство; наконецъ, чтобъ такъ не запутали, что съ превеличайшею трудностію и развязать можно будетъ. И такъ, маменька моя, прекраснѣйшая Настенька, моя душечка, просите сколько можно батюшку Григорія Григорьевича и Степана Степановича, а они, чтобъ бабушку нашу убѣждали къ увѣнчанію участи нашей счастливѣйшей въ нашихъ обстоятельствахъ. Столько ненавистниковъ! день дорогъ, а за недѣлю и сохрани Богъ чего могутъ надѣлатъ, и кончится прекращеніемъ жизни моей. Не оставь же меня, любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой, Настененька, утопающаго въ слезахъ и отъ горести можетъ быть и умру, но память друга моего съ собою понесу. Нѣтъ силъ болѣе. Повседневно вижу себя ослабѣвающа, тоска меня съѣдаетъ и свѣтъ для меня мраченъ и преодолѣть грусть свою мочи уже моей нѣту. Пожалѣйте меня, божество мое, одна отрада и одно упованіе, какое я въ жизни уже имѣю вы, душечка моя, подпора сла-

быхъ моихъ силъ, никого не имѣю, ни друзей и родни, кромѣ васъ, свѣтика, душечку, жизніоночка, прекраснѣйшаго ангела, вѣрнѣйшаго и любезнѣйшаго друга моего, божество мое Настеньку, и цѣлую васъ, душечку, миліонъ миліоновъ разъ—прекраснѣйшую душу вашу, сладчайшіе уста, дражайшія ручки и любезнѣйшія ножки. *(Безъ числа).*

28. Дражайшая обладательница жизни и сердца моего, прекраснѣйшій ангелъ мой, прелюбезнѣйшій другъ мой Настасья Петровна! Цѣлую тысяча тысячу разъ ваши сладчайшіе уста, и ручки и ножки! Снадбили вы меня, жизніоночекъ мой, душечка моя, пищею опять на нѣсколько дней: читая поминутно ваши питательныя карточки, ей-ей забываю самъ себя, съ коихъ весьма ясно вижу наиблагополучнѣйшую готовлющуюсь мнѣ жизнь, усѣянную цвѣтами. О высочайшее щастіе быть вамъ покорену сердцемъ и несравненно болѣе—имѣть ваше сердце и руку, и сихъ двухъ сердецъ, клянусь вамъ Богомъ, различить не умѣю: связаны они святѣйшимъ и ненарушимымъ обѣтомъ жить и умереть вмѣстѣ; воля и склонности ихъ сходны, но ахъ, вѣрнѣйшій другъ мой, потужимъ о нашихъ сердцахъ, утомленныхъ тягчайшими вздохами и о ихъ неудобности летать по минутно за 80 верстъ, но послѣднее не такъ для нашихъ сердецъ, трудно, какъ первое; увѣренъ, что соединенны наши сердца крѣпчайшимъ и вѣрнымъ союзомъ, не устанутъ отъ пути, судя по мѣсту между нами разстояніе имѣещему, летать, что составитъ нѣсколько тысячъ сотъ верстъ въ день. Храню, сколько могу, мое здоровье, но божусь вамъ святостію любви нашей, такіе приходятъ часы въ день, что въ совершенномъ безпамятствѣ нахожусь. Ахъ, Боже мой, сколь тяжко быть въ разлукѣ съ душею души моей, для коей живу, о почтеннѣйшій предметъ всего моего благополучія и отрады, mon ami le plus fidelle, qui puit etre au monde, припадши къ ножкамъ вашимъ, цѣлую ихъ! О счастливѣйшій тотъ день, назначенной премудрою рукою, въ которой могъ я быть усчастливенъ обративъ ваше вниманіе къ себѣ и изъ того то времени полагаю себя счастливѣйшимъ и надѣюсь, что примѣру моего благополучія подъ солнцемъ не можно сыскать, не могу себя одолѣть, чтобъ не обратиться къ цѣли моего одного благоденствія, зависящаго отъ васъ, любезнѣйшій и вѣрнѣйшій другъ мой Настасья Петровна, не оставляйте, душечка, жизніоночокъ мой, ангелъ мой, питать меня въ вашихъ карточкахъ вашей непорочной, чистѣйшей любовію и чистосердечнымъ изреченіемъ. Зачѣмъ таить намъ друга отъ друга нѣжныя чувства страсти нашей, связавши разъ навсегда судьбу нашу и предъ тѣмъ, который готовъ цѣловать пилъ (т. е. пыль) подъножія

вашего, цѣлую васъ, маменька моя, клянусь Богомъ живымъ, что до послѣдняго дни живота моего не узрите во мнѣ перемѣны въ вѣрности, въ почтеніи факалъ (sic) любви моей къ вамъ не угаснетъ, чего и отъ васъ равно надѣюсь.—*(Безъ числа).*

29. М. г—ня Настасья Петровна! О! найдрагоцѣннѣйшій ангелъ души моей! сколько мнѣ пріятно слышать изъ устъ вашихъ найпрекраснѣйшихъ, обращеніе меня къ великодушію правды вашей, противъ которой я не могу быть непризнательнымъ, но желаю чтобы вы также мнѣ отдали справедливость, вы сами есть, душа жизни моей, виновница! Удостоивъ у меня взять навѣкъ сердце мое и душу, а теперь меня же и вините, что я не великодушенъ, но я долженъ вамъ сказать, что я теперь и совсѣмъ безъдушенъ, и безъ сердца, вы ихъ навсегда приняли, счастливая ихъ участь обитать вѣчно подъ руководствомъ любезнѣйшей обладательницы жизни моей; я жъ съ моей стороны, да не лишенъ буду осчастливиться принятіемъ подъ вашъ покровъ и руководство, влидѣтельницею бывъ моей души и сердца, располагайте и мною, и той жизнію, которую на вѣкъ для васъ посвятилъ. Увѣренъ я на справедливость неба, оно милосердно и довлѣло бъ ему, кажется, отвратить уже отъ насъ ударъ, видя наше терпѣніе и невинность, но если оно медлитъ съ своими лаврами на насъ, то въ такомъ случаѣ, безъ Божіего подкрѣпленія не знаю, могу ли дожить конца. Я уже и сообразить не могу, какія только можемъ воздать благодарности м. г—рямъ батюшкамъ Григорію Григоріевичу и Степану Степановичу, за ихъ намъ защиту и приуготовленіе первѣйшаго намъ въ свѣтѣ благополучія. Да сохранятся въ нашихъ сердцахъ къ нимъ навѣки жертва благодарности и наичувствительнѣйшей обовязанности? Почти три мѣсяца истекаетъ, какъ я видѣлъ, о Боже всемогущій, когожъ? вѣчной обладательницы жизни, наипрекраснѣйшаго ангела, безъ коего мнѣ весь свѣтъ не милъ, о страшная тоска, да и самая жизнь моя начинаетъ мнѣ тяготною быть. О страшная тоска очевидно меня изнурять не престаетъ. Не забывайте меня, прошу васъ, жизнь моя, вся надежда моя, наполненною къ вамъ любовію неограниченною и непоколебимою вѣрностію до послѣдней минуты жизни моей, коею жизнь прекратится, когда только малѣйшая перемѣна случилась бъ въ вашемъ благосостояніи, о чемъ мысленно поминутно къ Богу обращаюсь и прошу его слезно, да будетъ его воля со мною, отнять у меня все, даже и жизнь мою, но чтобъ сохранилъ ваше здравіе, противъ котораго у меня нѣтъ подобія къ сравненію. Итакъ, цѣлуя сто тысячъ кратъ ваши драгоцѣннѣйшія,

прекраснѣшія и любезнѣйшія ручки, и поруча себя въ вашу безмѣрную любовь, завѣряя жъ съ моей стороны, что прежде жить перестану, нежели могла во мнѣ перемѣнится неограниченная къ вамъ любовь и вѣрность, и симъ однимъ будетъ духъ мой къ вамъ питать во всю жизнь мою.—Весьма желаю видѣть письмо Григорія Петровича и знать, куда цѣлитъ сія новая батарея, такъ долго скрытое только дѣйствіе имѣющая.—*(Брахловъ, 25 апрѣля)*.

30. М. г—ня Настасья Петровна! Не получавши отъ васъ, найдрагоцѣннѣйшаго ангела моего, чрезъ восемь дней никакого извѣстія, несноснѣйшей скукой терзаемъ былъ и грусть моя низводила меня къ величайшему отчаянію, не ожидая уже болѣе дожить и пользоваться вашими наипріятнѣйшими и питательными строками. И по многомъ мученіи, послалъ еще и третьяго человѣка искать прежнихъ двухъ, отчаявшись ихъ болѣе и видѣть, разсуждая, что конечно они пойманы ухищренными сѣтьми, ненавидѣвшими насъ. Какъ вдругъ, на девятый день, сверхъ уже всякаго моего чаянія, явился Степанъ Ар. съ двумя моими нарочными и третьимъ, встрѣтившимся съ ними на половинѣ дороги, коего онъ съ собою поворотилъ. За симъ, какимъ обятъ духъ мой удовольствіемъ и наполнился наипріятнѣйшею сладостію по принятіи отъ васъ, души жизни моей, неоцѣненнаго сокровица, вдругъ трехъ писемъ и отъ безмѣрной радости едва очи мои не отказались быть подвласными, возлетая поминутно къ вамъ, прекраснѣйшему жизніоночку моему, обитаемому въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ жили душа и сердце мои, имѣвшія по сходству всякому смертному, вліяніе частицы Божества, и сіи то два существа почтить вы, жизнь моя, соизволили принятіемъ подъ вашу вѣчную власть, а на томъ мѣстѣ остается образъ вашъ драгоцѣннѣйшій, найглубочайше впечатотлѣнной, управляя мною навѣкъ, коего чтя красоту и добродѣтель, сопряженные съ любовію неподражаемою и вѣрностію безъпримѣрною, счастливымъ себя считаю и полагаюсь быть предводительствуемъ вашею, душа жизни моей, наипрекраснѣшею и любезнѣйшею рукою, подъ властію которой чту мой вѣкъ златымъ, предъвозвѣщающій мнѣ безконечную сладость и удовольствіе. Теперь поставляю васъ, васъ, душечку мною, на кою справедливость вовѣкъ мой положится долженствую,—будьте вы мой судія, коего приговору законъ мнѣ есть повиноватся безъ всякого оправданія, не надобно ли быть совершенно безъ чувствъ, столько извѣдавши очно, испытавши душевно и безъпримѣрно плѣнясь укрѣпленному и найдостаточнѣйше удостовѣрившемуся въ вашей неограниченной вѣрности, преододѣвая всѣ труд-

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.
